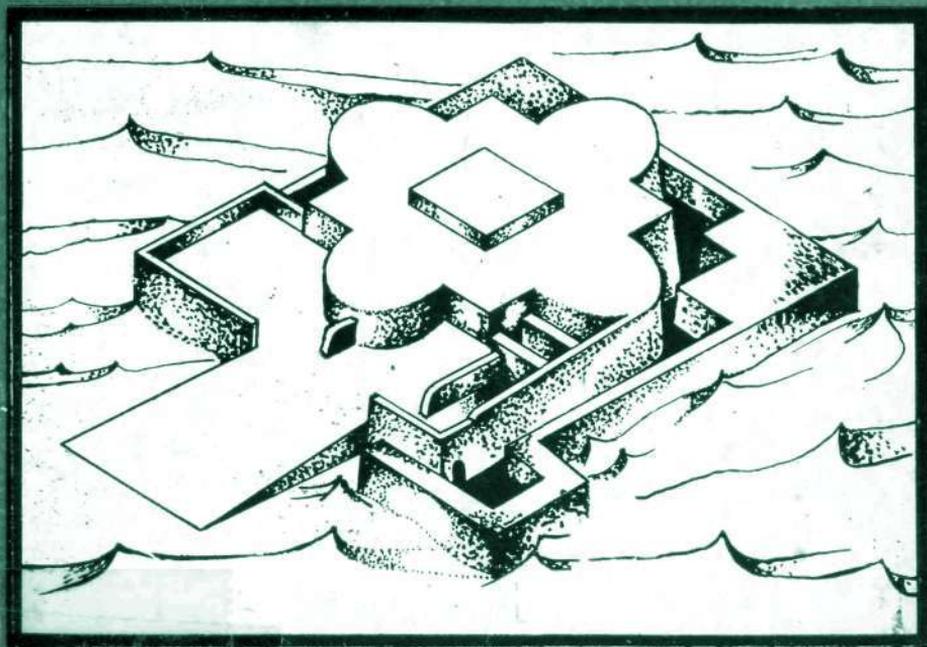

КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕБУХАРСКОГО
ОАЗИСА
III-VI ВВ. Н.Э.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КУЛЬТУРА
ДРЕВНЕБУХАРСКОГО
ОАЗИСА III—VI ВВ. Н. Э.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1983

В монографии впервые исследуются памятники северо-западных районов оазиса такие, как Кызылкыр, Сеталак, Нортена; дается типологическая классификация и историко-культурный анализ всех материалов. Выявляется место изученных памятников в культуре древней Средней Азии.

Для историков, археологов, работников музеев, преподавателей и студентов-историков, учителей, краеведов.

Ответственный редактор — кандидат исторических наук
М. И. Филанович

Рецензенты — кандидаты исторических наук
Б. Д. Кочнев, Р. Р. Мукашева

К $\frac{0507000000-1904}{М 355 (04)-83}$ 111-82

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Систематическое планомерное изучение древней культуры Бухарского оазиса началось с 1934 г. Первая экспедиция под руководством А. Ю. Якубовского выявила на востоке оазиса ряд памятников материальной культуры и произвела предварительное их историко-археологическое определение (63). В дальнейшем В. А. Шишкин продолжил изучение античных и средневековых памятников г. Бухары и ее окрестностей. В довоенный период основное внимание обращалось на памятники западной части Бухарского оазиса в зоне заброшенных древнеобводненных земель (58). В результате исследований всю зону к западу от современного оазиса разделили на три участка: южный, средний и северный, которые связывались с разными оросительными системами: Хайрабаддарьи, Самджана, Хитфара.

Особого размаха археологические работы в Бухарской области достигли в послевоенные годы. Раскопки на городище Варахша, многочисленных памятниках варахшинской округи, древних курганных могильниках Бухарского оазиса, преимущественно в восточной его части, позволили выявить самобытный облик ранне-средневековой культуры оазиса.

Разведочные и раскопочные работы проводились также к западу и северу от варахшинского района Махандарьинской экспедицией. Здесь обнаружены десятки пунктов культур эпохи неолита и бронзы, выявлена картина эволюции первобытной культуры низовьев Зарафшана, динамика первоначального заселения и дальнейшего освоения их (11). Исследована древняя оборонительная стена оазиса Девори-Кампирак (28), установлены контуры стены и время ее возведения. Большое внимание уделялось изучению древних оросительных систем Бухарского оазиса (26, 27).

Особое значение имели раскопки Махандарьинского отряда на городище Кызылкыр, материалы которого поставили перед исследователями ряд новых проблем хронологического и этно-культурного характера (10, 33). Не опубликованные ранее материалы

раскопок этого отряда включены в данную работу. В дальнейшем изыскания по изучению античных памятников Бухарского оазиса частично были продолжены: заложены шурфы на отдельных городищах и тепа в восточной части оазиса, проведены раскопочные работы на Сеталак-II, находящемся в 2 км к северу от Кызылкыра¹.

С 1972 г. работы по изучению и выявлению индивидуального облика древней культуры Бухарского оазиса вел Зарафшанский археологический отряд. Данная тема мыслилась как часть проблемы изучения древней доарабской культуры Согдианы. Полевые работы 1972—1975 гг. сосредоточивались в основном в северо-западной части древнебухарского оазиса, как наименее изученной, но имеющей, как указывали предыдущие исследователи, серию позднеантичных и раннесредневековых памятников.

Стратиграфические раскопочные работы проводились также на крупнейших древних городищах — Рамитане и Рамише, где получены последовательные непрерывные стратиграфические колонки развития керамических форм оазиса, начиная с середины первого тысячелетия до н. э. до эпохи средневековья (49).

Основные раскопочные работы сосредоточены на холме Сеталак-I, общественно-культурное назначение и особенности архитектуры которого позволяют осветить особенности культовых представлений населения Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья.

В полевых работах Зарафшанского археологического отряда в различные годы, помимо авторов, принимали активное участие сотрудники Института археологии АН УзССР Т. К. Ходжайов, С. А. Анарбаев, Н. Ю. Нефедов, О. М. Ростовцев, Р. Равшанов, Т. Кучкаров, В. Медведев, Т. Лебедева.

Р. А. Мухамеджановым написаны разделы «Введение», «Археологические памятники Кызылкыра и Сеталака», «Древнебухарская стена Канпирак и кызылкырская оросительная система», «Раскопки Кызылкыра-I», «Раскопки Кызылкыра-II. Дом-2», «Стратиграфический раскоп на Кызылкыре-III», Р. Х. Сулеймановым — «Раскопки на Сеталаке-II», «Раскопки Норттепа», «Раскопки Сеталака-I», «Археологические находки комплекса Сеталак-I» и «Из истории культуры Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья». Описание керамики Кызылкыра-I и II, Сеталака-I и II дано Б. Ураковым.

Обмеры и графическая реконструкция архитектурного облика комплекса Сеталак-I произведены архитекторами В. Медведевым и Н. Абдуллаевой.

¹ См. предварительные отчеты Я. Амирова за 1968—1970 гг. Архив Института археологии АН УзССР.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КЫЗЫЛКЫРА И СЕТАЛАКА

Район, расположенный на северо-западной границе Рамитанского района Бухарской области, в археологической литературе известен как северный участок земель древнего орошения Бухары (25, с. 72—84; 55, с. 29—31; 56, с. 144—146). Он включает кызылкырско-сеталакскую группу античных памятников и средневековых городищ Караултепа, Ходжапарсан, Ходжакул и др. общей площадью примерно 15 км² и протяженностью с юга на север 20 км, а с востока на запад от 8 до 12 км.

Впервые археологические работы начались здесь в 1934 г. с рекогносцировочного обследования В. А. Шишкина, в результате чего было вскрыто 25 различных памятников древности. После 50-х годов с открытием позднеантичного поселения Кызылкыр-I и проведением дальнейших раскопов этот район стал одним из основных объектов археологического исследования Махандарьинского отряда, возглавляемого Я. Г. Гулямовым. В 1972 г. Зарафшанский археологический отряд Института археологии АН УзССР осуществил полное картирование этого района, зафиксировав более 40 памятников древности. Так как в этом районе, входящем в зону земель древнего орошения низовьев Зарафшана, сохранились следы материальной культуры различных исторических периодов — неолита, поздней бронзы и средневековья, памятники по времени можно разделить на три группы: эпохи неолита и поздней бронзы (2), античные (19) и средневековые (2).

Первую группу представляют два памятника. Наиболее древний памятник, относящийся к новокаменному периоду, зафиксирован в 1953 г. Я. Г. Гулямовым в 0,5 км к северо-востоку от Кызылкыра-I. Он небольшой по площади, примерно 120—150 кв. м, сплошь усеян мелкими каменными пластинками и отщепами. Находки представлены большим количеством изделий из камня, скреблами, скобелями, обломками наконечников стрел, вкладышами, нуклеусами, а также отщепами со следами использования и отбросами производства. Кроме того, найдены украшения в

виде подвесок из раковин, обломков костей (черепahi и рыбы), фрагментов керамики, а также несколько маленьких кусочков бронзы (18, с. 19).

Материалом для изготовления микролитических орудий служили различный по цвету кремьень, роговик, агат, опал и белый халцедон. Преобладающая часть каменных изделий под действием солнечных лучей и ветра сильно окатана и патинизирована. Классификация каменных изделий, анализ форм и техники изготовления орудий позволили отнести основную часть материала к неолитическому времени — IV—III тыс. до н. э.

Археологическая шурфовка, заложенная в нескольких пунктах стоянки, не дала ожидаемых результатов. Там не сохранилось никаких следов культурных наслоений. По всей вероятности, это были остатки сильно развееанной стоянки древнейших охотничье-рыболовецких племен, с довольно высокой микролитической техникой типа кельтеминарской, расположенной когда-то в свое время на дюнных песках древней дельты р. Хитфар. В научную литературу она вошла как неолитическая стоянка с кремнеобработывающей мастерской.

Второй памятник этой группы — единственное погребение поздней бронзы — обнаружен в 1958 г. у южной стены квадратного зала монументального здания Кызылкыра-I. Могила сильно разрушена. Положение костяка скорченное. В западной части погребения найдены два горшка с орнаментом в виде елочки и треугольника, а также две бронзовые подвески в виде восьмерки. Судя по их положению, погребенный лежал головой на запад. Погребенный инвентарь, в частности бронзовые подвески, свидетельствуют о том, что здесь захоронена женщина. А. А. Аскарлов относит памятник к тазабагъябскому типу скотоводческо-земледельческой культуры и датирует XII—XI вв. до н. э. (1, с. 31). Отдельные фрагменты керамики с елочным орнаментом этой культуры найдены нами в 1959 г. вблизи Кызылкыра-II (дом 2). Выявление памятников эпохи неолита и поздней бронзы еще раз подтвердило о естественном происхождении Вабкентдарьи. Природные условия района ее дельты, обводненные периодическими разливами реки, благоприятствовали заселению района сначала в V—III тысячелетиях до н. э. охотничье-рыболовецкими племенами, а затем во II тысячелетии скотоводами-земледельцами поздней эпохи бронзы.

Античные памятники. К этим памятникам отнесены остатки поселений двух типов, отличавшихся планировкой и назначением. Первый тип представлен остатками небольших неукрепленных поселений — почти незаметных возвышенностей, густо усеянных обломками керамики, зернотерок, щебнем, местами с контурами жилищ, очагов кострищ и усадеб. Ко второму типу относились руины укрепленных однослойных и многослойных поселений в виде плоских бугров, чаще прямоугольной или овальной формы размером в среднем в поперечнике от 50 до 80 м, высотой от 3 до

10 м, состоявших из маленьких античных крепостей на высоком глинобитном постаменте и больших патриархальных домов, окруженных мощными глинобитными стенами, с предвратными соору-

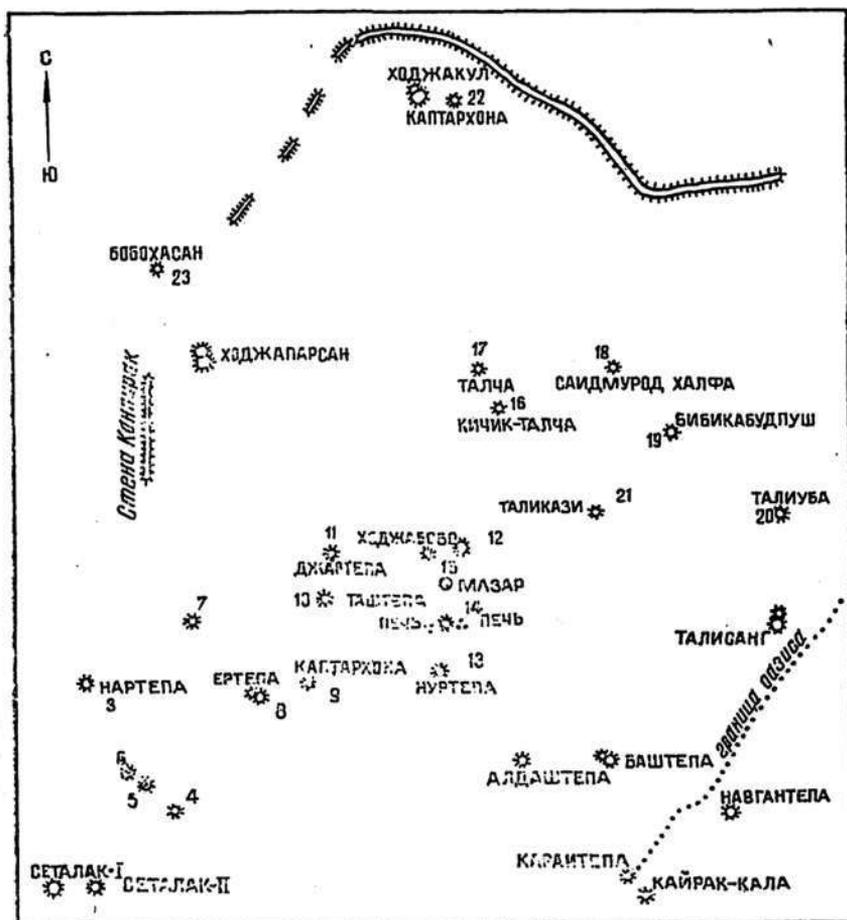

Рис. 1. Схематическая карта памятников северо-западной окраины Бухарского оазиса

жениями в углу. Основная часть памятников этого типа расположена к северу от бугра Сеталак, детальное изучение которого было проведено в 1972—1975 гг. (рис. 1). Опишем самые южные из них — пять безымянных поселений (объекты 4—8)¹.

¹ Под № 1, 2, 3 обозначены Сеталак-I, Сеталак-II и Нуртепа, изучению которых посвящены специальные разделы данной работы.

Объект-4. Поселение расположено в 2 км к востоку с отклонением на северо-восток от памятника Сеталак-1. Оно представляло собой большой оплывший холм высотой более 5,9 м, размером 80 м в поперечнике (рис. 2). Форма в верхней части прямоугольная. Вершина сдвинута к западу. Поверхность покрыта такырной коркой и усеяна керамикой и мелким гравием. Керамический материал идентичен кызылкырскому, сеталакскому (I—II) и нортепинскому.

Объект-5. Он вскрыт в 2 км к востоку с отклонением на северо-восток от Сеталак-1. Это небольшой, вытянутый с востока на

запад сильно оплывший холм высотой до 4 м, длиной 160 и шириной 55 м. В восточной части в 400 м к северо-западу от объекта-4 располагался более возвышенный бугор в виде овала длиной 18 и шириной 14 м, поверхность которого покрыта такыривидной коркой и усеяна керамикой, а также фрагментами плоских зернотерок. Керамический материал по облику близок кызылкырскому и сеталакскому. Большинство фрагментов принадлежали крупным корчагам и флягам. Наибольший интерес вызывали фрагменты крупных сосудов с выступавшим наружу валикообразным венчиком и уступом для крышки с внутренней стороны. По облику и сравнительно грубой отделке керамический комплекс этого объекта можно отнести к более позднему периоду, чем сеталакский и кызылкырский.

Рис. 2. Объект 4

Объект-6. Он расположен в 250 м к северо-западу от объекта-5 в 2,2 км к северо-востоку от Сеталак-1 и в 5,5 км к северу от Караултепа. Это небольшой сильно оплывший бугор в форме четырехугольника высотой 1,7—1,8 м размером 72×78 м, ориентированный углами по сторонам света с юга на север. Поверхность покрыта скоплениями керамики с фрагментами зернотерок и мелким гравием. Возможно, этот объект являлся остатками неукрепленного поселения типа Кызылкыр-II, дом-2.

На объекте обнаружено более 100 археологически определенных фрагментов керамики. Весь комплекс аналогичен керамике сеталак-кызылкырской группы, хронологически, по всей вероятности, относится к послесеталакскому периоду.

В комплексе широко представлены фрагменты хумов: венчики с укороченным и утолщенным валиком, плоским венчиком, на которых ребристые вмятины пальцем сдвинуты в одну сторону и налегают друг на друга (как складки плиссе) и т. д. Встречены фрагменты крупных фляг, корчаг, причем последние отличались отсутствием характерных для Сеталака широких плоских венчиков, приплюснутых к плечикам. Прочие типы венчиков с широким отогнутым наружу краем, за исключением венчиков в виде двойного профилированного валика, аналогичны сеталакским.

Для кувшинов комплекса характерны небольшие валикообразные венчики. Однако встречен фрагмент горловины кувшина с s-образным профилем и, кроме того, фрагмент венчика, в разрезе близкий к треугольнику, а также с тоненьким валиком, окружавшим горловину сосуда на 0,5 см ниже его вертикального края. Венчик в разрезе приближался к треугольным. Помимо прочего, на объекте найдены чаши, аналогичные сеталакским, несколько фрагментов стенок сосудов с прочерченными знаками в виде небольшой прямоугольной решетки, отделенных друг от друга зигзагообразной линией, а также сильно выветренная и обитая терракотовая статуэтка богини с отбитой головой в позе Венеры, драпированная в одежды, с гривной на шее, и небольшая лепная курильница на цилиндрической ножке с плоским полусферическим резервуаром. Стержень ножки имел с трех сторон продольные валикообразные налесты, а в центре — сквозное отверстие. На наш взгляд, отверстие на ножке курильницы как и на сеталакских и кызылкырских очажных подставках свидетельствует о близости функционального назначения этих двух предметов утвари, связанных с культом огня носителей древней культуры данной группы памятников.

Объект-7. Поселение расположено в 5,5 км к северо-востоку от Сеталака и в 2,2 км — к северо-востоку от Норттепа. Оно представляло собой холм высотой 6 м, размером с севера на юг 78 м, с запада на восток — 65 м. Поверхность покрыта такыровидной корой с песком, фрагментами керамики и керамического шлака, а также мелким гравием.

Характерно, что вокруг объекта на расстоянии до 30 м к югу, юго-востоку и юго-западу встречена обильная россыпь керамики и шлаков, местами куски обожженных стенок гончарных печей и участки красной прожженной земли. В 3—4 м к югу от холма прослежены невысокие бугорки диаметром 2—3 м из шлака и обожженной земли (печи?). Как на Сеталаке-II и Норттепа, на восточном склоне холма объекта обнаружен небольшой холмик из плотной белой глины.

Подъемный материал объекта в основной массе синхронен комплексу керамики Норттепа и представлен хумами, корчагами, кувшинами, чашами. Однако следует отметить наличие изделий, аналогичных комплексу Рамиш-V, который синхронен Норттепа: хумов с округлыми валикообразными венчиками, светлоангоби-

рованных корчаг с отогнутым наружу широким прямоугольным венчиком и тоненьким рельефным валиком, отделявшим шейку по краю, и т. п. Таким образом, керамический комплекс представляет смешение двух традиций в изготовлении посуды с преобладанием сеталакско-кызылкырских элементов.

Охарактеризуем некоторые памятники из этой группы: Ходжабобо-II, Кичикталча, Талча и Талчаи Бобохасан.

Ходжабобо-II расположено в 300 м к западу от городища Ходжапарсан и в 1,5 км к северо-западу от Нортела. Это небольшой холмик высотой 2,5 м в виде неправильного в плане четырехугольника размерами с севера на юг — 60 м, с востока на запад — 40 м. Такыровидная поверхность усеяна обломками керамики и мелким гравием.

На поверхности городища собрано несколько десятков фрагментов археологически определяемых изделий керамического производства. Подавляющее большинство черепков аналогично сеталакским. Это хумы с плоским ребристым венчиком, хотя они более развитого облика, чем на Сеталаке-I. Часть венчиков заметно укорочена и утолщена. У некоторых ребристые вдавления с внешней стороны сильно сглажены, что являлось признаком более раннего возраста сосудов этого типа. Среди венчиков корчаг преобладали сосуды с резко отогнутым наружу краем. В комплексе не встречены сосуды с широким пластинчатым венчиком, но отмечены корчаги с двойным профилированным валиком. Кроме того, единичными экземплярами представлены корчаги с валикообразным венчиком, имевшим уступ для крышки с внутренней стороны, а также с венчиком в виде широкого вертикального валика, профилированного с внешней стороны.

Среди кувшинов преобладали образцы с валикообразным округлым венчиком. Некоторые из них имели по внешнему краю несколько выделявшееся ребро и в разрезе приближались к подтреугольным. В комплексе встречены чаши, аналогичные сеталакским, а также несколько фрагментов крупных и мелких фляг, конических крышек сосудов с небольшой кольцевой ручкой сверху. Судя по комплексу керамики, данный объект был возведен либо на последнем этапе функционирования Сеталака-I, либо после него.

На объекте, кроме того, найдено несколько фрагментов эпохи средневековья: чаш или блюд, с внутренней стороны покрытых плотной голубой поливой, черепка кувшина, орнаментированного по плечикам мелким штампом в виде чередующихся решеток и трилистника.

Помимо прочего, вскрыта керамика раннего средневековья. Лепная крышка сосуда с ручкой, украшенной защипами наподобие петушиного гребешка, фрагменты хумов с округлым валикообразным венчиком, с волнистым рельефным орнаментом под венчиком или гофрированными защипами по плечикам, а также сосуды типа крупных толстостенных корчаг с широким треу-

гольным уплощенным сверху венчиком и кувшины, отличавшиеся венчиком с тонким краем и помещенным ниже его валиком.

Кичикталча представлял собой позднеантичное укрепленное поселение высотой 4 м, расположенное в 1800 м к северу от Ходжабобо-1, в 3,5 км к востоку от Ходжапарсана и в 3,5 км к югу от Ходжакултепа. Оно в виде прямоугольника размером 35×40 м. Поверхность плоская, покрыта мелким гравием и обломками керамики.

Керамический материал представлен фрагментами хумов, чаш, корчаг, аналогичных сеталакским, а также других сосудов (их более 50) и датирован от IV—V до XII вв. Встречены образцы раннесредневековой керамики в виде желтоаглобированных кузшинов, орнаментированных тонкими волнистыми, параллельно прочерченными полосами. В отдельных случаях эта орнаментация удивительно напоминает прочерченный орнамент сосудов кельтеминарских стоянок Дарвазакыр и др., расположенных к юго-западу от исследуемых объектов. Аналогичное явление отмечено Неразик в Беркуткалинском оазисе Хорезма. Для крупных хумов характерны вертикальные валикообразные венчики, а для крупных, объемистых сосудов типа чанов — массивные петлеобразные ручки. Корчаги в основном небольшие тонкостенные, со сравнительно узким, резко отогнутым наружу венчиком. Встречены фрагменты глазурованных блюд, покрытых поливой светло-фисташкового цвета и темно-коричневой росписью, а также фрагменты крышек и симабкузачей, на которые нанесен штампованный орнамент, четыре фрагмента блюд, украшенных кобальтовой и марганцевой, а иногда коричневой подглазурной росписью по светло-коричневому фону, характерной для Бухарского оазиса XVIII—XIX вв.

Талча расположен в 500 м к северо-западу от Кичикталча и в 3,3 км к востоку от Ходжапарсана. Площадь тепа 18×18 м, высота — до 8 м. Поверхность покрыта мелким гравием и изредка фрагментами керамики сеталакского облика (рис. 3).

В одном километре к северо-западу от городища Ходжапарсан находился другой позднеантичный памятник — Талчаи Бобохасан. Это небольшой плоский холмик высотой до 4 м с остатками пахсовой стены наверху. Верхняя площадка размером 20×18 м усеяна мелким гравием и фрагментами керамики, синхронной комплексу Нортепа. Их сравнительно мало. В основном это фрагменты чаш характерного облика, хумов с плоским валикообразным венчиком и корчаг с резко отогнутым наружу венчиком. Для кувшинов характерен отогнутый наружу валикообразный, иногда подтреугольный венчик. Вся керамика имела окраску в виде черных или темно-коричневых пятен и потеков. В 40 м к юго-западу от холма вскрыты остатки трех печей с обломками жженого кирпича размером 22×22×3—3,5 см и поливной керамикой IX—X вв.

Средневековые памятники. По общей конфигурации они обычно состояли из довольно высоких бугров с отвесными краями и

шлейфом у подножья, причем нередко к основному высокому бугру примыкал небольшой плоский.

Охарактеризуем археологические средневековые памятники.

Караултепа — самый южный памятник, впервые осмотрен в 1937 г. В. А. Шишкиным (55). Он расположен в 4 км к северо-западу от селения Какыштуван. Это большое укрепленное поселение, в позднем средневековье выполнявшее роль одной из крепостей на северной границе Бухарского оазиса. В 4,5 км к северу от него находилось укрепленное поселение Ертепа (рис. 4) площадью около 80×70 м. Сверху оно плоское, в стенах с южной

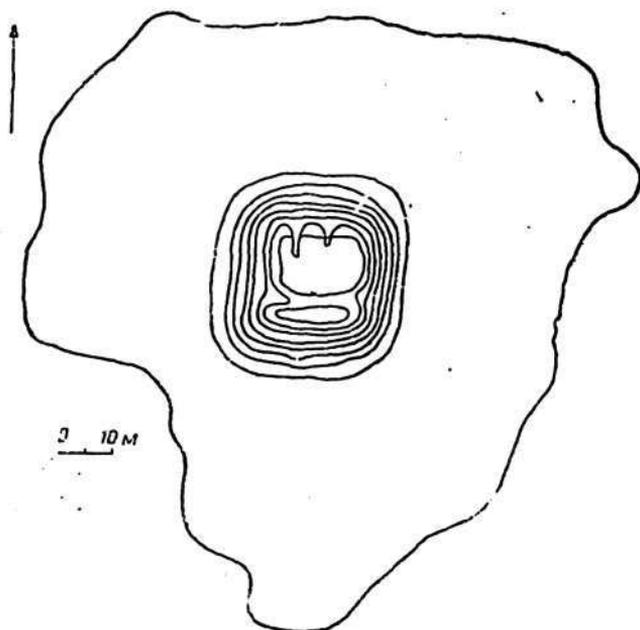

Рис. 3. Объект 17

стороны большой проем. Вся поверхность южной части тепа густо усеяна керамикой X—XI вв. Не менее изобильная россыпь керамики простиралась вокруг поселения в зарослях саксаула, засыпанная кое-где песком. Она прослежена вокруг поселения в радиусе 500—800 м, в направлении юга к западу вдоль следов русла канала шириной до 50 м. Судя по отдельным находкам керамики, монет, в середине века вся зона была обжита. По всей вероятности, здесь на границе со степью располагались сильно укрепленные поселения ремесленников и торговцев, вокруг которых на расстоянии до 5—10 км простирались сады и поля.

Ертепа было возведено на одном из холмов группы Сеталак-Кызылкыр. Вокруг городища встречены обломки кашинной керамики XIV—XV вв., причем во многих из форм средневековых

сосудов прослежены традиционные черты культуры Сеталак-Қызылқыра.

На объекте-8, относившемся к античным памятникам, наряду с находками керамики, аналогичной комплексу Нортэпа, вскрыт керамический материал караханидского времени, представленный круглыми объемистыми хумами двух вариантов. Первый — с широкими плечиками и отогнутыми наружу валикообразными венчиками, шейкой, орнаментированной защипами пальцев. Второй вариант включает хумы с несколько вытянутой горловиной и подчетыреугольным в разрезе венчиком, украшенным по нижнему

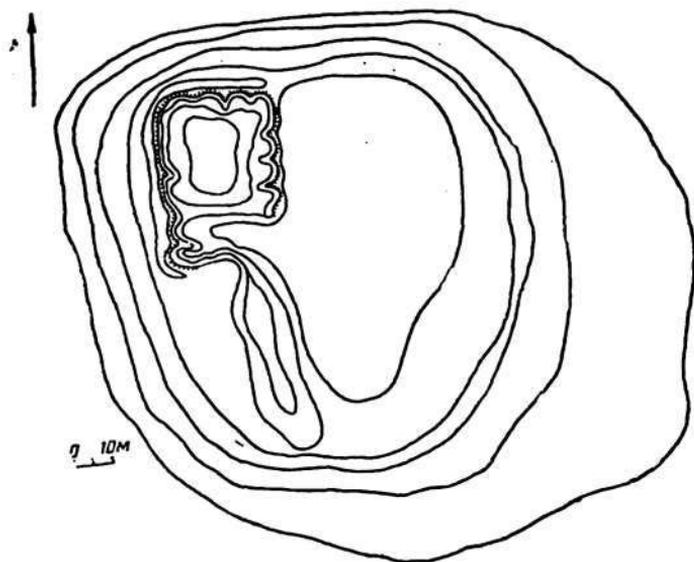

Рис. 4. Объект 8

краю тонким волнистым валиком с вмятинами пальцев. Несомненно, эти два варианта говорят об устойчивости сохранения традиций внешнего оформления сосудов.

Волнистая линия и защипы под венчиком находили широкое распространение в эпоху раннего средневековья. Венчик как бы раздваивался на круглый валик и вогнутую шейку, которую отчетливо выделяло горизонтальное ребро прежнего плоского валикообразного венчика от сильного прогиба последнего в его средней части. В X—XI вв. меняются форма и пропорция хумов, однако их отличительный признак — вмятины — продолжал воспроизводиться через 500—700 лет несмотря на то, что в корне изменились вид и элементы керамической продукции.

Среди находок в большом количестве представлены обломки глазурованных блюд с коричневым, желтым, зеленым орнаментом по бледно-фисташковому фону. Для орнамента характерны и

полное отсутствие эпиграфических мотивов, сложные растительно-геометрические мотивы.

Встречались также фрагменты чаш, покрытых плотной голубой либо темно-зеленой глазурью, конических и плоских крышек, украшенных наклепным и штампованным орнаментом, тонкостенных корчаг и котлов со сферическим туловом, широким, резко отогнутым наружу венчиком и оттянутой книзу закраиной. Кроме того, отмечены фрагменты крупных толстостенных чаноподобных корчаг с широким, уплощенным сверху треугольным в разрезе венчиком, а также фрагмент небольшой фляги с узкой короткой горловиной, с обеих сторон к которой прикреплены широкие петлевидные ручки. К этому же времени следует отнести фрагменты кувшинов с ручкой из двух спаренных круглых валиков, иногда орнаментированных косыми насечками, а к последующему — несколько фрагментов чаш, с обеих сторон покрытых тонкой кобальтовой и марганцевой росписью по белому фону (XVI—XVII вв.). Помимо всего, здесь обнаружено несколько фрагментов стеклянных изделий желтоватого, зеленого и синего цвета, отнесенных к комплексу караханидского времени.

В 1,5 км к северо-востоку от Ертепа расположен бугор Таштепа, плоский, прямоугольной формы, высотой до 8,5 м, размерами с севера на юг — 60 м, с запада на восток — 30 м. С юга к нему примыкает плоский шлейф размером 120 × 120 м. Вся поверхность поселения усеяна россыпью керамики XI в. и жженым кирпичом. Окрестности поселения в радиусе до 500 м усеяны битой керамикой.

В 500 м к северу от Таштепа находился Жартепя — двухъярусный памятник общей высотой 5 м. Площадь верхнего яруса, возведенного из плотной пахсы, составляла 25 × 25 м, высота — 1,5 м. Здесь находок не отмечено. Поверхность нижнего яруса размером 60 × 60 м усеяна материалом сеталакского типа и изредка фрагментами керамики XI в., аналогичными таштепинским. В юго-западной части в оплыве обнажен угол комнаты со стенами из кирпича размером 35 × 35 × 12 см, забутованная комками утрамбованной глины с обломками кирпича. Стены оштукатурены глиной. Вначале это был большой жилой дом (нижний плоский холм), затем от забутовки часть его центральных помещений превратилась в высокую платформу.

На данном объекте среди собранной коллекции встречено множество фрагментов хумов с различными вариантами венчиков, как и на Сеталаке с ранними и поздними разновидностями. Ранние разновидности представлены плоским валикообразным венчиком, отделенным от плечиков глубокой ложбиной, растянутым и вытянутым по вертикали венчиком. Нижнее ребро валиков этих венчиков переходило к плечикам, а ложбина, отделявшая это ребро от плечиков, исчезала. Для поздних разновидностей был характерен короткий и толстый валик венчика. Ложбина, отде-

лявшая его от плечиков, в нижней части вообще не выделялась, а проходила в плечики.

В целом здесь собрано 30 экземпляров венчиков хумов, несколько фрагментов горловин крупных фляг, около 10 фрагментов корчаг с широкими отогнутыми наружу пластинчатыми венчиками, иногда приплюснутыми к плечикам, а также кувшины с тонким стогнутым наружу подтреугольным или валикообразным в сечении венчиком и фрагменты чаш идентичных сеталакским.

Судя по типологии хумов, рассмотренный комплекс, видимо, синхронен позднему комплексу Сеталак-II, Нортена и датирован V—VI вв. н. э. Хронологически к нему следует отнести фрагмент горизонтально профилированной ножки изготовленной на гончарном круге крупной курильницы конической формы. Аналогичные по форме ножки курильницы мы видим на несколько более поздних по времени росписях Варахши и Пянджикента. Второй, хронологически более поздний комплекс керамики, представлен обломками кувшинов, покрытых волнистым орнаментом, прочерченным узким гребенчатым штампом симабкузачей, фрагментами крышек со штампованным орнаментом, тонкостенных чаш, покрытых плотной голубой глазурью, блюд с коричневым подглазурным орнаментом на белом фоне и тонкостенных гончарных котлов. На данном объекте также найдены фрагменты зернотерок и железных криц.

В 1,5 км к востоку от Жартепа и в 4 км к юго-востоку от Ходжапарсана расположено городище Ходжабобохосса. Поверхность от Жартепа и Ходжапарсана до Ходжабобохосса усеяна россыпью керамики. Городище по типу близко к Таштепа. Его размеры 75 × 55 м, высота — до 10 м (рис. 5), к нему с юга примыкал невысокий плоский шлейф размером 120 × 110 м и высотой 3—4 м. В северо-западном углу сверху имелась большая проמוина, опускавшаяся вниз и проходящая к западной отвесной стенке тепа в однообразной плотной пахсовой кладке (в глине много мелкого галечника). В последней отсутствовали следы помещений или стен, видимо, снизу доверху это была грандиозная платформа, на самом верху которой находились строения. Обнажения на южном фесе вскрыли кладку из сырцового кирпича размером 36 × 37 × 10 см.

К западу от шлейфа обнаружен большой высохший водоем размером 20 × 20 м и глубиной около 1 м. У южных склонов холма на поверхности шлейфа найдены отдельные фрагменты керамики, аналогичной сеталакской. В целом здесь собрано большое количество подъемного материала (более 100 экз.). Находки периода Сеталак-Кызылкыра представлены единичными экземплярами, основная же масса отнесена к караханидскому периоду. Комплекс представлен множеством фрагментов венчиков хумов этого времени: валикообразных или резко оттянутых наружу, треугольных или прямоугольных в разрезе, уплощенных сверху и др. На многих из них рельефный орнамент в виде волнистого

валика под венчиком или защипов на плечиках. Встречено большое количество фрагментов разнообразных плоских крупных и более мелких керамических крышек, украшенных штампованным или резным орнаментом. Кроме того, были вскрыты фрагменты, встреченные и на других объектах, крупных чаноподобных сужавшихся книзу тонкостенных сосудов с прямоугольным в разрезе венчиком. Диаметр их горловины достигал 50 см.

Целой серией представлены фрагменты крупных толстостенных чашеобразных блюд, глубоких, с валикообразным венчиком

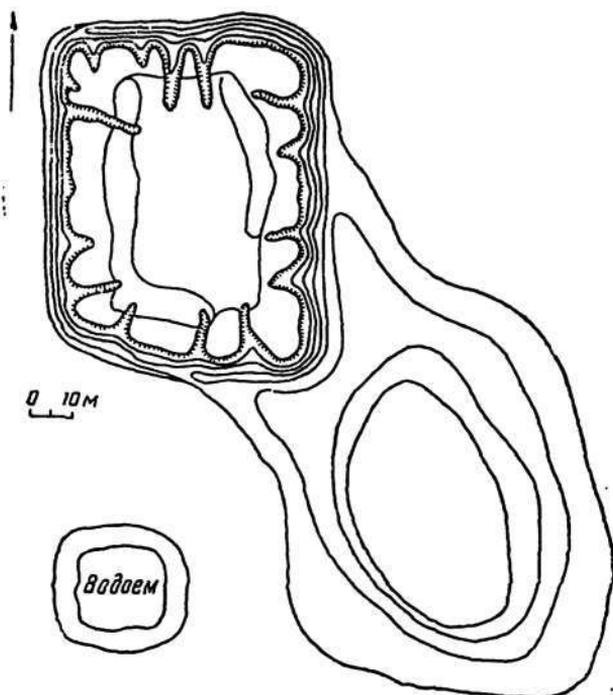

Рис. 5. Объект 12

диаметром с наружной стороны до 0,5 м (возможно, их следует отнести к более позднему времени).

Найдены многочисленные фрагменты небольших сферических корчаг и котлов с резко отогнутыми наружу венчиками тонкого усложненного профиля, фрагменты сферических сосудов.

Глазурованная керамика этого времени представлена фрагментами небольших тонкостенных чаш и блюд с резко изломанным профилем, покрытых плотной голубой глазурью. Встречены единичные фрагменты блюд с белым и фисташковым подглазурованным фоном, украшенные орнаментом желтого и коричневого цветов, блюда, покрытые желтой и зеленой расплывчатой

глазурью и украшенные подглазурным орнаментом «графитто». В коллекции глазурованной посуды выделен третий поздний комплекс, датируемый XVIII—XIX вв. Он представлен фрагментами крупных и мелких блюд, покрытых темно-синей кобальтовой росписью по белому фону. Некоторые экземпляры очень совершенны и по изяществу орнамента приближались к керамике XV—XVI вв. Основная же масса очень грубая, покрыта низкокачественной глазурью, орнаментирована по белому фону, концентриче-

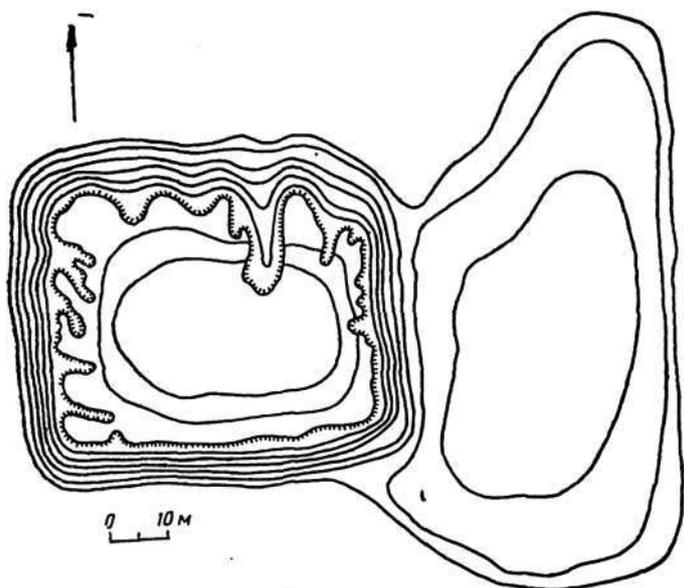

Рис. 6. Объект 13

скими полосами, чередовавшимися с простеньким орнаментом в виде отдельных побегов и звездочек марганцевого и кобальтового цветов. На некоторых из них был растительный орнамент коричневого цвета, нанесенный по темно-желтому фону, что, видимо, составляло локальную особенность позднесредневекового керамического производства Бухарского оазиса.

В 5 км к юго-востоку от Ходжапарсана и в 1,5 км от Ходжабобохосса располагалось средневековое городище Нуртепа, а в 2,75 км к северо-востоку от него Таликази. Нуртепа состояло из двух холмов укрепленной и неукрепленной части (рис. 6). Первая высотой 9—9,5 м в форме прямоугольника, размер с севера на юг 45 м, с запада на восток — 55 м. Вторая представляла собой плоский холм высотой 3 м протяженностью с севера на юг 120 м, а с востока на запад — 60 м. Вся поверхность усыпана поливной и неполивной керамикой, а также обломками жженого кирпича размером 22 × 22 × 3—2,5 см. Керамика датирована X—XI вв., причем в нижних наслоениях городища у западных склонов на

поверхности шлейфа и в пахсовых кладках укрепленной части IV—V вв. н. э. она аналогична сеталакской.

В целом на памятнике обнаружено более 100 фрагментов разнообразной керамики, из них около 10 экз. — фрагменты хумов, чаш и др. отнесены к раннему периоду, а остальные находки, как и на объекте-8, — к караханидскому. Хумы с валикообразными венчиками нередко с широкими зашипами на плечиках. В большом количестве найдены обломки крупных чанообразных сосудов с оттянутым наружу широким треугольным либо подтреугольным венчиком. Столовая посуда представлена фрагментами глазурованных чаш и блюд, украшенных коричневым и желтым орнаментом по желтому фону или покрытых сплошной голубой поливой. В комплексе отмечен фрагмент верхней части штампованного сосуда, покрытого темно-зеленой поливой, многочисленные фрагменты небольших конических крышек, украшенных штампованным орнаментом на верхушках и увенчанных ручками с зашипами.

Кроме того, здесь обнаружены фрагменты кувшинов с подтреугольным в сечении венчиком, в том числе обломок дуговидной ручки, изготовленной из спаренных валиков, украшенных небольшим круглым с оттиснутой на нем розеткой, а также множество фрагментов тонкостенных котлов с отогнутым наружу широким изящным венчиком, выполненным из теста с примесью дресвы, фрагментов симабкузачей, тонкостенных стеклянных сосудов, железная крица, небольшая зернотерка и круглая галька со следами шлифовки.

В 0,5 км к северу от Нуртепа расположен сильно развееванный холм высотой до 1 м (объект-14), усеянный обломками керамики на площади диаметром около 100 м. К востоку от места скопления керамики выявлены развалины печи, а к западу в 100 м — развалины трех печей — IX—X вв. Поверхность холма покрыта обломками кирпичей размером 20 × 20 × 3 см.

На объекте-14 собрано 30 археологически определенных фрагментов керамики и несколько обломков зернотерок. Материал синхронен, либо чуть несколько позже керамики Нуртепа. Хумы отличались небольшими валиками, имевшими едва заметное рифление, корчаги с резко отогнутым наружу пластинчатым венчиком. Нами не отмечены широкие, приплюснутые к плечикам венчики — они узкие. Фляги представлены одним обломком горловины сосуда. Встреченные фрагменты кувшинов имели несколько расширенную вверх горловину с отогнутым наружу валикообразным венчиком, фрагменты же чаш были идентичны сеталакским. Кроме того, найдены единичные фрагменты глазурованной керамики IX—X вв. и котлов, изготовленных на гончарном круге, этого же времени.

К северо-востоку близ городища Нуртепа были вскрыты четыре бугра: Талисайдмурадхалфа, Бибиабудпуш, Талиуба и Таликази. Первый отнесен к раннесредневековому поселению. Он распо-

ложен к востоку в 2 км от Талча и в 4 км от Ходжапарсана. Размер верхней площадки тепа составлял 20×18 м. К востоку и югу от нее тянулись оплывшие бугры высотой 2—3 м протяженностью с запада на восток до 60 м, с юга на север до 40 м. Здесь встречены обломки жженого кирпича размером $22 \times 22 \times 3$ —3,5 см.

Материал поселения представлен несколькими десятками археологически определяемыми фрагментами керамики, относящимися ко времени, начиная от поздних вариантов керамики сеталакского типа до караханидской, покрытой плотной голубой глазурью.

Ранняя керамика представлена фрагментами венчиков хумов, кувшинов с черной и темно-коричневой поливой, донцами чаш. Фрагменты венчиков хумов отнесены к средневековой керамике: у них резко отогнутый наружу венчик, украшенный по плечикам защипами. Особый интерес вызывал подквадратный в сечении венчик хума с резко выделенным уступом для крышки. Венчики кувшинов усложнены, некоторые из них имели слегка оттянутый слив. Встречены также фрагменты крупной крышки, покрытой темно-зеленой глазурью, и каменного котла, а также небольшие зернотерки из песчаника, характерные для определенной группы сеталакских памятников.

Бибикабудпуш — раннесредневековое укрепленное селение, расположенное в 1 км к юго-востоку от тепа Саидмурадхалфа и в 2,25 км к востоку от Кичикталча. Оңо состоит из двух холмов: северного и южного (плоского). Высота первого 10 м, протяженность с юга на север 40 м; высота второго до 4 м, протяженность с востока на запад 120 м, а с севера на юг — 50 м.

На поверхности поселения и вокруг него собрано около 150 фрагментов керамики, относившейся к эпохе средневековья. Они представлены хумами, покрытыми светло-желтым ангобом с резко отогнутым наружу широким подпрямоугольным венчиком и наlepным под ним тонким волнистым валиком. Обнаружена серия крупных объемистых сосудов диаметром до 0,5 м, представлявших собой позднейшую трансформацию сеталакских корчаг, с подпрямоугольным в разрезе, резко отогнутым наружу венчиком и вертикальными стенками. Кроме того, встречены фрагменты кувшинов со стройными вертикальными горловинами, завершившимися небольшими валикообразными венчиками, несколько экземпляров характерных котлов или корчаг тонкостенных с горловиной диаметром около 15 см и отогнутым наружу раздвоенным валиком венчика. Они были покрыты красным ангобом, в изломе — часто черной краской.

Талиуба расположено в 1,5 км к юго-востоку от Бибикабудпуша и в 1,2 км к северу от Таллисанга. Поселение представляло собой холм, по верху почти квадратный, размерами 10×10 м и высотой до 6 м. Верхняя часть покрыта такыровидной коркой с редкими обломками керамики. Здесь собрано более 100 различ-

ных фрагментов керамического материала, половина которого археологически определима. Одна четверть его представляла набор сеталакского типа, хронологически позднего этапа. Единственный венчик хума утонченный со сглаженными вмятинами. Корчаги имели отогнутый наружу округлый широкий валикообразный венчик, переходивший в венчик треугольного профиля с сильно торчавшей закраиной. Найдены венчики в виде вертикального плоского валика с очень узким уступчиком для крышки с внутренней стороны.

Кувшины имели валикообразный либо подтреугольный в разрезе венчик. Кувшины с s-образным в разрезе венчиком видоизменились: шейка стала вытянутой, а верхняя часть s-образного профиля укороченной и утолщенной. Чаши потеряли свой характерный излом в верхней части: широкий полый край приобрел небольшое утолщение. Как свидетельствуют находки, незначительный комплекс нижнего горизонта этого объекта довольно сильно отличался от сеталакского, видимо, его следует отнести к VI в. Остальная часть керамики отнесена к последующему периоду VII—VIII вв. и, возможно, даже к IX в. Хумы позднего комплекса, генетически связанные с хумами Сеталака-Кызылкыра, имели совершенно иной раннесредневековый облик: округлый, валикообразный, резко отогнутый наружу венчик, изредка с едва сглаженными заметными следами вмятин. Корчаги имели расширяющуюся горловину не только с квадратным в разрезе венчиком, но также треугольным и плоским валикообразным с узким уступом для площадки. Профили венчиков кувшинов усложнились: отмечен плавный переход шейки, расширявшейся с внешней стороны, в широкий в разрезе венчик и резкий излом края венчика, загибающегося вовнутрь, в результате чего в верхней части, с внутренней стороны образовывался валик и под ним канавка. Найдены фрагменты сильно обожженных сероглиняных кувшинов, покрытых желтоватым ангобом, на который нанесен мелкий штампованный орнамент.

Таликази расположено в 1,3 км к юго-западу от Бибикабудпуш, в 1,75 км к западу от Талиуба и в 1,7 км к востоку от Ходжабобо. Памятник высотой 7 м, размером 35 × 25 м. В юго-восточном углу сохранилась оплывшая полукруглая башня, ремонтная кладка ее сложена из сырцового кирпича размером 39 × 22 × 8 см. Здесь получено около 20 фрагментов хумов, корчаг, чаш, кувшинов, идентичных материалам Нортета и Сеталак-II, а также около 10 фрагментов более поздней керамики, по всей вероятности, X—XI вв. Для фрагментов хумов характерен рельефный волнистый орнамент под широким венчиком или защипы на плечиках, для крупных чанообразных сосудов — широкий венчик. В комплексе отмечены гончарные тонкостенные котлы.

При обследовании кызылкырско-сеталакской группы античных памятников мы осмотрели еще два интересных по своей планировке объекта — 9 и 22 под названием Кагтархана. Первый

находился в 700 м к востоку от Ертепа. Он представлял собой круглую в плане пахсовую башню высотой до 7 м и диаметром до 8 м. Сохранившаяся часть сложена из семи рядов пахсы. Внутренние стены покрыты вырубленными в пахсе подтреугольными ячейками — гнездами для голубей. Местами в стенах торчали обломки палок, служивших насестами для голубей. Эти сооружения возводились владельцами каракульских овец для сбора помета голубей, который употреблялся при выделке каракульских смушек. Археологический материал здесь не встречен, но вокруг найдена керамика, относившаяся к поселению Ертепа.

Объект-22 располагался в 400 м к востоку от городища Ходжакултепа. Он представлял собой круглую в плане башню высотой до 6 м и диаметром до 9,3 м, сложенную из пахсовых кладок. Ширина стен в нижней части достигала 2 м, в верхней — 60 см. По всей вероятности, эти пахсовые сооружения возведены после XVI в. с развитием каракулеводства и превращением его в важнейшую отрасль хозяйства.

Самые крупные археологические памятники этого района — городища Ходжапарсан и Ходжакултепа. Первый расположен в 8,8 км к северу от Караултепа. Он состоял из двух бугров, соединенных с седловиной. Основная часть его — прямоугольная в плане — вытянута с севера на юг. Длина ее 100 м, ширина 75 м, высота — около 12 м. Поверхность городища плоская, ровная. В северо-восточной части его почти квадратная в плане возвышенность, а к востоку от главного бугра более низкий холм. Второй памятник находился в 4 км к северо-востоку от городища Ходжапарсан. Он также расположен в сдвоенном бугре, главная часть его — в плане прямоугольная. Длина Ходжакултепы 95 м, ширина 50, высота 16 м. Поверхность этих двух городищ и их окрестности густо усеяны черепками керамики, среди которых встречены фрагменты керамики кызылкырско-сеталакского типа: поливной керамики, типичной для X—XI вв. (с голубой поливой и красноангобириванной нижней стороной), и кашинной керамики XV—XVI вв. (с голубой, синей или белой поливой и синим растительным орнаментом), обломки стеклянных и сфероконических сосудов, каменных зернотерок и котелки, свидетельствующие о длительном обживании этих городищ.

Древнебухарская стена Канпирак и кызылкырская оросительная система

В районе кызылкырско-сеталакской группы античных памятников обнаружены остатки древней оборонительной стены Бухарского оазиса, известной из средневековых письменных источников и научной литературы под названием Канпирак (Кампир девар). Визуальным изучением и картированием руин этого грандиозного для своего времени оборонительного сооружения Бухарского Согда занимался сотрудник Махандарьинского археологического

отряда Х. Мухамедов. В дальнейшем благодаря дешифровке аэрофотоснимков древнекызылкырского района нам удалось выявить отдельные ранее невыясненные звенья Канпирака в районе западного и северного участков земель древнего орошения Бухары, что позволило внести существенные коррективы в датировке этого древнего оборонительного сооружения и динамике развития орошаемых площадей в северо-западном районе Бухарского оазиса античного и раннесредневекового периодов. До нашего времени сохранились руины стены Канпирак в виде сильно оплывшего растянутого вала шириной 25—35 м и высотой 1—3 м, местами до 4 м (26). В 1958 г. для выяснения структуры стены в районе кызылкырско-сеталакской группы позднеантичных памятников в трех пунктах Х. Мухамедов заложил поперечные разрезы: первый в 400 м к востоку от поселения Кызылкыр-II, второй — в 1,1 км к востоку от Караултепа, а третий — в 3 км к северо-востоку от Ходжакултепа.

Структура поперечного разреза первого и второго пунктов была почти одинакова. Оборонительный вал здесь состоял из двух параллельно идущих пахсовых стен шириной 3—4 м с внутристенным коридором шириной 4—6 м, заполненным глиной с примесью песка и гравия. У основания общая толщина Канпирака доходила до 12 м, высота сохранившейся части пахсы — 2—2,5 м. Третий разрез дал иную картину. Толщина стены здесь в основе составляла 14 м. По мнению Х. Мухамедова, основанием стены служила искусственная насыпь — вал шириной 10 м и высотой 1,5 м из галечника с песком, с обеих сторон насыпи были воздвигнуты пахсовые стены каждая шириной 2 м (28, с. 47—48). Позже Х. Мухамедовым в 2 км к югу от средневекового городища Ходжапарсан проведена раскопка одной из башен Канпирака, сложенной из сырцового кирпича. В результате этого установлено, что стена башни с внешней стороны была сложена из клиновидных кирпичей размером 50 (49) × 38 × 24 × 10 см, а с внутренней — из кирпичей следующих размеров: 37 × 28 × 10; 38 × 24 × 10 (9); 37 × 24 × 10 (9); 36 × 23 × 10; 39 × 21 × 8; 35 × 23 × 10 (9) см и т. д. (28, с. 48). Такие нестандартные кирпичи были характерны для раннесредневековой сырцовой архитектуры Средней Азии, в основном использовались в VI—IX вв. н. э.

Впоследствии были выявлены новые звенья следов Канпирака в районе Баштепинской группы античных памятников, расположенных в 14—20 км к северо-западу от городища Варахша, и установлено, что этот небольшой оазис с группой античных укрепленных поселений не входил в черту оборонительной стены Канпирака и находился за ее пределами. Следы ее проходили немного восточнее от Баштепинской группы античных памятников: в 2 км к востоку от Чектепа, в 2,5 км — от Кошкыра, в 3,3 км — от Яккаталая, в 4,5 км — от Аяктепа, в 6 км — от Уртепа и в 6,5 км — от Баштепа. Далее она шла на север примерно на

10 км. На этом расстоянии она проходила недалеко от таких раннесредневековых городищ, как Канпирактепа, Субук и Бурантепа, расположенных к востоку от Канпирака, т. е. внутри оборонительной стены. Так, городище Канпирактепа находилось в 1,5 км к востоку, Субук — в 1 км, а Бурантепа — в 300 м от стены Кампирдевар. От городища Бурантепа она шла на северо-восток, огибая с юга, востока и севера наиболее заболоченную территорию дельты древнего Хитфара, пересекая район кызылкырско-сеталакской группы античных памятников. Здесь следы Канпирака сначала шли на север, а затем — на северо-восток, оставив за своей чертой Кызылкыр-I в 1,6 км к востоку, Кызылкыр-II — в 1 км, Кызылкыр-III — в 400 м и Сеталак-I — в 1500 м.

Примерно в 5 км севернее Караултепа стена делилась на две части. Одна, сворачиваясь к востоку вблизи Яртепа и, пройдя Нуртепа и Талисанг, пересекала современную границу оазиса. На этом участке расположено более 20 античных памятников, в том числе Сеталак-I—IV, Норттепа, Джартепа, Ходжабобохосса, Талчаи Бобохасан, Саидмурад халфа, Таликази, Талча, Кичикталча. Талиуба и другие безымянные поселения позднеантичного времени оставались за пределами стены. Вторая стена еще на 10 км тянулась к северу, затем в 1 км северо-западнее раннесредневекового городища Ходжакултепа сворачивала на восток и приближалась к современной границе оазиса. На этой территории вторая стена обступала такие раннесредневековые городища, как Ходжапарсан, Ходжакул и др. Из кызылкырско-сеталакской группы античных памятников вне второй стены оставались Сеталак-I—IV, Норттепа, Талчаи Бобохасан и безымянные поселения 4—6.

Как считает Х. Мухамедов, исходя из данных средневековых письменных источников и визуального изучения руин Канпирака, древняя стена состояла из двух оборонительных сооружений, построенных в разное время (28, с. 48—50). Это подтверждают вышеописанные следы обоих строительных периодов стены Канпирак, сохранившиеся в окрестностях Кызылкыра, Караултепа, Яртепа, Ходжапарсан и др.

Остатки первой, т. е. более древней стены, сохранились лишь на отдельных участках, второй, т. е. поздней, — почти по всей границе древнего оазиса, особенно хорошо видны ее следы на землях древнего орошения Бухары.

По сообщению средневекового автора Масъуди, оборонительная стена вокруг бухарских рустак, т. е. районов, была построена одним из согдийских правителей. Впоследствии она была разрушена, а затем в период правления халифа Махди восстановлена хорасанским наместником Абулаббасом Сулейманом Туси (64, III, р. 65). По сведениям Наршахи, строительство стены Канпирак было завершено в 166—215 гг. х. (782—783—830/831 гг.) (Наршахи). Несомненно, что сообщение Наршахи относится ко времени вторичного возрождения древнего вала.

Судя по пунктам, которые были прослежены в районе баш-

тепинской, кызылкырской и сеталакской групп античных памятников, первый вал, обнаруженный вблизи Ертепа, Нуртепа и Талисанг — это остатки древней, т. е. первоначальной, стены, а второй, отмеченный несколько километров севернее первого в районе раннесредневековых памятников Ходжапарсан и Ходжакул, — это руины стены Канпирак, возведенной в VIII—IX вв.

Таким образом, благодаря средневековым письменным источникам, было точно установлено время второго строительного периода стены Канпирак. Однако время возведения первоначального оборонительного сооружения вокруг древнебухарского оазиса до сих пор оставалось не совсем ясным.

Первая приблизительная датировка древней оборонительной стены Бухары принадлежит В. А. Шишкину. Основываясь на сообщении Наршахи и археологических исследованиях баштепинской группы античных памятников, расположенных за пределами стены Канпирак, В. А. Шишкин предполагает, что древняя стена вокруг Бухарского оазиса была построена не ранее III—IV вв. и не позднее VII в. н. э., так как городища на западной окраине древней орошаемой полосы, оставленные жителями около III—IV вв., оказались вне окруженного ею пространства (59, с. 25). Таким образом, В. А. Шишкин датирует время постройки стены Канпирак приблизительно V—VII вв. Археологические работы в древнекызылкырском районе — раскопки Кызылкыра-I, II (дом-2), III, Сеталака-I, Нуртепа и др., установление более и менее точной датировки Кызылкырской группы античных памятников, выявление следов более древнего оборонительного вала в Кызылкырско-Сеталакском районе с археологическим материалом V—VI и VIII—IX вв. и выяснение периодов ирригационного освоения и запустения этого небольшого древнего оазиса, расположенного в юго-западной части дельты р. Хитфар, не только подтвердили точку зрения В. А. Шишкина, но и несколько уточнили ее.

Как показали результаты археологических исследований, район кызылкырско-сеталакской группы античных памятников, процветавший в III—IV вв. н. э., в начале V в. пришел в запустение. Почти все поселения этой группы были оставлены жителями. Северо-западная граница земель древнего орошения в этот период в районе Кызылкыра и Сеталака сократилась на 5—6 км к востоку в сторону современного оазиса (27, с. 82). Следы первоначальной оборонительной стены Бухары проходили восточнее от границы земель древнего орошения, почти по середине древнекызылкырского оазиса, оставляя за своей чертой большинство позднеантичных памятников кызылкырско-сеталакской группы. Исходя из этого, мы склонны считать, что древняя оборонительная стена Канпирак первоначально была построена в раннем средневековье, точнее в V—VI вв. н. э., одним из местных правителей Бухары.

Археологические работы на территории древней дельты Хитфара позволили нам восстановить не только облик материальной культуры жителей древнекызылкырского оазиса, но и основы их хозяйственной жизни. В этом районе мы обнаружили следы древней ирригации, базировавшейся на боковых затухающих протоках древнего Хитфара. На аэрофотоснимках отчетливо прослеживались особенно сухие русла древних дельтовых протоков Хитфары, от которых отходили древние оросительные каналы, непосредственно обводнявшие окрестности кызылкырской группы позднеантичных поселений. Канал брал начало из русла одного из дельтовых протоков Хитфары шириной 70 м, четко выраженного ложбиной в окрестности Сеталак-I.

Древнекызылкырский канал длиной 6 км и шириной до 20 м имел четыре боковых ответвления длиной 2,5—4 и шириной 6—8 м с редкими оросителями, отходившими под прямым углом. Начинаясь в 500 м к северу от Сеталак-I канал имел меридиональное направление и проходил в 100 м западнее Сеталак-I и в 350 м восточнее Кызылкыра-I, затем на четвертом километре сворачивал к юго-востоку и обогнув в 250 м с северо-востока и в 400 м с востока поселение Кызылкыр-II, направлялся на юг. В одном километре южнее Кызылкыра-II ложе канала подходило к Канпирак — остаткам оборонительной стены, возведенной в раннем средневековье вокруг Бухарского оазиса. На расстоянии 1,5 км канал тянулся параллельно стене, затем распался на множество ответвлений. На аэрофотоснимках очень хорошо видны и следы нескольких распределительных каналов по обеим сторонам этой позднеантичной магистрали, орошавшей некогда этот участок древнебухарского оазиса. Первый распределительный канал длиной 3 км выведен в 2 км левее магистрали и направлялся на юго-восток, в сторону развалин позднесредневековой крепости Караултепа. Вторым длиной 4 км отделялся с левой стороны в 500 м ниже первого, проходя в юго-восточном направлении к Кызылкыру-III, и в 100—150 м западнее его сворачивал на юг. Примерно на 1 км ниже второго распределительного канала напротив поселения Кызылкыр-II, с правой стороны магистрали отделялся третий, длиной примерно 4 км и шириной 6 м, а несколько ниже его четвертый, более крупный распределитель длиной 2,5 км. Два последних отвода орошали окрестности Кызылкыра-II. По конфигурации он близок архаичным ирригационным системам Древнего Хорезма, длина которых не превышала 5—7 км, что свидетельствует об относительной неразвитости системы ирригации изучаемого нами района.

Для выяснения структуры ирригационных сооружений в 1,5 км южнее поселения Кызылкыр-II поперек ложа третьего отвода была заложена траншея, в результате которой выяснено следующее. Под такырной коркой толщиной до 10 см, покрывающей ложе канала, лежал 80-сантиметровый слой крупнозернистого желтого песка, местами с линзами мелкого щебня. Под слоем песка ле-

жал 25-сантиметровый слой серых чисто аллювиальных отложений, чередовавшихся с тонкими илистыми линзами, местами — с мелкими фрагментами керамики. По всей вероятности, этот ирригационный слой образовался во время эксплуатации отводящего канала. Слой 50-сантиметровой супеси подобно клину пересекал верхнее отложение из крупнозернистого песка. Эти супесчаные отложения были наносным слоем, оставленным по обоим берегам канала во время чистки. Нижние слои канала состояли из серых плотных аллювиальных отложений толщиной 30—40 см, лежащих на слое чистого песка. Судя по структуре поперечного разреза античного канала, орошавшего окрестности Кызылкырской группы античных поселений, первоначально этот отводящий канал был несколько шире и достигал 8 м, впоследствии он заилился, обмелел и сузился. Наконец, вероятно, вследствие усиления его водного потока с наступлением периодического паводка его ложе было занесено отложениями крупного зернистого песка, поступавшего с бурным течением.

Таким образом, в образованных по ложу канала аллювиально ирригационных отложениях видны основные признаки дельтовой части речной долины. Несомненно, гидрографические условия местности играли большую роль не только в создании его древней ирригационной системы, но и в формировании хозяйств древних кызылкырцев, регулировавших речные паводки и впервые оросивших и освоивших эту обширную территорию.

Исследования дают возможность восстановить более или менее полную картину истории заселения и ирригационного освоения района древней дельты Вабкентдарьи. Как показали результаты, впервые этот район был заселен еще в новокаменном веке охотничье-рыболовецкими племенами, а затем земледельческо-скотоводческими эпохи поздней бронзы. Ирригационное освоение района началось в III—IV вв. н. э., с функционирования сельских поселений, вплоть до V вв. н. э. После запустения в V—VI вв. н. э., в IX—XII вв. этот район стал вновь обживаться вплоть до XVI в.

Раскопки Кызылкыра-I

Кызылкыр-I обнаружен в 1951 г. Я. Т. Гулямсыым. Он расположен примерно в 40 км северо-западнее Бухары и приблизительно в 7 км западнее современной границы оазиса. Раскопки производились в 1953, 1955—1960 гг. Благодаря тому, что памятник был почти полностью раскопан, впервые в археологическом изучении Бухарского оазиса представилась возможность изучить остатки материальной культуры позднеантичного времени. Однако полностью результаты раскопок не публиковались за исключением предварительных сообщений. До раскопок Кызылкыр-I представлял собой небольшой плоский бугор овальной формы диаметром 82—84 м, максимальной высотой 3,5 м. Поверхность

бугра покрыта песком, мелким красноватым щебнем, черепками керамических сосудов и обломками зернотерок. Издали он кажется красноватым, потому и местные жители называли его Кызылкыр, т. е. Красный холм. Как показали результаты работ по закладке стратиграфических шурфов в центре бугра и вокруг него,

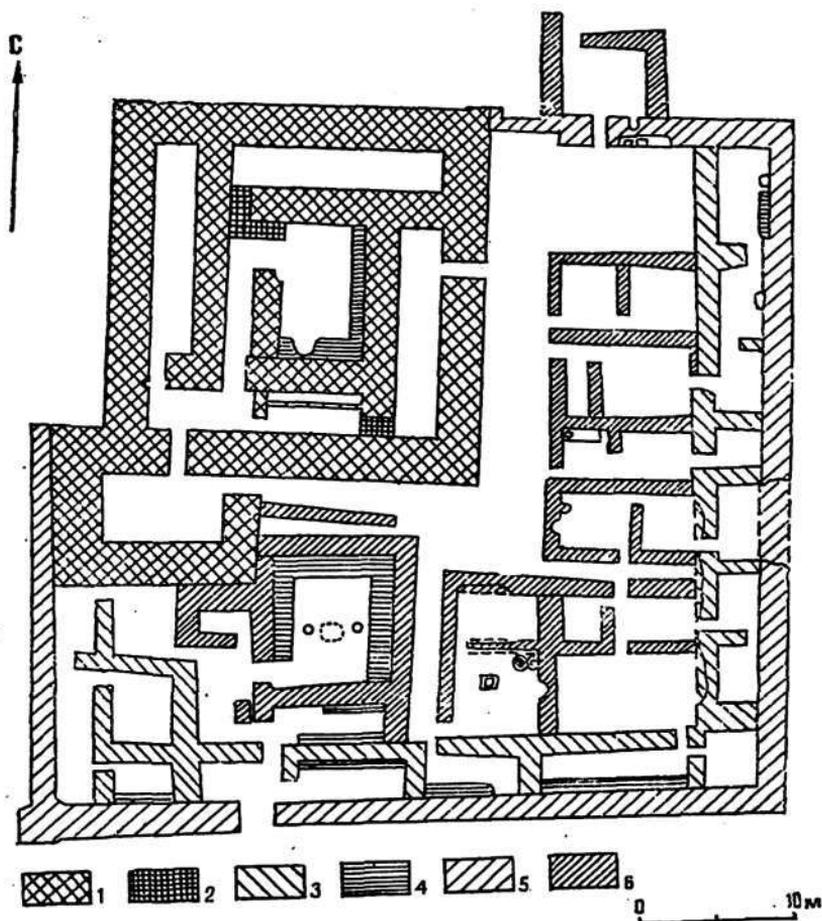

Рис. 7. Кызылкыр-I. Общий план:

1—павса I строительного периода; 2—забутовка; 3—павса II строительного периода; 4—суфа; 5—внешняя стена II строительного периода; 6—помещения III строительного периода

Кызылкыр-I, подобно другим позднеантичным памятникам этого района, возведен на небольшой естественной возвышенности, состоявшей из песчано-гравийных отложений аллювиальных наносов низовьев древнего Хитфара.

Кызылкыр-I имел несколько строительных периодов (рис. 7). В первый строительный период построено первоначальное и глав-

ное здание Кызылкыра-I. Оно почти квадратное в плане, с предвратным сооружением в юго-западном углу. Ориентированное фасадом на юг, оно отличалось монументальностью и лаконичностью пропорций. Общий размер здания по внешнему фасу равен $23 \times 23,5$ м. Мощная внешняя стена толщиной 2,4 м выложена из глинобитной пахсовой кладки, высота каждого ряда ее 50×55 см. В целях избежания вертикальных сквозных трещин по всей высоте стены и усиления прочности здания поверх каждого слоя пахсовой кладки уложена кладка одного ряда сырцового кирпича размером $42 \times 42 \times 10$ см. Эти стены, построенные с небольшим откосом, хорошо сохранились на высоте до 3 м (10, с. 159; 33, с. 61).

Здание включало пять комнат. Главный вход в него оформлен в виде отдельного помещения размером $7,5 \times 4,55$ м. К главному входу шириной 1,3 м, расположенному в северо-восточном углу предвратного помещения, ведет пологий пандус шириной 2 м. Пандус, сооруженный вдоль южной стены здания, по внешнему краю обрамлен параметром. По описанию Нильсена В. А., конструкция пандуса была аналогична стенам. Как и стены здания, он сооружен из глинобитных пахсовых слоев толщиной 50—55 см, разделенных одним рядом кирпичной кладки размером $44 \times 44 \times 10$ см. Однако ряды пахсовой и кирпичной кладки уложены в нем соответственно общему уклону пандуса (33, с. 65). Дверной проем шириной 1 м, оставленный у северной стены предвратного сооружения, вел в жилые комнаты здания. Жилая часть здания состояла из большого квадратного зала размером 9×9 м, с четырех сторон окруженного длинными коридорообразными помещениями. Размеры этих узких помещений, симметрично расположенных вокруг зала, одинаковы: длина 13,7, ширина 2,75 м. Входной проем в квадратный зал находился в центре южного помещения; через два угловых проема в северной стене этого же помещения проходили в восточные и западные помещения.

В одной из первых публикаций о Кызылкыре центральная часть здания описывается как квадратный двор размером $13,7 \times 13,7$ (33, с. 61). Однако археологические данные, полученные в процессе дальнейших раскопочных работ, указывают на его жилой характер, о чем особенно ярко свидетельствуют остатки обожженной глиняной облицовки с отпечатками камыша, обнаруженные в шурфе, заложенном в середине здания, а также суфалержанка, сооруженная вдоль восточной стены зала в период его позднейшей реконструкции.

По структуре шурфа, заложенного в восточной части северного помещения, под полом был сооружен довольно мощный настил из уложенного по всей жилой площади здания ряда сырцового кирпича размером $55 \times 45 \times 10$ — 12 см и $56 \times 48 \times 10$ — 12 см, поверх которого насыпан слой мелкого гравия и песка. Сверху шли три ряда кладки из сырцового кирпича размером $44 \times 44 \times 10$ см, связанные толстостенными слоями глины с мел-

кой галькой. По верхнему ряду кирпичной кладки выложен слой глины толщиной 24 см.

В процессе раскопок главного здания Кызылкыра-I не были прослежены какие-либо следы конструкций перекрытий, а также специальных перемычек над дверными проемами, расширяющимися кверху. Однако обнаруженные в завалах внутри помещений куски обожженной глины со следами камыша и дерева в какой-то мере свидетельствовали о том, что весь дом имел общее плоское перекрытие балочной конструкции с толстой земляной кровлей по камышовому настилу. А кровля центральной части здания, где находился большой квадратный зал, по всей вероятности, держалась на столбах.

Во втором строительном периоде, вероятно, в связи с увеличением количества жильцов в Кызылкыре появилась необходимость резкого расширения общей площади дома. Первоначальное здание было расширено на 20 м на восток и на 22,5 м на юг, т. е. жилая площадь увеличилась в четыре раза. Общие размеры его достигли $43,5 \times 40-48$ м. Пристроенный к первоначальному зданию новый участок был обнесен глинобитной стеной толщиной 2 м, вдоль которой возведено около 40 различных по площади и назначению помещений. Однако помещения позднейшего строительного периода сохранились на очень небольшую высоту. Высота наружной стены и стен отдельных помещений местами достигает 70—80 см. Несмотря на это, даже на основании сохранившихся частей можно судить о том, что по своей планировке и конструктивным особенностям пристроенная часть в корне отличалась от главного здания, возведенного в первый строительный период (см. рис. 7).

Одновременно с возведением внешней обводной стены нового участка вдоль ее были сооружены 15 помещений разных величин и назначений, в том числе 7 вдоль восточной стены, 6— южной и 2— западной. Они имели вход во двор и составляли несколько двух- либо трехкомнатных жилых комплексов. По конструкции и археологическим находкам, помещения вдоль восточной стены за исключением первого размером $6,3 \times 4,3$ м с остатками суфы-лежанки имели хозяйственное назначение. Там обнаружено большое количество кухонных изделий, начиная от лепных и станковых керамических сосудов разной величины и типов и кончая крупными каменными зернотерками и лепными очажными подставками от котлов. Как нам кажется, помещения вдоль южной стены имели жилой характер, в большинстве из них вдоль стен расположены широкие (до 1 м) и высокие суфы-лежанки, гладко оштукатуренные глиной.

В этот период Кызылкыра-I был довольно сильно укрепленным поселением площадью $37,5 \times 37$ м с большим прямоугольным двором в середине. Он был обнесен стеной двухметровой толщины. Впоследствии почти вся дворовая площадь была застроена жилыми и хозяйственными помещениями и только небольшой

участок вдоль восточной стены главного здания оставался не застроенным, так как, видимо, служил улицей.

Из придворных застроек особого внимания заслуживал комплекс помещений, примыкающих непосредственно к пандусу и предвратному помещению первого периода. Они гораздо лучшей сохранности. Высота стен внутри помещений достигала 80 см. Ядро этого комплекса — большое помещение неправильной прямоугольной формы размером $8,6 \times 7,4$ м. Вдоль трех стен помещения, за исключением южного, расположены гладко оштукатуренные суфы-лежанки шириной $1,2-1,5$ м. В середине помещения на полу сохранились следы двух деревянных столбов, поддерживавших в свое время балочное перекрытие. Кроме того, в центре помещения между следами двух стоек имелись остатки большого кострища. Вход в помещение находился в юго-западном углу. У дверного проема стена была выложена двумя рядами кирпича. В глиняной обмазке проема сохранились пазы деревянной дверной коробки. Большие размеры этого помещения по сравнению со всеми другими жилыми комплексами второго строительного периода, наличие суф-лежанок и полное отсутствие хозяйственных предметов, в особенности керамических, указывают на его общественно-культурное назначение. По мнению В. А. Нильсена, возможно, оно было остатками храмового сооружения, связанного с культом огня, где происходили также общественные собрания и трапезы (32, 94).

К западу от этого большого помещения расположены две комнаты. Первая квадратная размером $4,6 \times 4,6$ м, примыкающая к южной стене предвратного сооружения древнего здания, вторая прямоугольная, размером $6 \times 3,5$ м. К югу от них располагалась узкая продолговатая комната размером $7 \times 2,4$ м с двумя суфами-лежанками вдоль продольных стен. Стены этих жилых комплексов, суфы-лежанки, как и другие сооружения второго строительного периода Кызылкыра-1, выложены из сырцового кирпича размером $42 \times 42 \times 10$ см. Толщина стен внутри помещений достигала 1 м, что указывает на применение здесь плоских балочных перекрытий.

В восточной части поселения вскрыты еще шесть жилых комплексов, в основном состоявших из двух небольших комнат и двух узких входных коридоров, связывавших также и комнаты. В центре одной из комнат расположено небольшое глиняное прямоугольное очажное сооружение с округлыми углами и невысоким бортиком. На поверхности этого сооружения обнаружен довольно толстый слой золы, в которой найдены глиняные очажные подставки для котлов, верхние концы которых выполнены в виде головок баранов.

В некоторых помещениях находились врытые до уровня пола большие хумы. В отличие от главного здания жилые комплексы второго строительного периода насыщены археологическим мате-

риалом, по большей частью керамикой, причем в основном он был на полу помещений и во врытых в пол хумах.

Вход в поселение во второй строительный период был с двух сторон — с северной и южной. С северной через специально построенное позднее предвратное сооружение размером $5,3 \times 4,4$ м вел главный вход, а с южной — второй вход для группы жилых комплексов, расположенных в юго-западной части помещения.

Большая часть жилых помещений, особенно второго строительного периода, сильно пострадала, вероятно, от большого пожара. До известной степени было разрушено и первоначальное здание.

Спустя некоторое время начался третий строительный период (см. рис. 7). Часть главного здания была восстановлена и перестроена. От зала в этот период шел узкий коридор шириной 1,7 м с широким (18 м) входом. Вдоль южной стены зала кладки сырцового кирпича размером $44 \times 44 \times 10$ см выстроена дополнительная стена толщиной 1,3 м с округлой нишей. Вдоль восточной стены зала была построена суфа шириной 0,9 м, вытянутая на всю длину помещения и примыкающая к кирпичной пристройке. В это время дверные проемы северного, восточного и западного коридорообразных помещений были заложены. Функционировал зал, южное, восточное и предвратное помещения. В юго-восточном углу восточного помещения был вырублен новый дверной проем. Южное помещение было разделено на две части специальной стеной кирпичной кладки шириной 0,7 м и длиной 2,05 м. Восточная половина его была использована как конюшня. Вдоль северной стены помещения для лошадей построена узкая кормушка шириной 85 см и длиной 6 м, выложенная из кирпича.

Археологический материал Кызылкыра своеобразен. Наряду с керамическими предметами встречены массивные зернотерки из камня, железные ножи, костяные ручки ножей, каменные бусы и подвески из пасты. Особого внимания среди находок заслуживают ювелирные изделия, найденные на останках женщины, видимо, погибшей под восточной стеной предполагаемого храмового помещения. В ногах костяка лежало круглое зеркало с короткой ручкой, на шее — пять ниток мелкого полуразложившегося жемчуга с тремя золотыми бусинами в середине в форме параллелепипеда. Внешняя плоскость этих подвесок орнаментирована мелкой зернью, имеет овальные гнезда для инкрустации драгоценными камнями, которые, к сожалению, не сохранились. Размер этих золотых амулетов (подвесок) разный: один немного крупнее, чем два остальные. Размер его $2,2 \times 1,5 \times 15$ см, два остальные размером $1,8 \times 1,5 \times 13$ см. По груди скелета, окружая шею, и возле щиколоток ног лежало семьдесят восемь мелких полусферической формы тонких золотых бляшек, диаметром в среднем 0,8 см, на внутренней стороне их были припаяны маленькие железные ушки. Эти золотые бляшки, по всей вероятности,

были украшением на воротах платья и нижнем крае длинных шаровар погребенной.

Кроме этих находок на Кызылкыре-I обнаружена резная костяная накладка на ножны меча, бронзовый ковшик с вертикальной ручкой и медная пряжка с изображением двух змей. Большую ценность имеют найденные две серебряные монеты правителей Древнего Согда, представляющих подражания тетрадрахам греко-бактрийского правителя Евтидема (10, с. 160, 33, 68—77). Подобные серебряные монеты были широко распространены в Бухарском Согде. По определению Е. Зеймаля, согдийские подражания тетрадрахам греко-бактрийского царя Евтидема выпускались в Западном Согде с II в. до н. э. до III—IV вв. н. э. (14, с. 72).

Итак, по общей планировке и конфигурации жилых комплексов и конструкций стен в Кызылкыре в основном намечается два больших и один кратковременный период застройки. К первому строительному периоду относятся остатки большого здания с предвратным помещением в углу, ко второму — руины небольших, в основном двухкомнатных жилых комплексов, расположенных к югу и востоку от первоначального основного здания и обнесенных единой дополнительной стеной. Жизнь в Кызылкыре прекратилась в результате сильного пожара. После катастрофы, спустя некоторое время, жизнь на нем, в частности, в центральной части поселения, возобновилась. В этот третий период кратковременного обживания главное здание подверглось определенному переустройству, которое можно выделить как позднейший, т. е. третий строительный период Кызылкыра-I.

Керамика Кызылкыра того же типа, что и на Сеталаке-I и других окружающих тепа. Среди ремесленной керамики Кызылкыра-I станковой работы бытуют хумы, хумчи, горшки, фляги, кувшины, блюда, миски, чашки, крышки. Здесь широко представлены также лепные сосуды-хумы, хумчи, горшки, кувшины, крышки, жаровни, курильницы, подставки. Хумы и хумчи представлены в фрагментах, черепок сероватого цвета, поверхность покрыта также светло-серым ангобом. Венчики их валикообразные разной толщины, диаметр венчика колеблется от 30 до 42 см, толщина стенок 1—2 см (рис. 8, 3).

Как вся станковая керамика, горшки изготовлены из хорошо промешанной глины на быстро вращающемся гончарном круге. Черепок в изломе часто красный, красно-коричневый, реже серого цвета. Внешняя поверхность покрыта жидким белым или беловато-розовым ангобом, поверх которого на горшках часто нанесены густые черно-красные, коричневые и темно-коричневые как бы небрежные мазки с каплями и потеками.

Горшки делятся по форме тулова и венчика на несколько вариантов. К первому относятся горшки с широким носиком под резко согнутым венчиком. Тулова шаровидные, завершающиеся отогнутым наружу плоским, гладким венчиком, имеющим сверху

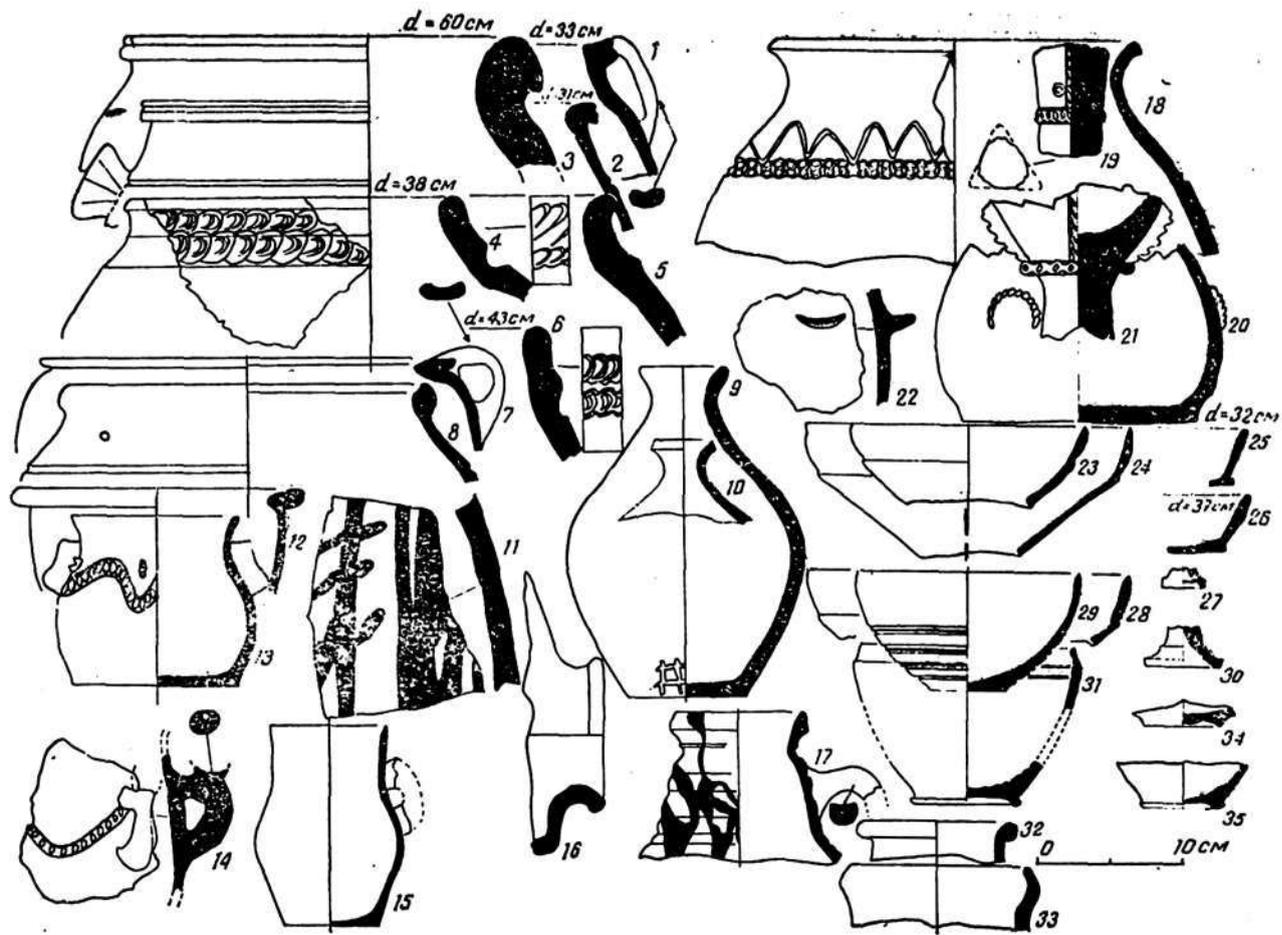

Рис. 8. Кызылқыр-І. Керамика

горизонтальную площадку. Венчик часто со скошенным внизу краем, иногда с желобками для крышек (рис. 8, 7). Встречаются также горшки с конически расширяющимся сливом на плечике (см. рис. 8, 2), а с обратной стороны с пластинчатой ручкой, прикрепленной нижним краем к плечу, верхним — к венчику (см. рис. 8, 1). Большая часть сосудов снаружи покрыта беловато-серым и светло-серым ангобом, а поверх него — темно-коричневыми мазками и потеками. Диаметр устья колеблется от 16 до 28 см, толщина стенок 0,4—0,5 см.

Ко второму варианту относятся горшки типа корчаги с резко отогнутым подпрямоугольным в сечении венчиком, разделенным снаружи горизонтальными ложбинками на две половинки (см. рис. 8, 1, 2). Иногда с одной стороны под ним был короткий, конический расширяющийся слив, а с противоположной к нему прикреплялась дужка от толстой ручки с продольной ложбинкой. Поверх ангоба также мазки и потеки темно-коричневой краской. Диаметр устья колеблется от 25 до 30 см, толщина стенок 0,5—0,7 см.

Среди горшков второго варианта есть и археологически целые. Диаметр устья 23,5 см, донца — 18,5 см, наиболее широкой части тулова — 31 см, высота сосуда 31 см. Плечики орнаментированы двумя горизонтальными линиями. Поверхность покрыта светло-желтым ангобом. На дне заметны следы песчаной подсыпки. В шейке имеются два отверстия неизвестного назначения, в литературе высказано предположение, что они сделаны для доступа воздуха (4, с. 149).

Несколько отличаются от широкогорлых сосудов (горшки типа корчаг) горшки типа хурмы². Устье, как обычно, широкое, форма тулова у них полностью не восстанавливается, однако, судя по фрагментам, наибольший диаметр тулова находился посередине сосуда, а высота была равна или близка по размеру наибольшей ширине. Изготавливались горшки типа хурмы из глиняного теста, часто без примесей, реже с примесью толченого гипса хорошего качества. Обжиг равномерный. Снаружи часто покрывались светло-белым, красно-коричневым ангобом. На поверхности горшков этого типа совершенно отсутствовали следы мазков или потеков. По форме венчика можно отметить несколько вариантов. Первый отличался утолщенным, выступающим наружу округлым валикообразным венчиком и плавно переходящим в тулове плечиком, которое часто украшалось одним или несколькими горизонтальными желобками (рис. 8, 8). Шейка иногда выполнялась с отверстием. Желобок на некоторых сосудах с внутренней стороны был выражен очень слабо, на других почти не выражен — эти сосуды представлены фрагментами верхней части. Поверхность без ангоба. Диаметр по верхнему краю 20—25 см, толщина стенок 0,5 см.

² Местное название ведрообразного сосуда.

Ко второму варианту относились горшки типа хурмы, с раздутым туловом, сравнительно короткой сужающейся к устью горловиной и простым вертикально срезанным краем. На плечиках иногда были отверстия, выполненные до обжига. Один сосуд отличался хорошо выраженным по краю устья желобком. Поверхность сосудов светлоангобированная. Диаметр венчика от 9 до 14 см.

Третий вариант представлен фрагментами сосудов с отогнутым наружу подпрямоугольным в сечении венчиком. Большой интерес вызвал сосуд с профилированным снаружи венчиком на плоской верхней поверхности и с желобком по боковой, который по форме венчика и тулова аналогичен горшкам типа корчаги второго варианта. Плечико орнаментировано тремя горизонтально проведенными желобками. Диаметр устья 19 см. Такие же корчаги со сливом цилиндрической формы встречены в восточной части Бухарского оазиса близ бугра Соинова в кургане З. О. В. Обельченко называет его «крупным сосудом типа хума» и датирует V—VI вв. н. э. (36, с. 94—100, рис. 2).

Кувшины представлены в фрагментарном виде. Поверхность их снаружи целиком покрыта белым, беловато-серым, реже красным и серовато-желтым ангобом. На некоторых сосудах следы мазков от красного до темно-коричневого и черного цвета. Горловины отчетливо выражены, прямые или расширяющиеся к низу, венчик часто валикообразный, подтреугольный, либо изредка наружу профилированный. Встречены сосуды с покатыми плечиками, туловом округлым, чаще даже несколько удлиненным. Диаметр дна обычно намного превышал диаметр горла и венчика. Форма сосудов удлиненная, по высоте значительно превышающая наиболее широкую часть тулова. Диаметр венчика — 4—12 см (чаще 10—11), дна — 10—16,5 (чаще 10—13), тулова — 12—30 (чаще 20—22), высота — 13—39 см.

Большинство кувшинов украшено одним или двумя глубокими желобками на плечиках. Лишь на одном сосуде под глубоко выраженным желобком шла волнистая линия, выполненная твердым предметом либо палочкой по еще сырому сосуду. По форме венчика кувшины подразделялись на несколько вариантов. К первому относились сосуды с валикообразным, а также (рис. 8, 17, 32) с приближающимся к подтреугольному с утолщенным краем венчиком. Все кувшины узкогорлые. Узкогорлый кувшин с расширяющимся в средней части туловом и отогнутым наружу венчиком имел аналогию в находках кургана З в Куюмазарском могильнике, датированном II—IV вв. н. э. (35, с. 126—127). Встречены сосуды со следами мазков и потеков коричневого и черного цветов поверх белого ангоба.

Ко второму варианту относились кувшины без ручки с подтреугольным в сечении венчиком. С внешней стороны они покрыты беловатым ангобом. Орнамента на плечиках нет, за исключением нескольких глубоких врезанных полос или линий. Венчик более

изогнутый и слабо выступающий над горловиной, с его внутренней стороны горизонтально располагался желобок.

Третий вариант представлен кувшинами с резко отогнутым наружу венчиком, узким невысоким горлом и обычно яйцевидной формой корпуса различной вытянутости (рис. 8, 9, 10). Венчики иногда дополнялись желобками.

К четвертому варианту относились кувшины без венчика. Горловина в верхней части завершалась утончающимися краями, слегка отклоненными наружу (см рис. 8, 15). Сосуды широкогорлые, с покатыми плечиками, округлым туловом, наибольший диаметр которого обычно меньше высоты кувшина; диаметры венчика и доньшка большей частью равны либо близки друг другу. Орнамент отсутствовал.

Встреченные в комплексе чаши в большинстве представлены фрагментами, однако были и целые сосуды, изготовленные из хорошо промешанной глины с примесью толченого гипса. Черепок имел в основном красный и красно-коричневый, реже темно-коричневый и светлый цвет. Обычно снаружи чаши покрывались белым или беловато-розовым ангобом, поверх которого наносились небрежные темновато-красные и коричневатые черные мазки. Нередко снаружи по краю сосуда или венчика проходила полоса черного ангоба, внутри — красный ангоб. Все чаши резко асимметричны. Размеры разные: диаметр устья 13—23 см, высота чаши 6,5—10,5 см. Наиболее часто встречались сосуды с диаметром устья 14,5—16 см, дна 5—6 см, высотой — 8—9 см.

По форме чаши условно можно подразделить на несколько вариантов. К первому относились глубокие чаши, отличавшиеся резким перегибом корпуса и наличием ребра (рис. 8, 23, 24, 28). Второй вариант представлен глубокими чашами с полусферическим туловом и плавно округлыми стенками (рис. 8, 29), а третий — приземистыми чашами с широким устьем, резким перегибом и выступом корпуса снаружи. Количественно преобладали чаши первого варианта. Аналогии чашам третьего варианта — чаши типа пиалы — встречены нами на Куюмазарском могильнике Бухарского оазиса, в кургане 3. С внешней стороны они также покрыты черным ангобом, их также отличал перегиб корпуса с желобком и выступавшим поддоном. Между тем установлено, что чаша из кургана 3 Куюмазарского могильника, в свою очередь, идентична чаше из Гяуркалы (Древний Мерв), датированного концом II — началом III в. н. э. по парфянским монетам (35, с. 126—127). Доньшки чаш плоские, но встречались сосуды и на кольцевом поддоне (см. рис. 8, 31, 34, 35).

В Кызылкыре, как и Сеталаке-I, найдены фрагменты чаш с узким, слегка наклонным вовнутрь и утонченным бортиком по краю сосуда вместо венчика (см. рис. 8, 31). Аналогичные сосуды известны на городище Шаушкунтубе Ташкентского оазиса, датированного IV вв. н. э. (19, с. 143, рис. 51, 6, 7, 9—10). Миски Кызылкыра сравнительно невелики, неорнаментированы, полу-

сферической формы, со слегка загнутыми вовнутрь краями. Тесто без примесей, обжиг хороший, диаметр устья 10—15 см, диаметр дна 3,5—5 см, высота 5—6 см.

В комплексе керамики Кызылкыра найдены фрагменты бокалов на ножке, представленные обломками ножек. Хотя есть и фрагмент, видимо, стенки этой формы. Ножки бокалов маленькие, неустойчивые, с выемкой в нижней плоскости и слабо выраженным рельефным круговым выступом (см. рис. 8, 27, 30). Диаметры их составляли 1,5—2,5 см. Поверхность и черепок часто темно-коричневого цвета, видимо, сказался некачественный обжиг. По всей вероятности, плоская часть ножки бокалов вторично использовалась как пряслице. По мнению некоторых исследователей, часть керамических пряслиц, выточенных из ножек бокалов, находила применение в виде грузика для ткацкого станка (51, с. 166). Фрагменты бокалов представлены в коллекциях Кызылкыра и Сеталака в основном единичными экземплярами их ножек. Этот тип посуды отсутствовал в керамике каунчинской культуры, с которой керамика Кызылкыра наиболее близка, но характерен для типологии керамики синхронных Кызылкыру памятников древнебухарского оазиса.

В комплексе всего в пяти экземплярах и то во фрагментах встречены крышки. Судя по сохранившейся части, они конической формы, диаметром 8,5—14 см. Их отличала небольшая ручка с отверстием посередине. Поверхность покрыта светлым и темно-коричневым ангобом.

В комплексе в большом количестве представлена лепная керамика. По технике изготовления, составу глиняной массы и обжигу ее можно подразделить на две подгруппы — «А» и «Б». Первую составляли сосуды очень грубой лепки, изготовленные из плохо промешанного и слабо отмученного теста с примесью крупнодробленой дресвы либо шамота, с рыхлым черепком, неравномерным обжигом, видимо, костровым. Подгруппа «Б» представлена сосудами тщательной ручной лепки с хорошо промешанным и отмученным тестом относительно хорошего обжига.

Сосуды подгруппы «А». В основном они представлены в фрагментарном виде. Это различные формы больших и малых котлов, жаровень, курильниц. Большую часть их составляли горшкообразные сосуды со слегка раздутым туловом, покатыми плечиками, часто прямыми, реже слегка отогнутыми наружу венчиками диаметром 10—28 см. Поверхность горшков покрыта сероватым, реже серовато-белым, светло-желтым ангобом.

По форме котлы подразделялись на несколько вариантов. К первому относились котлы, похожие на банки, со слабо изогнутыми стенками, приземистым туловом, покатыми плечиками и несильно отогнутым наружу невысоким краем устья. Устье и днище широкие, почти одинаковые по диаметру. Диаметр устья 10—20 см, толщина стенок 0,5—0,7 см. Днища плоские.

Другие котлы отличались шаровидным приземистым туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в невысокую, часто слабо выраженную горловину (см. рис. 8, 13). Край венчика слегка отогнутый наружу. Диаметр устья 19—22 см. Среди этой группы сосудов встречались котлы более объемистые и широкогорлые с диаметром устья 25—28 см.

Второй вариант представлен котлами типа кувшинов, по форме отличавшиеся от предыдущих вытянутым корпусом, относительно высокой и узкой горловиной. Диаметр венчика обычно равен или почти равен диаметру дна — он составлял 10—13 см, высота корпуса 11—18 см, толщина стенок 0,5—0,7 см.

Котлы чаще всего имели ручки в виде выступа, прикрепленного к плечикам, причем ложбинка на спинке ручки образовывала по краям два бугорка (см. рис. 8, 13). Изредка встречались котлы с двумя петлеобразными ручками, прикрепленными верхним концом к нижнему краю сосуда, а нижним — к плечикам. Отмечены сосуды с ручками в виде закругленных выступов, прикрепленных к плечикам. Изредка попадались налепные декоративные ручки в виде полуокружности, на которые по еще сырой глине были нанесены глубокие косые насечки, а также ручки с зооморфными изображениями (33, с. 73, рис. 8).

Следует отметить, что котлы украшались налепными орнаментами, часто в виде волнистой, зигзагообразной ленты с насечками (см. рис. 8, 13), продолженной на уровне ручек. В ее верхних изгибах имелись выступы в виде двух бугорков, как и ручки: они повторяли формы ручек (см. рис. 8, 13), которые, видимо, служили для закрепления сосуда при установке на очаг. Над этим налепом часто прилеплялись симметрично расположенные шишечки — по четыре и более (см. рис. 8, 13). Встречены двухъярусный орнамент в виде круговой волнистой линии, под которой палочкой нанесены вдавления в два ряда (см. рис. 8, 18), орнамент в виде налепной волнистой линии без насечек и дополнительных декоративных элементов. Как правило, волнистые, зигзагообразные, так называемые S-образные налепы, наносились на грани плечиков и шеек.

В комплексе в мелких фрагментах встречены жаровни — сосуды с плоским дном и вертикальным округлым к устью бортиком (см. рис. 8, 25, 26). Они грубо вылеплены, но тонкостенные. Тесто с примесью песка и мелкой гальки. Черепок пористый, обжиг низкого качества. Поверхность покрыта красным, красно-желтым, светло-серым и беловатым ангобом. Высота сосуда 2—5 см. Диаметр верхней части 23—40 см, толщина стенок 0,5—0,7 см.

Найдено четыре фрагмента курильниц в виде цилиндрической ножки, грубо слепленных с большой примесью дресвы. Обжиг слабый, костровый. Поверхность покрыта светлым ангобом. Стержни расширены вверху и внизу так, что в верхней части, возможно, была полусферическая чашечка-резервуар, а в ниж-

ней — подставка для сосуда (см. рис. 8, 19, 21). Эти сосуды богато орнаментированы налепами с насечкой.

В стержне курильниц было по одному отверстию, назначение которого не установлено. Подобная курильница найдена на курганном захоронении Куюмазарского могильника, относящегося к II—IV вв. н. э., но отличалась от нашего комплекса отсутствием орнамента (35, с. 114).

В комплексе отмечены кружки, представленные целыми экземплярами. Они грубо вылеплены из такой же глины, как и другие жаростойкие сосуды (котлы, курильницы). Ручки в форме полукруглого выступа прикреплены в середине корпуса в вертикальном положении. Цилиндрический корпус сверху слабо сужен, верхний край округлый в сечении, чуть отогнут наружу. Поверхность пятнистая, сероватая. Устье плоское. Донца по диаметру немного больше устья: диаметр устья 8 см, донца — 9 см, высота кружек 6 см, толщина стенок 0,5 см.

В керамическом комплексе Кызылкыра-I найдено более 30 очажных подставок, из них 11 с зооморфным изображением по верхним углам. Видимо, они служили для совершения обрядовых церемоний. Подставки изготовлены из очень грубо промешанной, комковатой глины, с примесью песка, шамота и известковой дресвы. Обожжены слабо. Длина подставки у основания целых экземпляров 16—20 см, длина по верху 23,5—26,5 см, ширина основания 8—11 см, высота вместе с зооморфным изображением 14,5—16 см. Поверхность часто украшена валиком, опоясывавшим шейку. Верхним углам подставок приданы черты зооморфного изображения, в котором можно узнать изображение барана, выполненного разнообразными налепами в различной степени стилизации. Верхний заостренный угол на одной из подставок по краям разработан валиками, условно изображавшими рога, между ними валик в виде гребня, снизу ограниченный еще одним валиком, круговым, от последнего по верху как бы по спине проложен валик в виде отрезка веревки. Все валики украшены насечками. Встречены и более реалистичные изображения.

Как обычно, в центральной части тулова сквозные отверстия. На боковой поверхности подставки часто палочкой нанесены углубления, вероятно, имитирующие завитки шерсти барана. Встречены простые прямоугольные подставки под котлы (21 экз.). Они разнообразны по форме и размерам, обычно пластичны с прямоугольным либо круглым основанием, сужавшимся кверху. Лицевые поверхности иногда украшались вдавлениями и линиями, нанесенными пальцем, углублениями или сквозными отверстиями, либо простым орнаментом в виде вдавлений и пересекающихся полос, нанесенных пальцем или заостренной палочкой.

Среди орнаментальных мотивов встречались вертикальные гофры и реже — извилистые линии в виде ползущей змеи (см. рис. 16, 11, 23). Обнаружена подставка без отверстия в середине. Ее высота 10—13,5 см, длина и ширина у основания соответ-

ственно 10,5—14 и 7,5—9 см; длина и ширина сверху 9—13 и 2—4 см.

Очажные подставки широко известны в Средней Азии от эпохи бронзы (2, с. 80) до раннего средневековья (19, с. 17). Аналогичные подставки, найденные в Сапаллитепа (Сурхандарьинская область), преимущественно связаны с очагами. Как указывает А. А. Аскарлов, они обнаружены на дне пристенных очагов, а в одном случае — даже под большим горшкообразным котлом (2, с. 81). Таким образом, эти находки свидетельствуют о том, что они служили в виде подставок под котлы.

Среди находок встречены фрагменты плоских крышек. Черепок желтовато-коричневого цвета, тесто с примесью песка и белых крупинок, обжиг средний. Поверхность либо снаружи, либо с лицевой стороны покрыта белым ангобом.

Сосуды подгруппы «Б». Они включали сосуды, изготовленные из тщательно промешанной и отмученной глины, горнового обжига, в основном, следующих форм: хумы, хумчи, фляги и кувшины. В связи с тем, что хумы и хумчи отличались между собой стенками и венчиками, их можно подразделить на два варианта. К первому относились сосуды с незначительно отогнутым, реже прямым, подпрямоугольным, иногда округло-подпрямоугольным или манжетовидным в сечении венчиком, переходящим сразу в плечики, отделенным от него ложбинкой (см. рис. 8, 4—6). Венчик и желобок орнаментированы вмятинами пальцев. Этот прием, видимо, связан со способом изготовления сосудов: отдельно изготовляли венчик, корпус и дно.

Сосуды снаружи заглажены, но внутри хорошо заметны места скрепления полос. Днища, обычно формованные на песчаной подсыпке, слегка округлые, но устойчивые, стенки промазаны под днищем. Судя по фрагментам, сосуды были толстостенные с вытянутым яйцевидным туловом и резко покатыми плечиками. Диаметр дна равен или несколько меньше диаметра венчика. Диаметр венчиков хумов 36—42 см, хумчей — 30—35 см. Черепок красного цвета, тесто без примесей, из хорошо промешанной и отмученной глины, обжиг равномерный, горновой. Снаружи сосуды покрыты жидким беловатым ангобом, поверх которого густой краской нанесены коричневато-красноватые и черные небрежные мазки. Этот прием украшения сосудов также широко применялся и на сосудах станковой работы. Прием нарочито небрежной раскраски в виде простых мазков, капель и подтеков являлся характерной особенностью керамики Кызылкыра и был значительно распространен на территории Бухарского Согда и частично Самаркандского Согда.

Ко второму варианту относились хумы (3 экз.) с резко отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком, представленным во фрагменте, без выделенного горлышка, с глубоким желобком, отделявшим его от тулова сосуда. Фрагментарность сосудов не позволяет полностью установить форму. Техника изго-

товления лепная. Черепок красноватого цвета без ангоба на поверхности. Диаметр верхнего края более 40 см, толщина стенок 2,5 см.

Незначительную часть керамического комплекса (17 экз.) составляли фляги: из них венчиков — 14 экз., фрагментов стенок — 3 экз. Последние с шаровидным туловом, небольшой горловиной, завершенной отогнутым наружу венчиком, с одной стороны они уплощены (см. рис. 8, 16). Черепок в изломе красный, красно-коричневый и реже светло-серый. Поверхность покрыта светло-желтым ангобом. На поверхности почти всех фляг мазки и подтеки от коричневого до черного цвета. Диаметр венчика больших фляг 13—20 см, средних — 9—11 см, маленьких — 5—8 см. Толщина стенок 0,5—1,5 см.

Кувшины представлены фрагментами. Поверхность их снаружи покрыта светлым ангобом, поверх которого иногда нанесены мазки и потеки черного цвета. Части кувшина — корпус, горловина, днище, ручки — лепились отдельно и затем соединялись. По форме кувшины подразделялись на два варианта. К первому относились кувшины с одной ручкой, закрепленной под горлом. Горло кувшина хорошо выражено, довольно высокое, постепенно расширявшееся книзу, венчик подтреугольный, чуть отогнутый наружу. Плечики покатые, тулово, видимо, округлое, диаметр венчика 8—10 см. Второй вариант представлен кувшинами без ручек, по всей вероятности, со сферическим туловом, высоким горлом, круглым в сечении венчиком. Поверхность покрыта копотью, черепок в изломе светло-серого цвета. Диаметр венчика 8 см. Этот тип кувшинов представлен в единственном экземпляре.

Найден фрагмент сосуда типа тагары или таза, изготовленный ручной лепкой с помощью подставки из хорошо промешанной и отмученной глины с примесью крупнодробленой дресвы. Обжиг хороший. Поверхность и черепок серого цвета. Сосуды широкооткрытые, крупные, усеченно-конической формы с прямыми относительно толстыми стенками. Диаметр к устью более 40 см, толщина стенок 1,5 см. Верхний край отогнут наружу и украшен косою насечкой. С внутренней стороны сосуд опоясан наlepным горизонтальным валиком с вдавлениями пальцем.

Раскопки Кызылкыра-II. Дом-2

Поселение Кызылкыра-II и расположенные вокруг него небольшие однослойные памятники, являвшиеся следами жилищ в виде шалашей, впервые зафиксированы в 1953 г. Я. Г. Гулямовым. При раскопках Кызылкыра-I здесь вскрыли одно из отдельных жилищ, топографически примыкавших к поселению Кызылкыра-II, получившее название Кызылкыр-II, дом-2. Оно расположено в 700 м к юго-востоку от Кызылкыра-I и в 100 м к западу от Кызылкыра-II. Хотя по материальной культуре Кызыл-

кыр-II, дом-2 входит в единый комплекс Кызылқырской группы позднеантичных памятников, однако по типу своей планировки он сильно отличается от монументальных домов Кызылқыра.

Кызылқыр-II, дом-2 до раскопок представлял собой почти незаметный, сильно покатый холм, вытянутый с севера на юг и возвышавшийся на 50—60 см над общим рельефом местности. Общая площадь его в среднем составляла 600 кв. м (27, с. 77). Поверхность покрыта тонкой коркой такыра и усеяна фрагментами керамики, а также обломками зернотерок. Местами на пониженных участках, где происходило развевание такыра, из-под такырной корки выступали полуразбитые керамические сосуды. Отчетливо видны следы довольно сильного пожара. Первый небольшой стратиграфический шурф размером 1 × 1 м заложен на Кызылқыре-II, дом-2 в 1956 г. Я. Г. Гулямовым. В 1957—1959 гг. памятник был полностью раскопан. В результате раскопочных работ трех осенних полевых сезонов в центре его вскрыты остатки двух жилищ типа шалашей-полуземлянок четырехугольной формы с закругленными углами. Они были расположены под углом друг к другу. Входная сторона первого из них обращена на юг, второго — на восток (см. рис. 9, 10).

Основания обоих жилищ вырыты в виде полуземлянок поверх супесчаных отложений, подстилаемых слоем белого песка (рис. 11). Длина первого и второго жилища составляла соответственно 7,3 и 7,8 м, ширина — 5 и 4,6 м, глубина — 0,7 и 0,5 м. Судя по лункам, обнаруженным вокруг и внутри второго жилища (их свыше десяти) у стоек диаметром 12—15 см, и извлеченным из первого и вокруг второго жилища кускам глиняной обмазки толщиной 6—8 см со следами камыша и веток кустарника, стены жилища имели каркасную конструкцию. Они были сплетены из ветвей, и жердей, нижняя часть которых обмазана глиной; кровля покрыта камышом.

Вокруг основания первого жилища уложен плотно утрамбованный слой глины толщиной 35—40 см и шириной в 1,5 м. На передней площадке Кызылқыра-II, дом-2, к югу от первого жилища, на площади около 15 кв. м. под такырной коркой обнаружены следы беспорядочно разбросанных 25 грушевидных в плане очагов, 9 четырехугольных и круглых хозяйственных ям. Глубина очагов 10—15 см, диаметр от 30 до 110 см, размер четырехугольных ям 50 × 80, 50 × 100, 60 × 110 см, диаметр круглых 50—110 см, глубина 15—20 см. Пол первого жилища, расположенный непосредственно на естественном песчаном основании, лежал на 20 см ниже уровня пола второго жилища, возвышавшегося за счет 20-сантиметровых культурных отложений (рис. 12). По уровню расположения полов и залеганию культурных наслоений первого жилища, обращенное на юг, было несколько раньше второго со входом с востока. Поселение Кызылқыр-II, дом-2 погибло от сильного пожара. Спустя некоторое время в результате затопления паводковыми водами Хитфара руины его были покрыты аллюви-

ГОРИЗОНТ - II

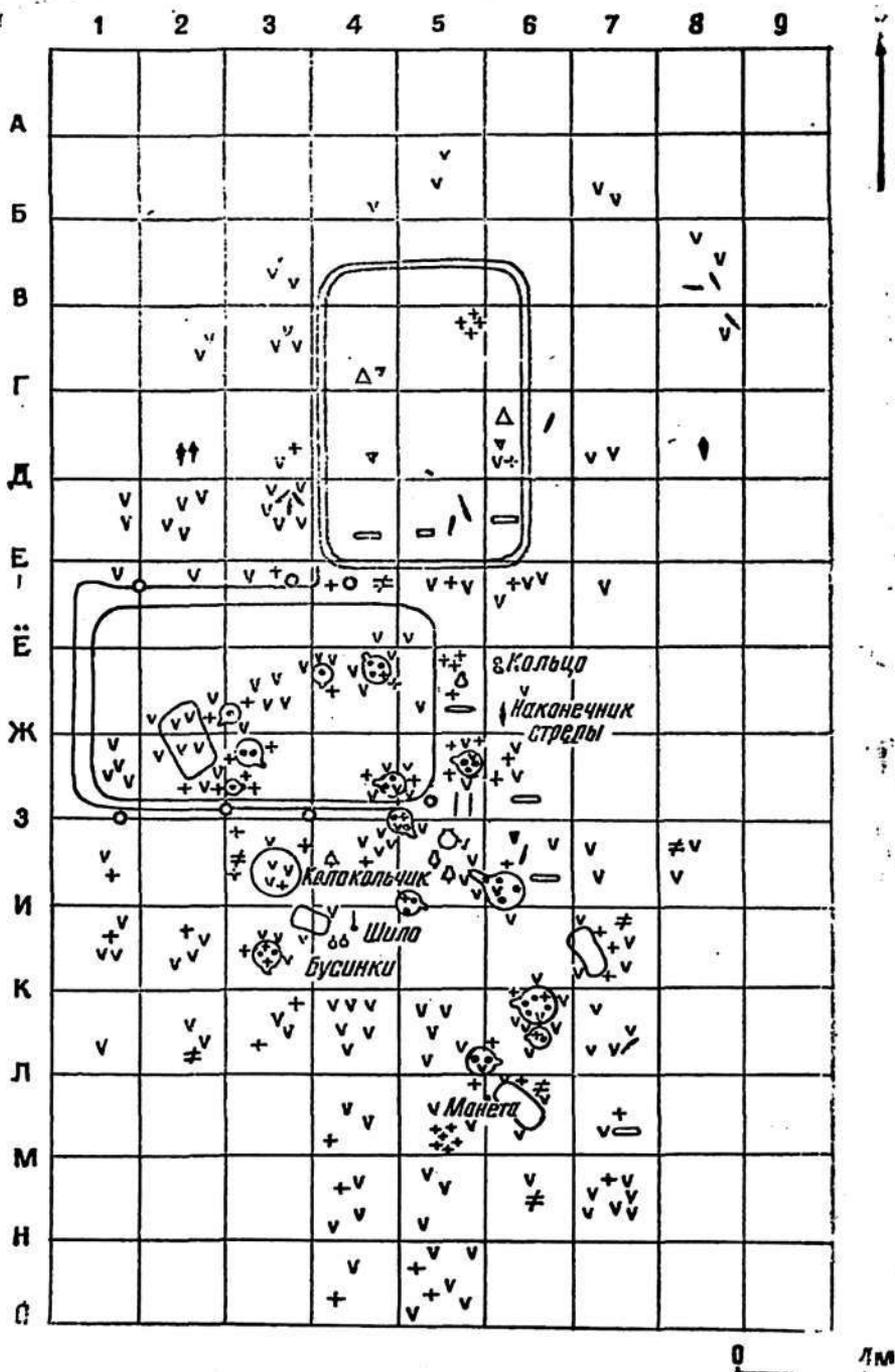

Рис. 10. Кызылқыр-II, дом-2. Общий план. Горизонт-II (условные обозначения те же, что и на рис. 11).

альными отложениями, благодаря чему прекрасно сохранились до наших дней.

Внутри жилища, вокруг очагов и хозяйственных ям собрана довольно большая коллекция различных археологических находок, в основном, предметов быта: керамические сосуды, изготовленные на круге и покрытые красным, черным и белым ангобом, грубоватая лепная кухонная утварь, пряслица из стенок сосудов (4 шт.), небольшие зернотерки длиной 35—40 см (11 шт.), об-

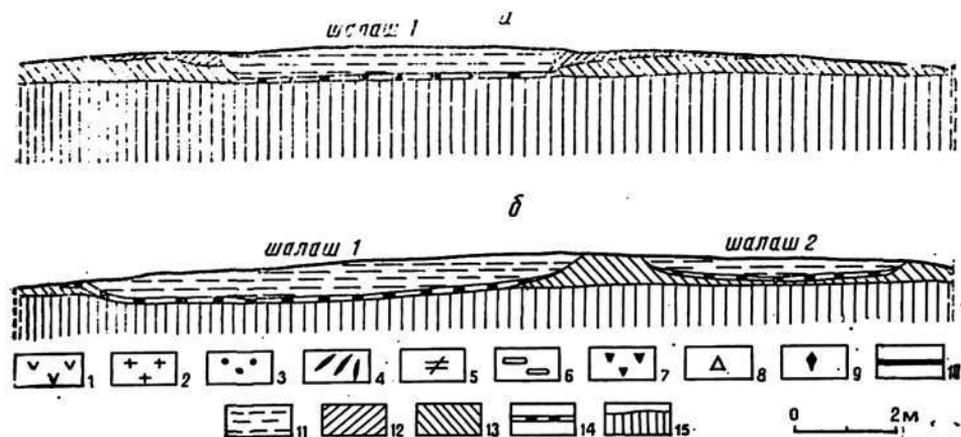

Рис. 11. Кызылкыр-II, дом-2. Стратиграфические разрезы по линиям Г₁—Г₉ (а) и А₄—О₄ (б):

1—фрагменты керамики; 2—костные остатки животных; 3—пращи; 4—ножи; 5—металлические изделия; 6—зернотерки и терки; 7—обломки кухонных сосудов; 8—подставки; 9—терракоты; 10—дневная поверхность; 11—культурный слой; 12—обмазка; 13—супесчаные отложения; 14—пол; 15—песок

ломки железных ножей (4 шт.) (рис. 12, 1—4), трехлопастной железный наконечник стрелы (1 шт.) (см. рис. 12, 7), два железных перстня (см. рис. 12, 11—12), небольшой бронзовый бубенчик с изображением барашка на конце, плоское бронзовое шило четырехгранного сечения (см. рис. 12, 10, 14), две подвески из пасты в виде кисти винограда и кулачка (рис. 13).

Из интересных находок следует отметить терракотовые статуэтки (рис. 14). Такие же статуэтки обнаружены и в окрестностях Кызылкыра. Среди них одна хорошей сохранности, вторая без головы, а третья — со стертой лицевой частью. По пропорциям и мелким деталям эти три фигуры — один и тот же иконографический типаж, но несколько отличны по величине. Терракоты изображают женщину, одетую в длинную одежду. На первой статуэтке, отличавшейся лучшей сохранностью, изображена узколицая женщина с большим овально развитым подбородком, выпуклыми глазами, дугообразными бровями, сходящимися переносицы и продолжающими линию носа с горбинкой. Волосы посередине разделены пробором, на лбу диадема. На шее два

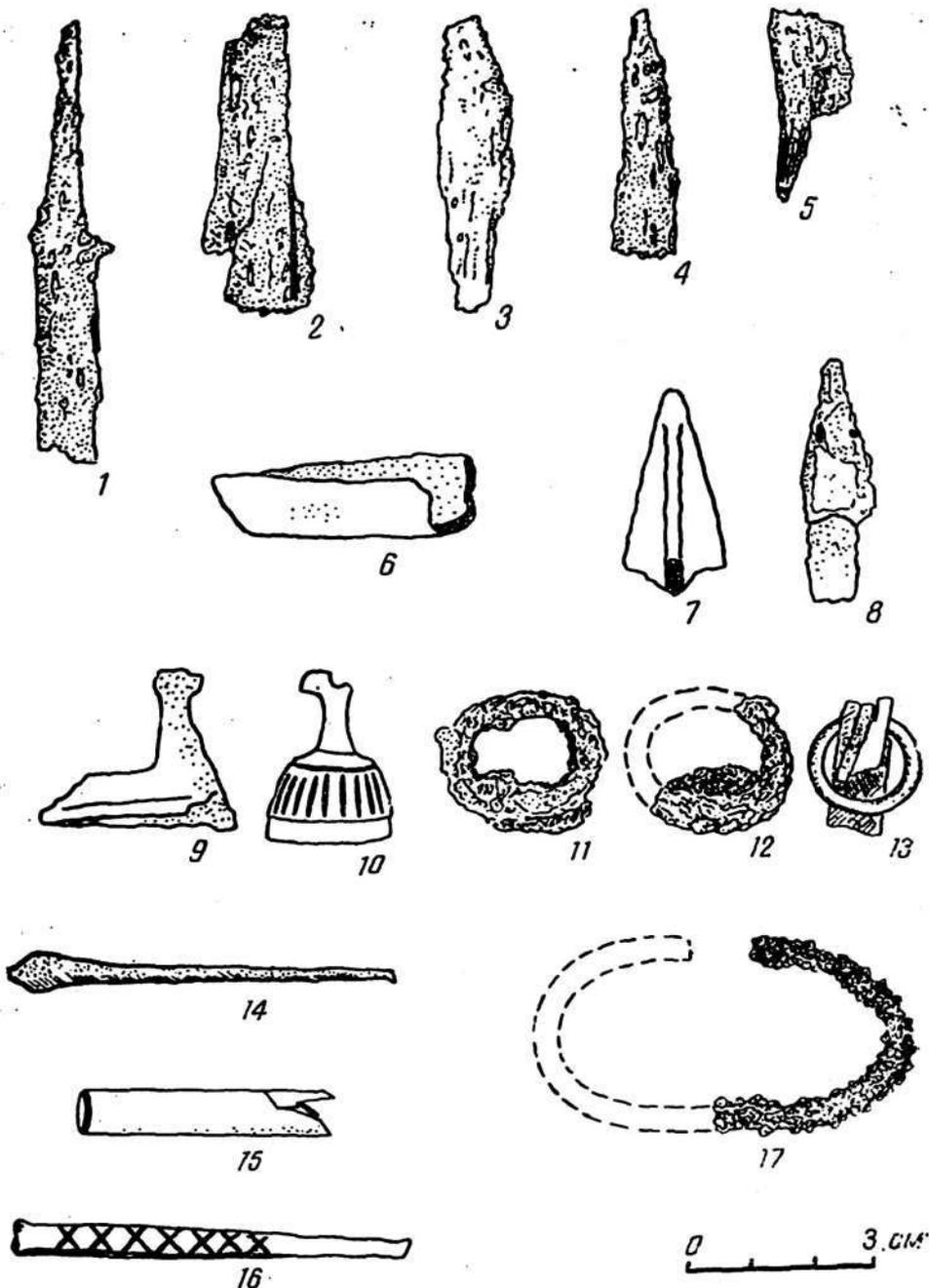

Рис. 12. Кызылқыр-I, Кызылқыр-II, дом-2. Металлические предметы

ряда ожерелий. Руки и ноги отсутствуют. По обеим сторонам головной части статуэтки отверстия для их подвешивания. Эти

Рис. 13. Кызылкыр-11, дом-2. Подвеска из стеклянной пасты

терракоты носили культовый характер — изображали женское божество.

Особого внимания среди археологических находок заслуживала серебряная монета чекана Гиркода (рис. 15) диаметром 13 мм,

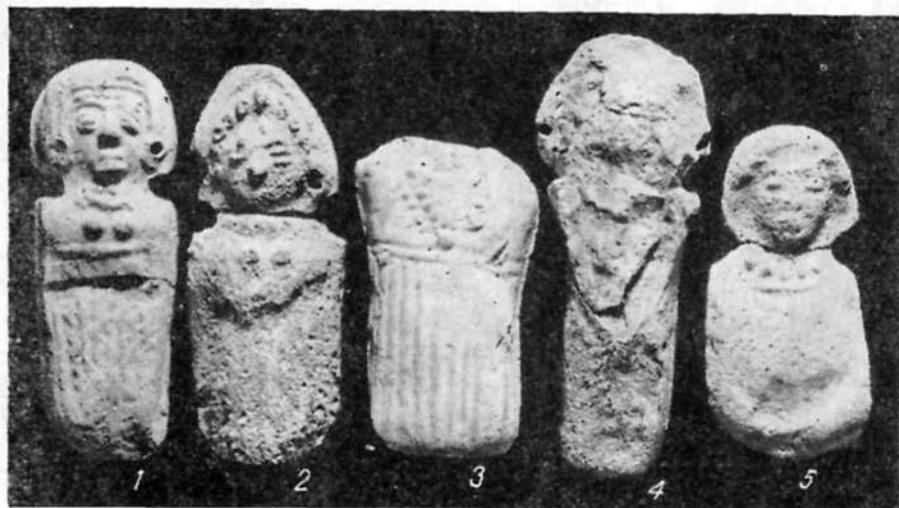

Рис. 14. Кызылкыр-1^а, дом-2. Терракотовые статуэтки:

1, 2, 4—из Кызылкыра-11, дом-2; 3, 5—подземные

весом 1,5 г. На аверсе изображен портрет правителя: голова его обращена вправо, волосы перетянуты диадемой, усы опущены. На реверсе — фигура божества во весь рост с копьем в правой

руке. Аналогичные серебряные монеты Гиркода обнаружены в Сурхандарье на Зартепа, Варахше и ее окрестностях, Сеталаке и Нортела. По Е. Зеймаль, эти монеты датированы I—III вв. н. э. (14, с. 68—73).

Наряду с различными археологическими находками вокруг очагов и в хозяйственных ямах жилищ выявлено большое количество костных отбросов пищи, состоявших из костей домашних и диких животных, а также пернатых. Кости домашних

Рис. 15. Кызылкыр-II, дом-2. Монета Гиркода. Аверс

животных принадлежали, в основном, мелкому и крупному рогатому скоту (козел, баран, корова), а диких—кабану. Реже встречались кости пернатых из семейства плоскоклювых. Наибольший интерес представляли найденные в двух местах жилища головы козла и молодого бычка с двумя трубчатыми костями передних ног с копытами. В первом случае на трубчатых костях животного, положенных крест-накрест, лежал череп козла, а во втором в таком же положении закопан череп бычка с двумя передними ногами животного. Кости козла закопаны в северо-западном углу первого жилища, а кости бычка — прямо у входа. По всей видимости, эти костные остатки животных не были случайными кухонными отбросами, а имели определенный смысл, связанный с культом животноводства: обычаем закапывания под порог или у входа во двор черепа и костей передних ног барана или козла, зарезанных как жертвоприношение. Это в свою очередь являлось

«оберегом», способствовавшим сохранению и увеличению поголовья скота.

Итак, общий облик остатков материальной культуры Кызылкыра-II, дом-2 с своеобразным типом жилища типа полуземляного шалаша показывает, что этот памятник следует отнести к оседло-земледельческой культуре, носители которой сочетали небольшое придомное скотоводческое хозяйство с сезонным земледелием, имеющим передвижной характер и приспособленным к гидрографическим условиям дельтового района древнего Хитфара. Естественно, природные условия района, наличие лиманов, покрытых густыми зарослями кустарников и камышей, окруженного степными просторами Кызылкумов, благоприятствовали комплексному хозяйству. Таким образом, жители поселения, кроме производства и обработки зерновых культур, занимались разведением скота. По общему количеству в слое костных остатков можно полагать, что в стаде преобладал мелкорогатый скот: овцы и козлы.

К востоку и к югу от Кызылкыра-II, дом-2 отмечены следы еще нескольких разветвленных жилищ. Однако на них не сохранилось следов архитектурных остатков, а находки состояли из остатков керамики, зернотерок, пестов и лошил, разбросанных на этой площади. Подобная археологическая картина отмечена и в Хорезме, где по отдельным оросительным системам античного периода расположены остатки нескольких крупных крепостей, а вокруг них — неукрепленные сельские поселения.

Керамический комплекс Кызылкыра-II, дом-2 подразделялся на сосуды станковой и лепной работы. Сосуды лепной работы представлены фрагментами горшков, жаровень, курильниц, кружек, а также пряслиц и очажных подставок.

Более половины сосудов лепной работы составляли котлы, по форме тулова и венчика аналогичные котлам первого варианта из Кызылкыра-I (см. рис. 16, 6). Большинство котлов без ручек. Реже встречались ручки в виде двух фигурных выступов, прикрепленных к средней части тулова (см. рис. 16, 6). Часто котлы снаружи у горловины орнаментированы процарапанной волнистой линией, нанесенной еще по сырой глине (см. рис. 16, 12). Верхний плоско срезанный край также украшался насечками. Сосуды закопчены, покрыты грязно-желтым ангобом. Диаметр верхней части равен или чуть меньше диаметра дна, днища плоские. Высота сосудов около 14,5 см, диаметр устья 18—21 см, толщина стенок 0,5—0,7 см.

Котлы типа широкогорлого кувшина обычно без ручки, но нам встретился фрагмент стенки сосуда этого варианта с округлыми в сечении ручками, прикрепленными к плечикам. На уровне ручек по плечикам горизонтально наложен волнистый налепной валик, украшенный насечками. У верхнего края ручки выступ обломан, возможно, здесь было зооморфное изображение.

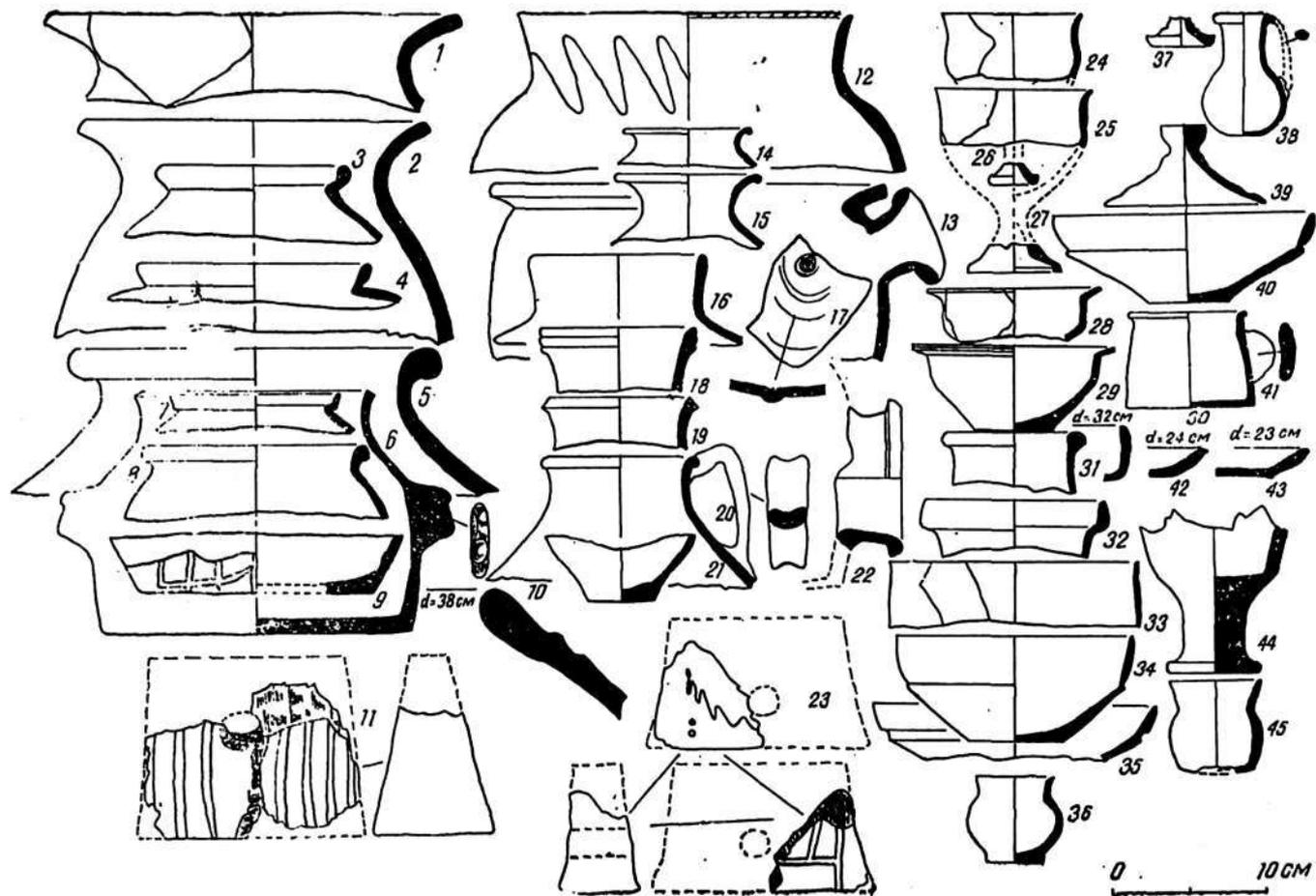

Рис. 16. Кызылкыр-II, дом-2. Керамика

В комплексе имелись миниатюрные горшочки (2 экз.) Один целый, с приземистым туловом, широкогорлым устьем, плоским дном, которое больше диаметра устья. Вертикальная стенка горшочка к устью суживалась и заканчивалась приостренным краем (см. рис. 16, 36, 45). Горшочки без ангоба, черепки в изломе и поверхность серого цвета. Диаметр устья в целом сосуде 3,5 см, диаметр дна 5 см, высота сосуда 2,5 см.

Жаровни представлены в основном фрагментами. По форме их можно подразделить на два варианта. Первый составляли сосуды с низким бортиком, плавно переходящим к плоскому дну и отклоненным наружу (см. рис. 16, 42, 43). Диаметр устья 23—24 см, высота 2 см. Жаровни вылеплены грубо, тесто с примесью дресвы и песка, черепок пористый, обжиг костровой. Поверхность пятнисто-красных и желтых оттенков, видимо, от неравномерного обжига.

Курильница представлена единственным фрагментом нижней части сосуда. Обжиг костровой, неравномерный. Черепок в изломе закопчен, поверхность пятнистая, местами осветленного, светло-желтого оттенков. Тесто грубо помешанное с примесью дресвы. По форме сосуд несколько отличался от курильниц Кызылкыра-I (см. рис. 16, 44). Встречены лепные кружки с ручками, прикрепленными к середине корпуса в вертикальном положении, в форме полукруглого выступа (см. рис. 16, 41). Донце плоское, по диаметру намного больше устья. Диаметр устья 8 см, донца—9 см, высота кружки 6 см, толщина стенок 0,5 см. Поверхность пятнистая, сероватая.

Очажные подставки представлены фрагментами. По форме они аналогичны подставкам второго варианта из Кызылкыра-I. Орнаментация в виде вертикальных гофр и змей (см. рис. 16, 11, 23).

Керамику станковой работы представляли фляги, кувшины, чаши, бокалы, крышки. Глина хорошо помешана, часто без примесей, реже с примесью песка или известковых включений. Встречен лишь один фрагмент, видимо, относившийся к сосуду типа хумчи. Черепок в изломе красный, поверхность пскрита светло-серым ангобом. Сохранилась только горловина сосуда с отогнутым наружу валикообразным венчиком. Диаметр устья 23 см, толщина стенок 1 см.

Горшки представлены фрагментами. По форме их можно разделить на два типа. К первому отнесены горшки типа корчаги со сливом и ручкой без шейки. Эти сосуды аналогичны по форме и технике изготовления горшкам типа корчаги из Кызылкыра-I (см. рис. 16, 13). Сосуды второго варианта по форме аналогичны горшкам типа хумчи Кызылкыра-I. Встречены две формы венчика: одни с желобком для крышки, другие валикообразные — все они отогнуты наружу (см. рис. 16, 7, 8). Горшки снаружи часто черного, реже коричневого цвета, излом черепка красный либо темно-серый и лишь изредка двухцветный: в середине темно-се-

рый, с двух сторон красный или темно-коричневый. Видимо, здесь сказался некачественный обжиг. Диаметр устья 11—15 см, толщина стенок 0,4—0,5 см.

Фляги найдены также в фрагментарном виде (см. рис. 16, 17, 22). Тулово, судя по целому экземпляру, обнаруженному на Кызылкыре, шаровидной формы с одним плоским боком, вылепленным из отдельного куска подобно днищам сосудов. Величина фляг полностью не установлена: высота горла 1—3 см, диаметр 10—20 см, диаметр плоского бока 35 см. Черепок красный, поверхность покрыта темно-коричневым ангобом.

Кувшины представлены фрагментами венчика, донца и стенок; по форме, технике изготовления, орнаментации и ангобу они аналогичны кувшинам Кызылкыра-I (см. рис. 16, 14—16, 18—20). Размеры кувшинов следующие: диаметр венчика 4—14 см (чаще 8—12), дна 4—25 см (чаще 23—24), тулова 6—36 см (чаще 30—36 см), высота 8—33 см и изредка более 40 см.

Донца у всех кувшинов обычно плоские, больших размеров, часто с неровной поверхностью и подсыпкой песком. На одной из стенок сосуда знак в виде четко изображенного лука со стрелой, процарапанный каким-то острым предметом еще до обжига сосуда по сырой глине. На другом сосуде сохранился знак, также нанесенный каким-то острым предметом, в виде трех параллельных, почти вертикальных черточек, снизу соединенных горизонтальной линией (см. рис. 16, 9).

Орнаментация кувшинов не отмечена, но на стенах некоторых из них следы мазков и потеков черного или темно-коричневого оттенков.

Чаши представлены в основном фрагментами. По форме корпуса и венчика их можно подразделить на два варианта: первый аналогичен чашам третьего варианта из Кызылкыра-I (см. рис. 16, 34, 35, 40). Черепок красный, ангоб отсутствовал. На вертикальном бортике снаружи часто следы черных мазков (от края до границы перегиба корпуса). Диаметр верхней части 15—18 см, дна 4,5—5,5 см, высота чаш 5—6,5 см.

Второй вариант чаш представлен фрагментами сосудов с узким плоско срезанным дном и плавно поднимающимися к устью стенками, образующими полусферическое тулово. Характерной особенностью являлся резко или плавно отогнутый наружу венчик (см. рис. 16, 28, 29). Тесто без примесей, обжиг хороший. Одна из чаш покрыта беловатым ангобом, остальные без ангоба. Черепок в изломе красный. Диаметр устья 10—15 см, диаметр дна 3,5 см, высота 5 см.

В коллекции керамики Кызылкыра-II, дом-2 встречено несколько экземпляров ножек кубков и бокалов — неустойчивых, маленьких, а также обломки их краев (см. рис. 16, 24—27, 33, 37).

В комплексе имелись крышки конической или усеченно-конической формы (см. рис. 16, 39). Их отличала дисковидная ручка,

сверху с отверстием для доступа воздуха. Поверхность покрыта беловатым или темно-коричневым ангобом. Кроме того, встречались пряслица, выточенные из черепков гончарной посуды. По форме они плоские, дисковидные, часто не совсем правильной формы, с прямой или слегка округленной боковой стороной. Выточенные из стенок сосудов, они иногда сохраняли некоторую кривизну черепка. Диаметр пряслица 3,5—7,5 см, отверстия 0,7—0,8 см, высота 0,4—0,8 см.

Стратиграфический раскоп на Кызылкыре-III

В 1,3 км к востоку от Кызылкыра-I и в 1 км к северо-западу от Кызылкыра-II расположено еще одно крупное позднеантичное поселение — Кызылкыр-III. По общей конфигурации оно сходно с поселением Кызылкыр-I, представляя собой сильно оплывший холм овальной формы длиной 75 м, высотой около 3 м. В октябре 1957 г. в центральной части холма мы заложили стратиграфический шурф-раскоп размером 4×10 м и глубиной до 3 м. В результате были зафиксированы три стены: одна широтного направления, а две — меридионального. Стены выложены из глинобитной пахсовой кладки высотой до 0,5 м и между пахсовыми кладками крупноформатного сырцового кирпича размером 42×42×10 см. Из стен меридионального направления восточная имела толщину 1,1 м, а западная — 2 м. Вскрыв часть внутренних построек поселений, расположенных в центре холма, мы определили ширину центрального помещения — она составляла 4 м. Общая мощность культурных наслоений достигала 3 м. В комнатах отмечены два уровня полов: один на глубине 80 см, второй — 180 см. Исходя из уровня расположения полов, можно полагать, что поселение имело, по крайней мере, два строительных горизонта. В комнатах сохранились следы сильного пожара. Культурный слой насыщен археологическим материалом, особенно керамическим, аналогичным керамике Кызылкыра-I и представленным большими хумами с выпуклыми днищами и широким горлом, с плоским вылепленным от руки в виде валика или плоского манжета венчиком, а также кувшинами яйцевидной формы с короткой горловиной.

Раскопки на Сеталаке-II

Сеталак-II расположен в 250 м к северо-востоку от Сеталака-I. Это был округлый, невысокий, сильно оплывший холм диаметром в поперечнике около 50 м, по склонам занесенный барханным песком. Несколько заостренная вершина холма высотой около 3 м вытянута в меридиональном направлении, отделяясь от рельефа верхней площадки всего холма. Общая высота памятника около 5 м.

Небольшие раскопочные работы проведены в 1968—1970 гг. Я. А. Амировым. Им были вскрыты остатки сохранившихся ниж-

них частей стен двух помещений и коридора, идущего в широтном направлении через центр холма. Вход в коридор располагался у восточного фаса холма. На западном склоне коридор упирался в поперечную стену (рис. 17). Ширина коридора 3 м. Помещение 2 — небольшое почти квадратное в плане, размером $3,80 \times 4,20$ м. В восточной стене его был проход в помещение 1, также квадратное в плане размером 5×5 м. Стены помещений

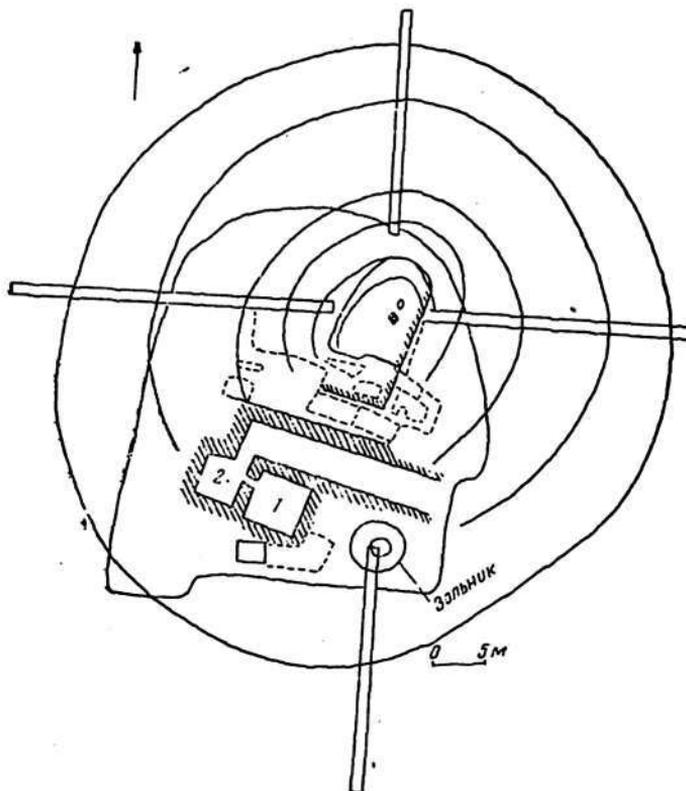

Рис. 17. Сеталак-II. Общий план

и коридора сложены из пахсы. Проход, связывавший между собой помещения 1 и 2, прорезал промежуточную стену несколько наискосок и находился не на уровне пола, а несколько выше. В центре под вершиной холма выявлялось основание большой стены: сначала она шла параллельно коридору в 4 м к северу от него, а затем, повернув к северу, прослеживалась на расстоянии более 10 м. Стена покоилась на плотной глиняной платформе и имела сохранность до 70—80 см в высоту, а выше перекрыта плотной пахсовой кладкой. Остатки стен описанных помещений окружались до сохранившегося уровня расчищенной поверхности

холма остатками платформы в виде плотной глиняной кладки, в отдельных местах пробитой шурфами. К юго-востоку от коридора и помещения 1 обнаружено большое, круглое в плане кострище около 5 м в поперечнике.

Для завершения выяснения характера строительных остатков и стратиграфии проведены дополнительные раскопные работы. Как показали результаты, на северном и западном склонах холма не сохранилось никаких остатков помещений: поверхность холма состояла из сплошной плотной глиняной кладки. Вскрытие на поверхности южной части памятника участков культурных отложений в помещениях 1,2 и коридора показало, что заполнение обоих помещений состояло из песка, местами с тоненькими глинистыми прослойками.

Находки представлены редкими фрагментами керамики, костями домашних животных. Полы помещений вымощены из плотной утрамбованной глины, обмазанной штукатуркой. В северо-восточной части помещения 1 обнаружены следы костра. В помещении 2 при расчистке полов также выявлены остатки костра. У северной стены обнаружен вырытый в стене полукруглый очаг диаметром около 0,5 м. На полу помещения 2 найдена маленькая бусина из стеклянной пасты, небольшое плоское железное изделие в виде шила и отмечены следы темно-красной охры. Коридор имел сильно оплывшие стены, плотно утрамбованный пол его покрывали зольники и песок с комковатой глиной. Южнее стена коридора в западной части была сильно обожжена. В зольниках собрано значительное количество костей животных и черепков битой посуды.

Расчистив большое круглое кострище, расположенное в юго-восточной части площадки, мы вскрыли выемку глубиной около 40 см и в поперечнике достигающую почти 4,5 м. Ее покрывал пласт плотной глины толщиной около 10 см. Выемку заполняли серая зола с примесью глины и красного обожженного песка. В золе найдено небольшое количество керамики и костей.

Стены двух помещений и коридора были ниже вскрытой поверхности на 0,5—0,7 м. А стены сооружения, находящегося под бугром в центре холма, заглублены в теле платформы где-то на 30—40 см. Примечательна техника возведения платформы: сначала возводились параллельные ряды из пахсы толщиной 1—1,5 м с такими же промежутками между ними, затем по мере просыхания длинные узкие секции забивались глиной, возможно, во избежание трещин, неизбежных при одновременном возведении из глины всей платформы целиком. Причем стены отдельных помещений и их полы могли быть несколько заглублены в саму платформу. Иных строительных конструкций на памятнике не вскрыто.

Для выявления общего характера стратиграфии всего памятника по сторонам света были заложены четыре крупные траншеи. Их общее направление перекрещивалось в реперной точке на вершине холма. Восточная траншея начиналась в 3 м к востоку от

репера и продолжалась к востоку на расстоянии до 25 м: Северная траншея прорезала весь северный склон холма: в 8 м от реперной точки она шла к северу. Ее длина составляла 22 м. Западная траншея начиналась в 6 м к западу от репера и далее продолжалась в широтном направлении. Ее длина достигала 30 м. Южная траншея начиналась на расстоянии 22 м от реперной точки. Ее протяженность 24 м. Ширина всех траншей составляла 1 м, глубина же была различной: от 2,5 до 0,5 м в зависимости от характера слоев (см. рис. 17).

Как и на Сеталаке-I в стратиграфии этого памятника отмечены характерные особенности. Прежде всего следует отметить наличие множества золистых прослоек в южной и восточной час-

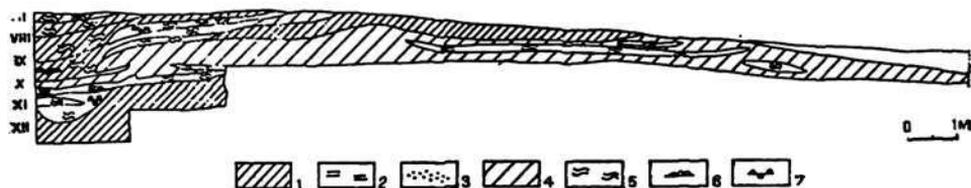

Рис. 18. Сеталак-II. Разрез южной стратиграфической траншеи. Восточная стена:

1—плотная глина; 2—обожженная глина; 3—песок; 4—рыхлая глина; 5—зола; 6—органические остатки; 7—уголь

тях отложений, в то время как они отсутствовали вообще в северной и западной траншеях. Ценным оказался южный, основной разрез, вскрывший круглое кострище Сеталака-II. Его углубление почти на 3 м от дневной поверхности (рис. 18) позволило достичь уровень XII яруса с плотной глиной, местами зеленоватого оттенка с примесью песка. Это был материк. Выше шел плотный в 1 м толщиной пласт утрамбованной глины, по структуре напоминающий пахсу, — это уровень X—XI ярусов. В этой плотной глине обнаружена первоначальная яма глубиной более 0,5 м и диаметром, судя по разрезу, до 3 м, заполненная комьями обожженной глины и золы с угольками. Выше весь утрамбованный пласт глины и очажную яму с заполнением перекрывал серый слой золы и песка. На уровне VIII—IX ярусов опять шел уплотненный слой желтоватой глины, прослеживаемый от северного конца траншеи со слабым уклоном к югу. На конце его верхняя граница этого слоя проходила между уровнями X—XI ярусов. В средней части траншеи и глинистого пласта ближе к очагу прослеживались тоненькие золистые прослойки толщиной 5—10 см. На расстоянии 7 м к югу от центра очага, в верхней границе уплотненного желтого глинистого слоя, в разрезе прослеживалась дугообразная выпуклость высотой более 20 см и шириной около 1,5 м. Видимо, это совершенно оплывшие остатки загородки, окружавшей с юга большое кострище. Это подтверждается тем, что

золистые прослойки с обеих сторон прерывались, а концы их загибались вверх. Однако проследить более точно остатки существовавшей здесь стены мы не смогли из-за ее плохой сохранности.

Дальнейшие работы показали что выше, в центральной части траншеи, до дневной поверхности этот слой перекрывал плотные сероватые глинистые отложения над первоначальной ямой, в слоях которых была обнаружена вторая крупная яма радиусом не менее 5 м. Она представляла собой вогнутое углубление с пологими краями глубиной около 70 см, причем в центре она была углублена еще на 70 см до конца IX яруса. Чашеобразное углубление до дневной поверхности заполняли, чередуясь, два золистых и два глинистых горизонта с третьим углублением диаметром около 4,5 м. Все три очажные ямы находились одна над другой. Овальное дно третьего углубления достигало дна второго на уровне конца IX яруса. На дне его залегал почти 0,5-метровый слой желтоватой супеси с отдельными угольками, перекрываемый слоистой песчаной линзой с белыми крупинками в нижней части и затем 30-сантиметровый уплотненный суглинок с отдельными пятнами золы и обожженными кусками глины. Над этими слоями залежала выступающая на поверхность серая золистая глина с фрагментами керамики и костей, образовавшая круг диаметром 4,5 м, толщиной в центре около 30 см.

На данном объекте в центре описываемого кострища почти на уровне современной поверхности в слое рыхлого песка и золы в свое время Я. А. Амировым был найден крупный, почти целый кувшин, заполненный песком, а вокруг него — остатки битой посуды и некоторое количество костей.

Восточная траншея отличалась более простой стратиграфией. В западной части под стеной близ вершины холма траншея углублялась от VI до начала XI яруса. IX—X ярусы состояли здесь из плотных глинистых горизонтов серовато-желтых оттенков. В них на уровне конца IX яруса прослежена песчанистая прослойка. Над плотной глиной IX яруса нижнюю половину VIII яруса занимал золистый суглинок с песком. Выше, до конца VII—начала VIII ярусов, шел плотный сероватый суглинок, перекрытый 50-сантиметровой толщиной уплотненного оплыва с песком. В результате расчистки траншеи вдоль границы серого суглинка до конца на расстоянии 15 м к востоку от репера был выявлен гребень оплывшей стены шириной около 1 м. Она очень плохой сохранности. Возможно, эта стена окружала весь комплекс Сеталака-II с востока. Уровень поверхности серого суглинка с золой у стены на 0,5 м ниже, чем в центре холма. В траншее на поверхности золистого слоя в 5 м к востоку от реперной точки (глубина от репера 3,25 м) была найдена терракотовая статуэтка женского божества с пучком колосьев в одной руке и с кувшином в другой. Голова у нее отбита. К востоку до конца траншеи наслоения на глубину до 1 м состояли из глинистых горизонтов, кое-где разделенных песчанистыми прослойками. В верхней части этого

разреза на глубине до 30 см прослежены тоненькие золисто-песчаные прослойки с отдельными находками.

В северной траншее, углубленной до 1,5 м, выявлены плотные глинистые слои, кое-где с песчанистыми прослойками. Вся северная ее половина была перекрыта 20—30-сантиметровым пластом серого песка. Золистых прослоек нет, находок почти нет.

В западной траншее выявлены чередующиеся слои чистого серого песка и плотные глинистые слои такыровидного характера, в которых ближе к вершине холма изредка встречались фрагменты керамики. Здесь, близ вершины холма, выделялся мощный слой комковатого завала. Западная траншея в восточной и центральной частях была углублена до 2 м, а в западной — до 20 см.

Археологический материал Сеталака-II получен в основном из культурных слоев двух помещений и коридора. Незначительное количество находок дали стратиграфические траншеи широтного и меридионального направлений. Учитывая однообразие всего керамического материала и сравнительную кратковременность обживания памятника, дадим обобщенную характеристику полученного материала. Среди находок, встреченных в комплексе, прежде всего следует отметить хумы, которые по форме аналогичны хумам Сеталака-I (рис. 19, 14). Большинство из этих сосудов имели довольно резко отогнутый наружу венчик, а также венчик со слабо выраженной ложбинкой под несколько укороченным валиком. Фрагментов венчиков хумов получено 30 экземпляров. Они все лепные. Покрываются красным ангобом и сверху окрашены в черный либо темно-коричневый цвет.

Фляги представлены 10 экземплярами обломков венчиков и донец (см. рис. 19, 10, 15, 16). Их можно подразделить на две разновидности: крупные и мелкие. Для первых характерен диаметр венчика более 25 см, очень короткая горловина, оформленная круглым в сечении отогнутым наружу валикообразным венчиком с оттянутой иногда книзу закраиной. Мелкие фляги имели аналогичные венчики, на одном экземпляре тонкий, плавно отогнутый край горловины был без специально выделенного венчика.

Корчаги несколько отличаются от описанных в комплексе Сеталака-I. Наряду с корчагами с плоским, резко отогнутым наружу и приплюснутым к плечикам венчиком появились крупные корчаги с квадратным и прямоугольным в сечении венчиком, а также корчаги с плавно отогнутым наружу краем, с внешней стороны оформленным тоненьким двойным валиком (см. рис. 19, 3), что указывало на синхронность этого комплекса верхним слоям Рамиштепа.

Одним экземпляром представлен обломок валикообразного венчика небольшой светло-ангобированной корчаги с короткой шейкой. По верхнему внутреннему краю венчика шел уступ для крышки (см. рис. 19, 6). Как правило, крупные корчаги с одной стороны имели прикрепленную к краю маленькую дуговидную ручку (см. рис. 19, 7), а с другой — помещенный почти под вен-

чиком короткий широкий цилиндрический или воронкообразный слив с валикообразным либо треугольным в разрезе венчиком (см. рис. 19, 5). На Сеталаке-II получено около 15 экземпляров сливов подобных корчаг.

Кувшины комплекса Сеталака-II, судя по сохранившимся фрагментам, имели широкие крутые плечики, короткую горлови-

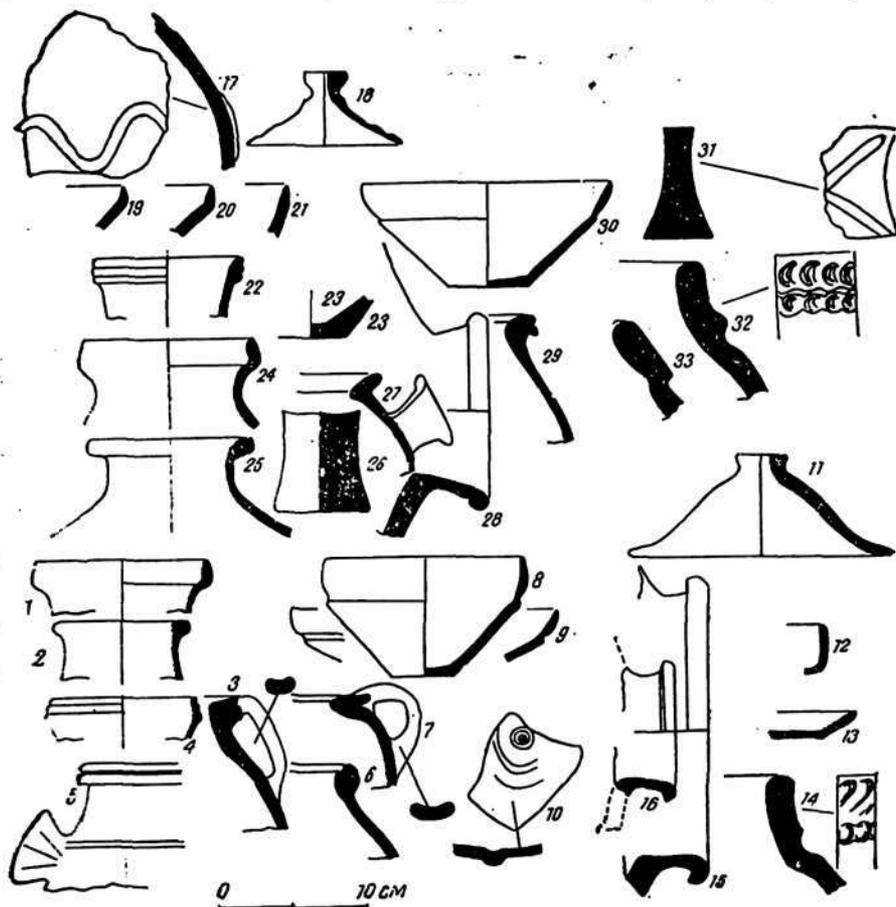

Рис. 19. Сеталак-II, Нортепа. Керамика

ну высотой 2—3 см. В основном преобладали венчики двух типов. К первому относились венчики с округлым валиком (11 экз.). Венчики второго типа отличались подтреугольным валиком с округлыми краями. В комплексе отмечено четыре кувшина с крупными сферическими туловами и s-образным в профиле венчиком (см. рис. 19, 1). В отличие от других эти кувшины покрыты светлым ангобом. Кроме того, встречено два кувшина с валикообразными венчиками, не имевшими характерной складки или шва с шейкой (см. рис. 19, 2). Единичные экземпляры подобных венчи-

ков отмечены и в керамике Сеталака-I. Двумя экземплярами представлены светлоангобирванные кувшины с тонкими подпрямоугольными или треугольными в разрезе оттянутыми наружу венчиками. Одним экземпляром представлен венчик светлоангобирванного кувшина с едва расширявшейся в верхней части горловиной, украшенной тремя тоненькими параллельными валиками (см. рис. 19, 4).

Чаши Сеталака-II идентичны типу сосудов на Сеталаке-I. У них небольшое плоское донце, широкое коническое тулово, переходящее с небольшим изломом к крутому, слегка вытянутому краю (см. рис. 19, 8). Сосуды с внешней стороны окрашены темно-серой либо темно-коричневой краской. Окраска чаще всего покрывала внешний край сосуда по верху до излома его профиля и лишь в отдельных случаях всю поверхность, в том числе и донце. Некоторые чаши довольно объемистые диаметром более 25 см и высотой не менее 12—13 см. В основном же преобладали чаши диаметром 17—18 см, высотой около 7 см.

В комплексе, кроме того, обнаружены два обломка широких конических крышек от сосудов с круглой ручкой сверху (см. рис. 19, 11), а также фрагменты плоских тонкостенных жаровен (см. рис. 19, 12, 13) и миниатюрного кувшинчика грушевидной формы с плоской дуговидной ручкой по краю. Сосуд окрашен в темно-коричневый цвет. Нижняя часть его подрезана ножом. Плоская дуговидная ручка имела широкую продольную вогнутую ложбинку. Подобная вогнутость в поперечном сечении характерна для всех плоских ручек кувшинов и корчаг Сеталак-Кызылкыра.

Как отмечалось, Сеталак-II представлял собой плохо сохранившиеся остатки крупного жилого дома, возведенного на пахсовой платформе. Южная половина помещений была заглублена в тело платформы. Здесь прослеживается один-единственный строительный период. Плотная монолитная пахсовая кладка в центре тела, от которой остался лишь оплывший бугор высотой около 3 м, видимо, представлял собой остатки башнеобразного укрепления — донжона. В таком случае перед нами не что иное, как первоначальные истоки и появление характерного элемента ранне-средневековой замковой архитектуры Средней Азии — возведение укреплений на высоких неприступных платформах. По времени —IV—V вв. — это вполне допустимо. Что же касается основного крупного кострища, постоянно функционировавшего в юго-восточной части комплекса Сеталака-II, то в нем следует видеть святилище огня семьи, которая владела этим укрепленным домом.

Раскопки Нуртепа

В 2 км от Сеталака-I располагался еще один крупный памятник группы Сеталак-Кызылкыр, известный под названием Нуртепа. Он представлял собой большой, сильно оплывший холм

подпрямоугольной формы с плоской площадкой, вытянутый в широтном направлении. Размеры холма у подошвы 85×65 м, высота около 3 м. В юго-восточном углу возвышался сложенный из плотной глины бугор размером 6×4 м, высотой более 1,2 м, по характеру аналогичный обособленной вершине Сеталак-II, но гораздо меньше его по размеру.

В южном фасе близ восточного угла на склоне холма пролегла довольно глубокая ложбина, ведущая к верхней площадке.

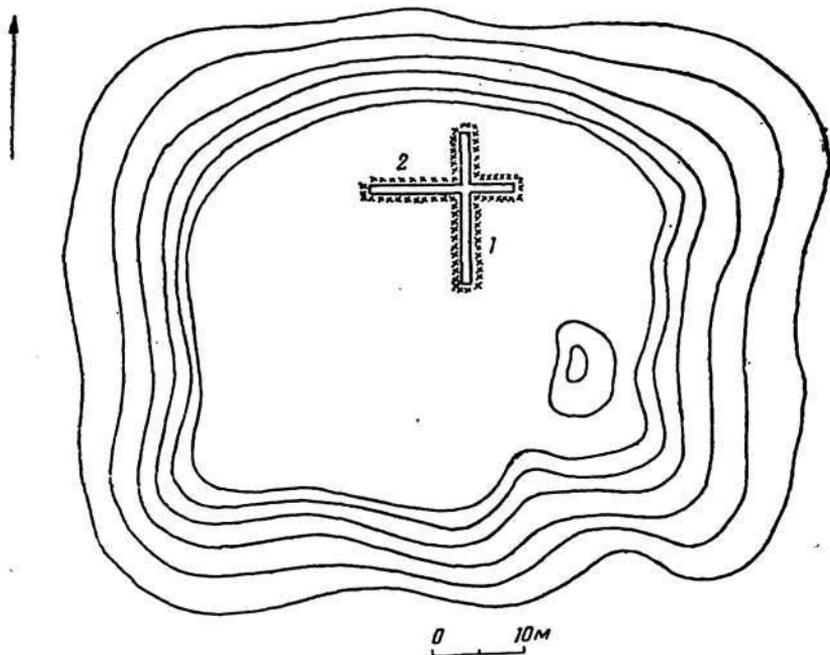

Рис. 20. Нортэпа. Общий план:

1, 2—траншеи 1 и 2

Возможно, здесь был вход на территорию этого крупного укрепленного холма-усады. Исходя из этого, можно полагать, что упомянутый бугор представлял собой остатки оборонительной башни.

Поверхность площадки холма была покрыта россыпью битой керамики. Для получения предварительных данных о характере стратиграфии памятника в северной части его площадки, в месте наибольшего скопления подъемного материала были заложены две разведочные пересекающиеся траншеи в широтном и меридиональном направлениях шириной 1 м и протяженностью соответственно 16 и 17 м (рис. 20). Их углубили на 1,5 м от дневной поверхности, до уровня VII—VIII ярусов, от наивысшей точки холма, где обнаружены плотно утрамбованные глиняные полы

вскрытых помещений. Иначе говоря, это где-то на 1 м выше подошвы холма. Ниже, видимо, шла плотная глиняная платформа, на которой покоился весь комплекс сооружения Нортепа, аналогично вскрытым нами платформам Сеталака-I и Сеталака-II. При этом, если учесть, что толщина платформы и здесь, как на указанных памятниках, где-то около 1 м или чуть меньше, то основание платформы как раз и будет соответствовать уровню современной дневной поверхности вокруг холма Нортепа.

Поперечная траншея I выявила мощные пахсовые стены, идущие с востока на запад. Пространство между ними и за ними где-то от грани IV—V ярусов заполнено рыхлыми отложениями до уровня начала VIII яруса, где проходил плотно утрамбованный глиняный псл. Самая мощная из стен — северная: ее толщина не менее 3 м. Она сохранилась на высоту около 1,5 м. Возможно, это была внешняя стена северного фасада укрепления.

Отложения в траншее к северу от этой стены в нижней части состояли из песка с кусками глины, а выше до дневной поверхности залегал плотный супесчаный суглинок с золистой линзой 20-сантиметровой толщины в середине. Верхняя часть пахсовой стены близ дневной поверхности на глубине 20 см совершенно разложилась. Нижняя — очень прочная, хорошей сохранности. К югу между центральной и северной стенами находилось помещение шириной 3 м, видимо, вытянутый с запада на восток коридор. На уровне конца VI—начала VII ярусов он заполнен плотной комковатой землей. Над ней — тонкий золистый слсй толщиной 5 см. Выше шла метровая толща завалов и оплывов. Толщина средней пахсовой стены достигала около 2,5 м. Верхняя часть пахсовой стены также была плохой сохранности. Далее к югу вскрыта третья стена шириной 1,5 м, расположенная в центре площадки холма.

Узкое коридорообразное помещение между последними стенами заполнено чередующимися глинистыми и золистыми слоями. Здесь вскрыто четыре золистых и пять суглинистых прослоек. Нижние слси залежали более или менее горизонтально, верхние имели сильный прогиб в середине. Края их загибались вверх благодаря оплывам стен. Следовательно, в период отложения верхних золистых прослоек помещения были без перекрытий, и весь комплекс, видимо, был заброшен. К югу от третьей стены в центре холма стратиграфия состояла из толстых глинистых горизонтов с песком и кое-где с тонкими золистыми прослойками. Вероятно, это была поверхность двора, расположенного внутри всего комплекса.

Продольная траншея широтного направления пересекала две пахсовые стены шириной 1,5 м (рис. 21). К востоку ст восточной стены последовательность культурных отложений до уровня плотно утрамбованного глиняного пола в начале VII яруса состояла в нижней части из 0,5-метровой толщи мелкого гравия с песком и кое-где кусочками глины. Гравий был перекрыт 30-сантиметро-

вым плотно утрамбованным глиняным пластом с песком. Выше шла прослойка гравия толщиной 5 см, а у восточной стены такой же толщины серая песчанистая супесь. Поверх всего этого в верхней половине V яруса залегал горизонт культурных отложений, состоявших из серой супеси с костями и керамикой. Все это перекрывала 40-сантиметровая толща серого песка. Далее, к западу, траншея прорезала на протяжении 7 м заполнение между стенами. Видимо, это было пространство крупного помещения. На плотном пахсовом полу, проходящем на уровне границы VI—VII ярусов, равномерно залегал 10-сантиметровый золистый горизонт с углями и кусками красной обожженной глины. Выше золище перекрывал мощный горизонт земли с песком.

Над ним залегал горизонт мелкого гравия с песком толщиной 20—40 см, выше на всей половине V яруса — горизонт серой песчанистой супеси. В центре, в пространстве между стенами, в данный супесчаный горизонт врезалась большая вогнутая яма диаметром (по стенке разреза) около 3 м, глубиной 45 см, заполненная ярко-красным прокаленным песком и золой. Это было, видимо, большое кострище в специально вырытом углублении. Из заполнения получено много костей, битой посуды, в том числе один целый миниатюрный кувшинчик. Все слою перекрыты 20-сантиметровой толщей надвунного песка. Наслоения к западу от западной стены, как и в южном конце поперечной траншеи, состояли из мощных серых зольников, между которыми вклинивались тоненькие супесчано-суглинистые прослойки. Общая толща зольных горизонтов с глинистыми и песчанистыми прослойками между ними в западной оконечности траншеи достигала 70 см.

На Нортпепа собрано значительное количество подъемного материала, который относится, за исключением единичных экземпляров фрагментов керамики X—XI вв., к типу керамической продукции

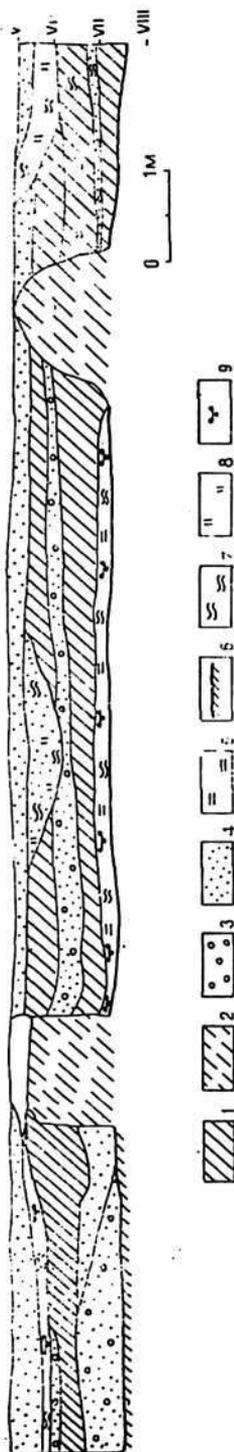

Рис. 21. Нортпепа. Разрез стратиграфической траншеи 2 широтного направления. Южная стенка:

1—плотная глина; 2—пахсовая кладка; 3—гравий; 4—песок; 5—обожженная глина; 6—плотный глиняный пол; 7—зола; 8—прокаленный песок; 9—уголь.

Сеталака-Кызылкыра. Однако хронологически этот комплекс синхронен Сеталаку-II, т. е. либо относится к последующему за Сеталаком-I времени, либо соответствует самому последнему его периоду. Хумы имели невысокие утолщенные венчики. Ребристые оттиски пальцев с внешней стороны сильно сглажены. Среди корчаг преобладала форма с резко отогнутым наружу плоским венчиком. Однако ширина венчиков здесь меньше, чем у сосудов на Сеталаке-I.

Несколько фрагментов корчаг имели венчик в виде отогнутого наружу двойного профилированного валика (см. рис. 19, 29). Кувшины имели характерные для этой группы профили в виде округлого валика, более или менее выступающего. Встречено несколько экземпляров сосудов с s-образным профилем горловины (см. рис. 19, 24). Чаши идентичны чашам комплекса Сеталак-I и II (см. рис. 19, 30).

Из двух разведочных борозд, заложенных в верхней площадке Нортета, получен тот же самый набор керамики, что и на поверхности. Подавляющее количество находок здесь также связано с золистыми слоями. Встречено два фрагмента венчиков хумов. Один сильно загнут вверх, с резко выделенными вмятинами пальцев гребня нижнего края валикообразного венчика (см. рис. 19, 32), второй венчик несколько укорочен (см. рис. 19, 33).

Одним экземпляром представлена обломанная горловина крупной фляги (см. рис. 19, 28), 13 — фрагменты венчиков корчаг. В основном преобладал широкий, пластинчатый, резко отогнутый наружу венчик. Некоторые венчики не просто отогнуты, а частично прижаты к верхней части плечика сосуда. Корчаги этого типа, как правило, имели по краю плоскую дуговидную ручку и слив (см. рис. 19, 27). Одним экземпляром представлена корчага, отличающаяся от ведущего типа: это крупный светлоангобирванный сосуд с довольно покатыми плечиками, слабо выраженной шейкой и прямоугольным в сечении, оттянутым наружу венчиком диаметром 22 см.

Фрагменты кувшинов немногочисленны — около 10 экземпляров. Тулово приземистое, широкое, с покатыми плечиками. Почти у всех небольшой, округлый в сечении валикообразный отогнутый наружу венчик диаметром 7—9 см (см. рис. 19, 25). Один из них имел небольшую плоскую горизонтально расположенную петлевидную ручку на покатых плечиках, отделенных от горловины тонким рельефным желобком. Она была удобной для подвешивания сосуда на бечевке. Одним экземпляром представлен также описанный ранее характерный для памятников группы Сеталак-Кызылкыр кувшин с s-образным профилем горловины (см. рис. 19, 24).

Аналогичный вариант кувшина отмечен в комплексе Рамиш-V (49). В нижележащих же слоях Рамиштепа кувшины с венчиками в виде тройного валика не имели характерного s-образного профиля. Этот тип складывается в самом позднем ком-

плексе Рамиша, где, видимо, происходит слияние двух традиций гончарного производства: исконно земледельческого — древнесогдийского населения, культура которого представлена нижними слоями Рамиша, с новой, пришлой культурой, которая представлена собственным типологическим набором керамики памятников группы Сеталак-Кызылкыр.

Для них характерен свой, очень устойчивый и неизменный типологический ряд, который повторяется на всех памятниках данной группы: лепные хумы яйцевидной формы с плоским венчиком, крупные фляги полусферической формы, широкие корчаги с дуговидной ручкой и сливом и плоским, отогнутым наружу венчиком, приземистые кувшины с валикообразным или подтреугольным венчиком, и, наконец, тонкостенные конические чаши.

Вся посуда, кроме хумов, изготовлена на гончарном круге, имела светло-красный ангоб и в большинстве случаев покрыта темно-коричневой краской. В виде небольшой постоянной примеси данному типологическому ряду сопутствовали редкие лепные горшки и жаровни с очажными подставками, изготовленными из того же самого теста. Этим исчерпывается основной типологический набор керамического комплекса группы Сеталак-Кызылкыр. Для всех форм его характерна исключительная устойчивость типологии. Основной набор типов посуды дополнялся небольшой примесью в виде единичных экземпляров типов сосудов, происшедших из синхронных поселений и городищ центра Бухарского оазиса.

В верхних комплексах Рамиша происходит смешение двух традиций. Данный экскурс мы привели здесь для указания даты комплекса Нортепа, который, видимо, синхронен Рамиш-V и относится к IV—V вв. н. э.

Встречены кувшины с довольно стройной вытянутой горловиной и несколько отогнутым наружу, чуть утолщенным краем без специального венчика. В квадрате Ф-II в описанной выше крупной красной обожженной глиняной линзе был найден миниатюрный кувшинчик со сферическим туловом и сравнительно высокой узкой шейкой.

Фрагментов венчиков чаш — 25 экземпляров. Все они имели характерный облик — широкое коническое тулово со слегка загнутым вверх краем и были покрыты осыпающейся черной краской. На одном фрагменте у излома просверлено отверстие. Видимо, чаша в древности была разбита и затем реставрирована (связана жилами или бечевой).

В комплексе обнаружено также некоторое количество лепной керамики: это фрагменты плоских жаровень и сферических круглодонных небольших горшков, украшенных волнистым наlepным валиком с насечками (см. рис. 19, 17). Одним экземпляром представлена глубокая толстостенная чаша с прочерченными зигзагообразными линиями на тулове. Небольшая прямоугольная

очажная подставка с двух сторон украшена рельефными вдавлениями круглой палочкой. В середине — отверстие.

Керамические находки, полученные при вскрытии слоев в разведочных траншеях, дополняли керамические пряслица из стенок сосудов, а также обломок конической крышки с круглой ручкой и отверстием сверху.

В раскопках Нортета найдены небольшие песчаниковые зернотерки, а также небольшой камень кремнистой породы из тех, что часто встречались в нижних слоях аллювиальных наносов низовьев Зарафшана. Камень имел сквозное отверстие посередине и на одном конце был сточен и зашлифован. Данный камень видимо, подвешивался на одном конце на веревочке и употреблялся для растирания каких-либо красок или для шлифовки.

Судя по предварительным данным, перед нами руины большого укрепленного дома многочисленной патриархальной семьи. Дом этот возведен на обширной глиняной платформе из пахсы, как и Сеталак-II, и состоял, видимо, из множества жилых и хозяйственных помещений и двора, находившегося ближе к южной части. Нортета, как и Сеталак-II, представлял собой сооружение, возведенное в один прием, которое постепенно забрасывалось, хирело и быстро заполнилось доверху культурными отложениями и продуктами разрушения стен. Хронологически, судя по некоторым отмеченным различиям керамики, следует полагать, что как Сеталак-II, так и Нортета, были возведены несколько позже Сеталака-I, видимо, в периоды II и III его функционирования. По всей вероятности, это следующий за Кызылкыром этап освоения данного района, т. е. впервые поселения возникли на южной периферии района орошения, а последующие передвинулись к головным частям ирригационных сооружений.

Раскопки Сеталака-I

Изучение холма Сеталак-I проводилось в течение полевых сезонов 1972—1975 гг. Он представлял собой остатки сложного многослойного общественно-культурного сооружения, которое на протяжении длительного функционирования неоднократно коренным образом перестраивалось, при этом более ранние строительные конструкции и культурные отложения не сносились, а замуровывались под последующими.

Бугор был размером 80×60 м, высотой 7 м, и в отличие от других окружающих тепа имел форму, близкую к конической. Перед началом раскопок произвели глазомерную съемку, и всю площадь тепа разбили на квадраты размером 2×2 м (рис. 22). Вершину бетонного столбика геодезической точки, установленной на вершине холма, приняли за нулевую реперную точку для отсчета высотных отметок. В дальнейшем из-за многослойности памятника и большой общей мощности культурных отложений при

вертикальном маркировании вскрываемых слоев и находок приняты горизонтальные условные ярусы по 0,5 м высотой.

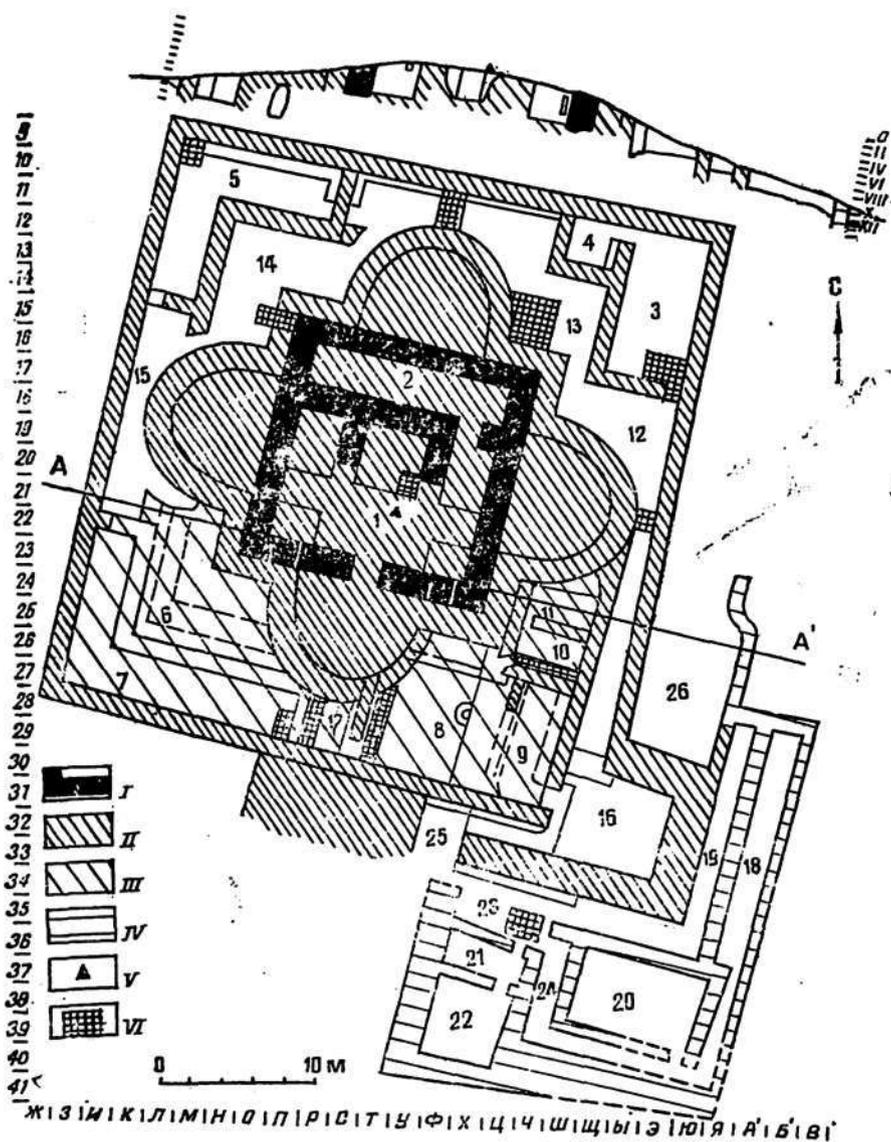

Рис. 22. Сеталак-II. Общий план и поперечный профиль по линии А—А':

1—26—помещения; I, II, IV—соответственно I, II, III строительные периоды; III—возвышенная часть II строительного периода; V—реперная точка; VI—шурфы и траншеи

В результате раскопок выявлено три основных строительных периода, когда это сооружение расширялось, в корне меняя свою

планировку, причем во втором строительном периоде оно ремонтировалось в пределах существующего комплекса.

Для выявления общей периодизации и развития планировки во всех без исключения помещениях этого памятника были произведены вскрытия разной глубины. На узловых участках заложили серию стратиграфических разрезов и шурфов, в большинстве доведенных до материка. Но при этом во всех помещениях в большей или меньшей степени оставлялось заполнение их с целью возможности дальнейшего изучения и контроля, особенно это касалось слоев, перекрытых более поздними кладками.

В силу этого, а также по причине того, что наиболее возвышенные участки памятника оплыли и не сохранились, отдельные архитектурные детали памятника на разных периодах его развития не уточнены окончательно. При сплошном вскрытии помещений и культурных отложений всех строительных периодов этого уникального памятника строения и слои второго и третьего периодов комплекса были бы уничтожены, так как кладки каждого следующего периода окружали и перекрывали более ранние. Таким образом, завершен первый этап изучения Сеталак-I и предстоит уточнить целый ряд деталей.

Сооружение I строительного периода. Оно выявлено в центре холма под более поздними строительными конструкциями, вскрыто не полностью, планировка его определена по верхней части, обнаженной на вершине холма, основание зондировано отдельными шурфами. Здание возведено на небольшом естественном всхолмлении диаметром около 50 м, состоявшем из песчано-гравийных аллювиальных наносов Зарафшана. Это было квадратное в плане здание размером 17×17 м, ориентированное главным фасадом на юг с небольшим отклонением к юго-западу. Оно отличалось простотой внешнего облика (рис. 23, 24). Южный фасад имел в центре узкий вытянутый вверх, видимо, до перекрытия вход шириной 1,5 м. Его проем в свое время, возможно, был завешен тканью или открыт. По обе стороны от прохода плоскость фасада прорезали узкие световые проемы по два с каждой стороны, причем левые прорезы каждой стороны были ложными. Композиция членения интерьера в плане тоже простая, внутренний объем разделен на большой входной зал — пом. 1 и узкое помещение за ним, сообщавшееся проходом — пом. 2. Центральная стена зала напротив входа разделена вертикальными выступами — контрфорсами на три отдельные секции или ниши. Центральная ниша, вероятно, носила алтарный характер. В то же время выступающие стены ниш служили, видимо, для поддержания балочного перекрытия (см. рис. 23).

Здание, как показал шурф, заложенный в полу помещения I, было возведено на глиняной платформе толщиной более 1 м. Пол выстлан сырцовым кирпичом размером 40—41×40—41×9—11 см в один-два ряда и обмазан глиняной штукатуркой с мелким саманом. Стены толщиной 1,6 м в верхней части, слегка расширяю-

щиеся книзу, сложены из рядов плотной желтоватой пахсы, прослоенной рядами сырцового кирпича размером $39-41 \times 39-41 \times 9-11$ см, сверху покрыты тонкой глиняной штукатуркой с саманом. Они сохранились на высоту более 5 м ст уровня пола.

Как показало частичное вскрытие помещения 1, в центральной и западной частях его никаких находок, указывающих на характер назначения сооружения на уровне пола, не обнаружено, если не считать пятен золы и угольков местами и редкие черепки,

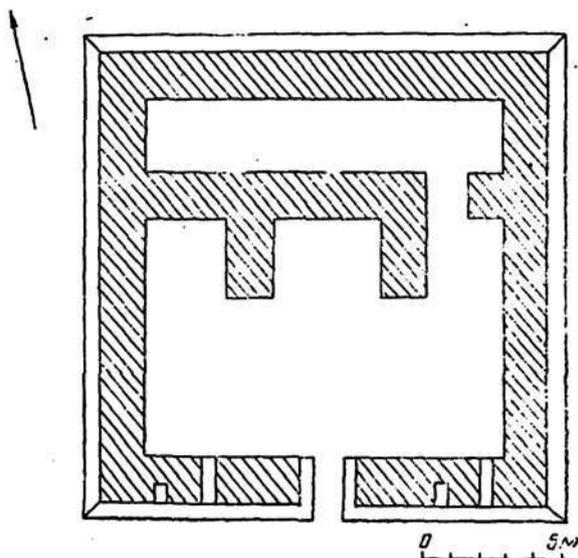

Рис. 23. План Сеталака-I первого строительного периода

вотпанные в пол. Помещение, видимо, перед забутовкой было вычищено. Однако стратиграфические шурфы вокруг здания первого строительного периода показали, что на юго-восточном, восточном и частично северном и западном фасадах его окружала ровная глиняная площадка, поверх которой залежали горизонты золы в виде отдельных прослоек и линз общей толщиной до 20 см с некоторым количеством фрагментов керамики и костей животных. Эти прослойки перекрывались кладками более обширного сооружения второго строительного периода. Следовательно, уже при функционировании первоначального здания вокруг стен его разжигались большие кострища, остатки которых в большом количестве имелись в строениях последующих периодов. Такие существенные особенности этого комплекса, как разделение помещений на две функционально разные части — парадную и замкнутую, а также наличие в культурных отложениях больших зольников сохраняются и в дальнейшем на всем протяжении его функционирования.

Сооружение II строительного периода. Во второй строительный период сооружение не только в корне перестраивалось, оно вообще исчезло под кладками нового здания. Квадрат первоначального здания стал центральным ядром нового сооружения, по четырем фасадам его к нему пристроили монолитные полукруглые башни. Все это окружала квадратная в плане стена с особо выделенным в юго-восточном углу помещением 16 (рис. 22, 25). Внешняя стена явно имела в плане спиралеобразность. Начинаясь от небольшого входного коридора в юго-восточном углу,

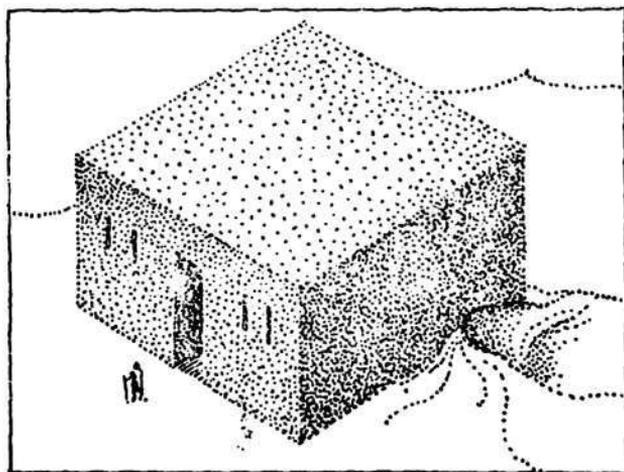

Рис. 24. Реконструкция архитектуры Сетаака-1 первого строительного периода

она образует предвратное помещение, охватывая квадратом центральное сооружение. Комплекс по вертикали делился на три уровня: парадный южный фасад имел полы, поднятые до уровня VII яруса от репера, северная задняя половина, функционально не связанная с южной, более низкая, полы здесь на уровне XII яруса. В центре находилось высокое монолитное сооружение в виде четырехлепестковой розетки в плане, оно по периметру было обложено еще одним рядом стен высотой около 2,5 м. Центральное сооружение возвышалось над всем комплексом.

В этот второй строительный период уже не было помещений 1 и 2, их забутовали. Но возникает целый ряд помещений второго периода: 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 16 и проходы вокруг центрального сооружения, условно названные помещениями 12, 13, 14, 15.

Характеристику строительных конструкций и культурных отложений II строительного периода следует начать с забутовки здания I строительного периода. При забутовке его особое значение придавалось устойчивости всего массива. Помещение I от уровня I—II ярусов от репера до VIII—IX ярусов перегораживалось

посередине поперечной стеной толщиной 2 м, от нее к северу отводились два пристенка, смыкавшиеся с контрфорсами. К югу от поперечной стены центр зала у входа и сам вход закладывались прочной кирпичной забутовкой (см. рис. 22). По сторонам ее оставались свободными две квадратные секции. Таким образом, пространство главного зала первоначального здания делилось на пять небольших секций, а вход плотно закладывался (см. рис. 25).

Рис. 25. Сеталак-1 в первый год раскопочных работ

После этого секции заполнили глиной, кирпичом или землей с песком. Северное же, узкое помещение целиком забили плотной однородной пахсой.

Кладка забутовки у входа в первоначальное сооружение была регулярной преимущественно по краям, а в центре заполнение представляло собой уплотненную глину с беспорядочно набросанными обломками кирпича. Изредка в кладке обнаруживались фрагменты керамики, костей, было найдено небольшое железное кольцо.

Заполнение центральной секции до уровня конца XI яруса от реперной точки состояло из кусков глины, кирпича и рыхлого насыпного грунта с песком, содержавшего множество керамики, костей, золы, угольков. Ниже до уровня середины XIII яруса шла плотно утрамбованная глина, уложенная неравномерно, толщиной более 0,5 м, местами тоньше. Под этим пластом глины — рыхлый неравномерный горизонт мелкой земли с песком толщиной около 20 см, в котором прослеживалась тонкая прослойка остатков мелкого органического вещества толщиной 0,3—0,5 см в виде розовой трухи. В центре органических остатков больше, а ближе к

стенам они исчезали. Под этим горизонтом прослежена тоненькая прослойка серого песка (2—3 см), под ним на уровне 35—40 см от начала XIII яруса вскрыт пол основного зала первого строительного периода.

Западная секция, находившаяся между западным контрфорсом и внешней стеной зала и замкнутая с юга стеной забутовки, также была вскрыта до уровня конца XI яруса, ниже заложили шурф. Верхнюю часть секции заложили несколькими рядами кирпича на глиняном растворе, ниже до конца X яруса шла песчаная засыпка с редкими фрагментами керамики и костями. Начиная с середины X яруса, у северной стены секции, в основании засыпки, шла тонкая прослойка (5—10 см) органических остатков, причем, как и в центральной секции, очень неравномерно. Под ней песчанистый слой с комьями глины. В центре западной секции, на границе XI и XIII ярусов, вскрыто очажное пятно диаметром 1,5 м, толщиной в центре около 10 см. Под ним — рыхлая земля с песком толщиной около метра, ниже прослежено несколько золистых линзочек, и в конце XIII яруса обнажился пол, выложенный квадратным кирпичом и покрытый тонким слоем глины. На полу найдены редкие фрагменты керамики.

Восточная секция вскрыта до уровня VIII яруса, она заполнена рыхлой землей, смешанной с песком и строительным мусором. Сверху засыпка заложена несколькими рядами кирпичной кладки на глиняном растворе. Под засыпкой шла сплошная глиняная кладка. Проход, шедший в северное помещение, был забит плотно утрамбованной смесью глины с песком. Узкое северное помещение забутовано пластами желтоватой глины толщиной до 30 см. Здесь забутовка вскрыта до уровня V яруса. В юго-восточной и юго-западных угловых секциях характер забутовки оказался сходным. Сверху они, как и в восточной части, до уровня границы II и начала III яруса заложены прочной кирпичной кладкой на глиняном растворе. Ниже, до уровня VIII яруса, обе секции выложены сырцовым кирпичом с песчаными прослойками толщиной до 5 см. Размер кирпича в закладках этих секций 36—37×36—37×12—13 см.

Характеристику вскрытых помещений и участков сооружения II периода начнем с лучше сохранившейся северной половины, вход в которую находился в юго-восточном углу комплекса. Он начинался с узкого коридора длиной 5 м, у входа в него на левой стене на высоте около 1,5 м находилась небольшая прямоугольная нишка, в которую была установлена так называемая очажная подставка, закопченная, прямоугольной формы, с отверстием посередине. Коридор вводил в особое предвратное помещение 16 размером 5×8 м, находившееся в юго-восточном углу сооружения II периода, из него уже восточный коридор вел в северную часть комплекса (см. рис. 22, 33).

Входной коридор над глинобитным полом на уровне середины XI яруса имел 15—20-сантиметровую прослойку золы, местами с

уголками или коричневым органическим перегноем. Выше этот культурный слой перекрывала прочная забутовка следующей перестройки III строительного периода. Характер забутовки коридора, ведущего в предвратное помещение, следующий: посередине, в западном и восточном концах, он перекрыт стенками толщиной в один кирпич. Получившиеся две секции заполнены перемешанными глиной, песком, золой. Все это перекрыто сверху сплошной выкладкой из сырцового кирпича. Коридор целиком не вскрывался.

Помещение 16 от современного склона на уровне VIII яруса вниз до конца X яруса заполнено тремя золистыми прослойками, разделенными горизонтами утрамбованной земли с песком. Это помещение вскрыто полностью. Золистые прослойки местами имели мощность до 10 см, но в среднем 3—5 см. В этих прослойках обнаружены фрагменты лепных хумов, широких чаш, кувшинов, немного обломков костей мелкого рогатого скота. На уровне начала XI яруса от репера находился обмазанный глиной пол, над ним 70-сантиметровый слой чистого песка, а под ним опять плотно утрамбованный и заштукатуренный глиной пол в конце XII яруса от репера. Этот пол не имел следов культурного слоя. Как мы убедились, в некоторых помещениях внизу под специальными засыпками были полы, однако культурного слоя и следов обживания они не имели, так как в процессе строительства уровень всех полов подняли выше. В середине помещения 16 обнаружено основание деревянного столба, врытого в песчаную засыпку, вероятно, для поддержки перекрытия. Культурные отложения помещения 16 сверху заложены утрамбованной глиной, а проходы в него — кирпичной кладкой.

Из помещения 16 в комплекс вели два прохода: северный и западный. Первый выводил в узкий восточный коридор и далее в проход вокруг центрального сооружения, а второй — в темное сводчатое помещение 9 нижнего этажа (см. рис. 22). Восточный коридор целиком не вскрывался. Стены коридора по восточному склону холма сохранились от VIII яруса и ниже. Его заполнение у современной дневной поверхности состояло из завала кусков глины, рыхлой земли и обломков сырцового кирпича.

В северном конце коридора по восточному склону, близ полукруглой башни, заложили стратиграфический шурф 2, по ширине равный ширине коридора, т. е. чуть более 1 м, и длиной 1,5 м. Установлено, что здесь на уровне VIII—IX ярусов шли отложения завала и оплыва стен, накопившиеся при разрушении сооружения, толщиной до 80 см. Под ними залегал 40-сантиметровый слой золы, угля и кусков красной обожженной земли с фрагментами керамики и костей животных. Под западной стеной коридора обнаружена небольшая кучка ярко-красной охры. Этот горизонт залегал на ровной глинобитной поверхности пола на уровне конца X — начала XI ярусов от репера. Под полом толщиной 30 см открыт более ранний зольник 25-сантиметровой толщины.

уходивший под кладку стен коридора — это остатки культурного слоя времени функционирования здания I периода, ниже опять шел 30-сантиметровый пласт глины без находок, а под ним — песчано-гравийные материковые отложения.

Северный конец коридора выводил к северо-восточному углу комплекса, к помещениям 3 и 4 (см. рис. 22, 33). Проход между этими помещениями и центральным сооружением создавал два коленчатых поворота — помещения 12, 13 — и вел к западному фасу, огибая центральное сооружение.

В помещении 3 у входа был заложен стратиграфический шурф 3 размером 3 × 2 м, доведенный до материка на уровне середины XVI яруса. Здесь вскрыты основания стен (рис. 26). В шурфе вся нижняя часть его от материка до XII яруса, т. е. XVI—XV—XIV—XIII, состояла из засыпок земли и мелкого гравия, сверху перекрытого полуметровым пластом плотной глины. Поверх ее шел гладкий пол, покрытый глиняной штукатуркой, с остатками крупной кострища или даже пожара, которые состояли из 30-сантиметровой толщи золы и угля с массой обгоревших докрасна кусков глины, фрагментов кирпича. На уровне X—XI ярусов этот слой перекрывал пласт глины 30—40-сантиметровой толщины, выше по всей площади залегал мощный зольник толщиной до 0,5 м, представлявший собой почти чистый пепел с редкими обожженными костями животных и черепков. Его покрывал слой плотной желтоватой глины толщиной 0,5 м, который и был обнажен на современной поверхности северо-восточного склона холма на уровне IX яруса от репера. Видимо, эта забутовка относилась к следующему, III, строительному периоду, когда весь комплекс II периода был заложен. Стены и пол помещения 3 сильно обожжены и прокалены докрасна. Вдоль южной стены имелись остатки невысокой пахсовой кладки, напоминавшие высокую узкую суфу.

Расчистив смежное помещение 4 до уровня самого нижнего пола в середине XV яруса в виде ровной, плотно утрамбованной глины, вдоль восточной стены мы обнаружили суфу шириной 0,5 м и высотой почти в 1 м. На полу находок не отмечено, он засыпан слоем песка 40-сантиметровой толщины, поверх которого шел второй пол толщиной 20 см из многократных глиняных обмазок. Выше, до верха XII яруса, залегала толща рыхлого завала с обломками кирпича, над ним на границе XI—XII ярусов от верхней реперной линии рыхлая земля с золой, которую в XI ярусе перекрывала очередная глиняная обмазка. Над этим полом по всему помещению 4 прослеживались остатки мощного углистого кострища вместе с кусками обрушенных и обожженных обломков кирпичей и штукатурки стен толщиной 25 см. Кострище открыто оплывами. В зольнике найдено некоторое количество обломков керамики и костей.

Восточная стена помещения 3 и северная помещения 4 на уровне X яруса оплыли, их перекрывали края рыхлого слоя золы

с органическими прослойками. Позже при ремонте эти стены восстановлены. Стратиграфический шурф 4 был заложен в проходе между помещениями 3, 4 и центральным сооружением — в помещении 13. Шурф в северной части попал на древний бадраб (яму). Фундамент северо-восточного угла центрального сооружения приходился на уровень между XV—XVI ярусами от репера. Под кладкой стены угла вскрыта песчаная засыпка. Видимо, материк здесь был глубже, как в помещениях 3 и 4, но там кладки

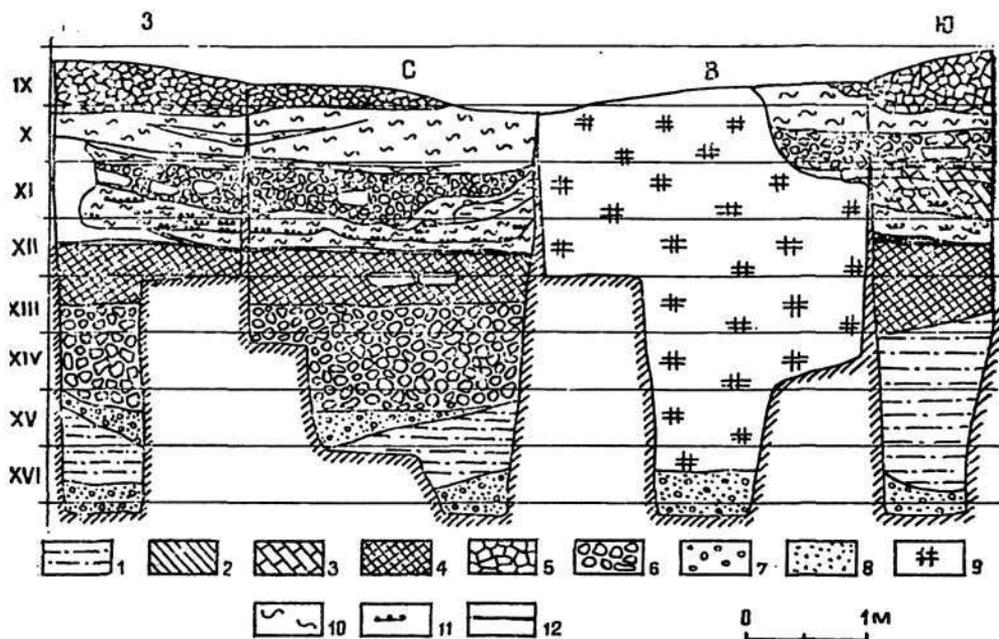

Рис. 26. Стратиграфия шурфа у входа в помещение 3:

1—плотно утрамбованная глина; 2—кладка стены; 3—завал; 4—забутовка; 5—комковатая утрамбованная глина; 6—рыхлая комковатая глина; 7—гравий; 8—песок; 9—штукатурка; 10—зола; 11—уголь; 12—пол

стен начаты с уровня материка и до XII яруса засыпаны песком и глиной, а при возведении центрального сооружения, вероятно, сначала засыпками сровняли углубления, а затем вывели стены. Характерно, что стены угла на уровне пола в XII ярусе обложены сырцовыми вертикально сложенными кирпичами. Над полом с XII по VIII ярус залегали беспорядочно чередовавшиеся прослойки золы, коричневого перегноя и тонких прослоек земли с песком. На северной стенке шурфа на уровне границы IX—X ярусов положено два ряда сырцового кирпича.

Из прослоек золы и сгнивших органических остатков получено множество костей животных и фрагментов керамики. Заполнение бадраба, прослеженного до дна на уровне XXIV яруса от репера,

состояло из смеси песка с комками глины, в верхней части встречены органические остатки, кости животных, фрагменты керамики.

Зачистка вдоль стен северного полукруга от шурфа в помещении 13 и далее к северо-западу показала, что все пространство вокруг северного полукруга на уровне X—IX—VIII ярусов заполнено тонкими прослойками золы и органического перегноя, разделенных земляными засыпками. Толщина прослоек золы в среднем 5—20 см, глиняные прослойки тоньше. Здесь встречены

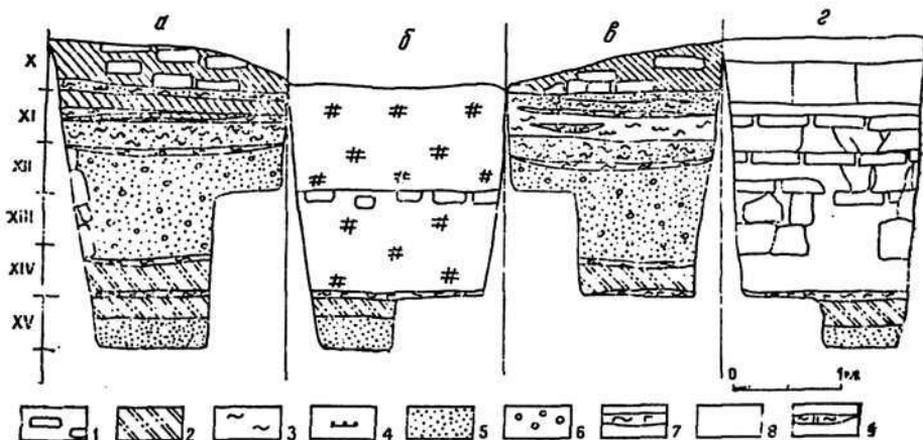

Рис. 27. Развертка западной (а), северной (б), восточной (в) и южной (г) стен шурфа на северном склоне Сеталака-1 второго строительного периода:

1—кирпичная стена; 2—плотная глина; 3—зола; 4—уголь; 5—песок; 6—гравий; 7—голубовато-золистый слой; 8—пахса; 9—черная зола

засыпки песком и гравием. Прослежено, что зольные отложения во время функционирования комплекса достигли верхней грани стены на уровне верха VIII яруса, т. е. все помещения северо-восточного угла комплекса доверху заполняли культурные отложения. В конце функционирования комплекса II строительного периода кладки этих стен заново восстановили по старому плану, поверх прослоек золы.

Шурф 5 был заложен между северным полукругом и внешней стеной. Он дал близкую вышеописанной стратиграфию. На уровне XV яруса выявлен материк, на который уложен 30-сантиметровый слой плотной глины, покрытый ровным зольным горизонтом толщиной 10 см (рис. 27). На нем возведены стены центрального сооружения и внешняя стена северного фасада II периода, оштукатуренная глиной с саманом и имевшая с внутренней стороны суфу полуметровой ширины. Такие суфы найдены и в других помещениях северного и западного фасадов комплекса. Стена северной башни центрального сооружения у основания слегка утощена, штукатурки на ней не сохранилось. Она выложена из рядов

пахсы толщиной 30—40 см, разделенных рядами кирпичной кладки. Размер кирпича $40 \times 40 \times 10$ см. Аналогичную технику кладки имели и внешние стены комплекса: они также слегка расширялись вниз и сооружались из рядов пахсы с прямоугольным кирпичом размером $44—46 \times 37—36 \times 11—13$ см. Внешняя стена сохранилась в северной стороне на высоту 1,5 м. У основания стен в проходе было уложено 30 см плотной глины, поверх которой залегала тонкая зольная прослойка. Затем основание полу-круглой стены северной башни обкладывали поставленными на ребро сырцовыми кирпичами на высоту 1 м. Коридор здесь был засыпан метровой толщей чистого гравия, и уже с верхней грани XII яруса, прямо на гравии, залегала мощная толща зольников (см. рис. 27). Этот уровень служил уровнем пола II периода, хотя здесь отсутствовала глиняная обмазка. Что касается засыпки гравия, то на этом уровне она прослежена почти везде вдоль стен северного и западного фасадов. Восточный конец засыпки гравия находился в северной части помещения 13 (кв. 4-12).

В шурфе золистая толща над гравийной засыпкой неоднородная, толща ее всего 70 см, основанием служила единая 40-сантиметровая толща золы с небольшой примесью песка в нижней части. Выше шли тонкие зольники с песком, разделенные глиняными прослойками, таким образом, общая мощность золистых горизонтов меньше, чем в помещении 13. В III строительном периоде проход над зольниками забутовали кирпичной кладкой на толстом глиняном растворе.

В северо-западном углу комплекса II строительного периода располагалось узкое Г-образное в плане помещение 5 (см. рис. 22). Его протяженность вдоль западного фаса 10,2 м, вдоль северного — 10,5 м, ширина 3 м, вход на юге. Между помещением и центральным сооружением находился широкий проход — помещение 14. Стены, разделявшие помещения 5 и 14, выложены из сырцового кирпича размером $35—37 \times 35—37 \times 10—11$ см и покрыты тонкой штукатуркой.

Заполнение коридора вокруг северо-западного угла однообразное. Вскрывалась только северная часть помещения 14. От поверхности склона холма шла засыпка из крупных комков земли с несом и отдельных обломков кирпича-сырца. С северной стороны угла этот слой доходил до конца X яруса, с западной — до начала X яруса. Нижняя часть заполнения состояла из желтой глины и тоненьких прослоек золы. У южной стены прохода этот слой занимал X ярус, а в остальных местах — конец X яруса.

Северная часть помещения 5 была забита от X до XII яруса плотным слоем глины, кое-где встречались обломки кирпича. Только в XI ярусе обнаружена 5-сантиметровая прослойка золы и в XII — небольшой короткий слой 10-сантиметровой толщины. Более нижние слои помещения до конца XV яруса прослежены по шурфу 6 размером $1,5 \times 1$ м, заложенному в северо-западном углу помещения 5. Весь XII ярус занимали чередовавшиеся про-

слойки золы с углем и глины с песком. Около стен зола была выше, чем в центре помещения. Слой песка толщиной 20 см обнаружен только у северной стены в середине XII яруса. К югу он, постепенно сужаясь, исчезал. Ниже, в конце XII яруса и до середины XIII яруса, вскрыта супесь, под ней — 3—7-сантиметровый слой обожженной глины с супесью и углем. В конце XIII яруса выявлена зола с глиной, углем и песком. Внизу до пола шла чистая зола с углем. Пол глинобитный на уровне середины XIV яруса. Общая толщина глиняной обмазки пола 20 см. Под полом материк.

Вдоль северной стены помещения 5 имелись узкие суфы. Поверхность их приходится на начало XIII яруса, как и в проходе северного фаса и помещении 4. Стратиграфия северо-восточной части помещения близка выявленной в шурфе 6. В основании на уровне нижней части суфы и немного ниже обнаружена 30—40-сантиметровая толща серого песка с комковатой землей. Выше шли золистые отложения, перекрывавшие поверхность суф в виде тонких (2—3 см) прослоек, а сверху их перекрывала комковатая земля. Золистый слой вскрыт в конце XII яруса, а западнее он уходил ниже в XIII ярус. В золистых слоях найдены черепки и кости животных.

В южной части помещения, у входа, весь X ярус состоял из плотного слоя обожженного песка с кусками глины. Местами встречались обломки кирпича-сырца. Только у восточной стены шел рыхлый песок с кусками кирпича. Этот слой подстилала линза обожженной глины толщиной в центре 22 см, под ней — 6—7-сантиметровое очажное пятно. Рыхлый слой глины и песка местами занимал почти весь XI ярус. Под ним — извилистая линза золы с песком и углем толщиной 3—9 см. Под золой, до конца XII яруса — плотные слои глины и песка с большим количеством угля, керамики и остатков кирпича.

Вплотную к северо-западному углу центрального сооружения был заложен стратиграфический шурф 7 (рис. 28) размером 2,5×1,5 м. Вдоль стены сооружения I строительного периода он прорезал до материка кладку стены, обрамлявшей его во второй период, и прилежавшие культурные слои. Стена I строительного периода шла вниз до XV яруса. Ее основанием служил гравийно-песчанистый материковый аллювий без каких-либо находок. Стена заметно расширялась вниз. Фасад ее от уровня VIII до XV яруса имел откос книзу почти на 50 см.

С внешней стороны внизу к ней примыкал довольно мощный пласт уплотненного мелкого грунта, в основном состоявшего из натеков глины с первоначального сооружения, наносов песка и отдельных линз золы, учащавшихся и утолщавшихся кверху. Эти отложения прослеживались от середины XV яруса до нижней половины XIII яруса. На них возведена стена, обрамления северо-западного угла центрального сооружения II периода. В нижней части от XIII до VIII яруса она сложена из светло-желтой плот-

ной пахсы, в которой периодически встречался кирпич-сырец. Выше нижней грани VIII яруса шла другая, более поздняя кладка, четко отделенная от нижней швом штукатурки. Верхняя кладка выполнена из кирпича с прослойками серой глины по 10 см. Это ремонтная кладка центрального сооружения.

К стене северо-западного угла в XII—XIII ярусах примыкали культурные отложения — это 70-сантиметровая толща песчано-гравийной засыпки. Кладка стен на уровне засыпки обнесена

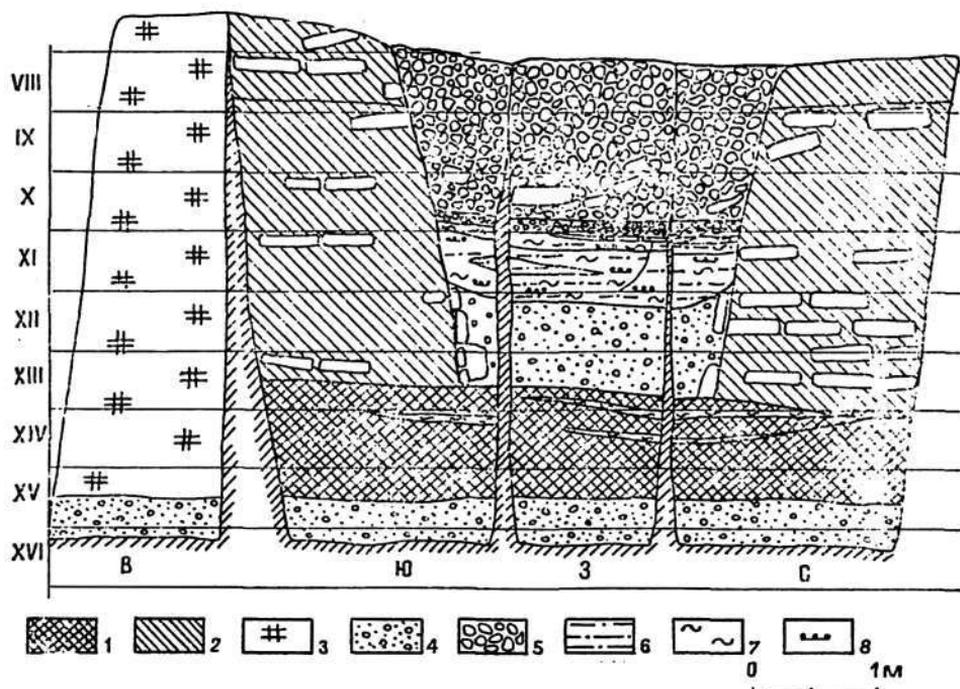

Рис. 28. Развертка стенок стратиграфического шурфа у северо-западного угла здания I строительного периода:

1—уплотненный мелкий грунт из натевов глины с сооружения; наносы песка с отдельными золистыми линзами; 2—стена II периода; 3—штукатурка; 4—песчано-гравийная засыпка; 5—комковатый грунт; 6—слоистый грунт; 7—зола; 8—угольки

3—4 рядами вертикально положенного кирпича, как и в шурфе у северной башни. XI и часть X яруса заняты мощными зольниками, чередовавшимися с прослойками земли. Выше, от X до начала VIII яруса, шел рыхлый комковатый грунт, в нижней части коегде встречались кирпичи. Вероятно, грунт был засыпан при заботке здания II периода и перестройке следующего III периода. В данном шурфе, как и в других случаях, находки керамики и костей получены из золистых прослоек.

Северо-западная часть стен основного сооружения на западном фасае, по всей вероятности, имела особое назначение. К югу

от помещения 5 размещались ритуальные очаги. Один из них в виде перевернутого хума с пробитым дном в IX ярусе забит золой, углями, горелой землей. Обнаруженный здесь хум весь потрескавшийся, верхняя часть его обрушилась вовнутрь. Второй хум, найденный на уровне IX яруса, худшей сохранности — он боком врезан в кладку стены. Видимо, оба хума врыли на склоне холма после завершения всех строительных периодов. В углублении под северной стеной западного полукруга башни, на уровне XII яруса, найден более ранний небольшой очаг круглой формы диаметром 30—40 см. Слои здесь аналогичны слоям из южной части помещения 5. В нижней части IX яруса чередовались слои зол с песком и глиной. В начале X яруса плотная глина перекрывала 10—12-сантиметровый слой золы с углем, известковыми конкрециями и костями. Остальную часть X и начала XI яруса занимал рыхлый песок с примесью обожженной глины. В XI ярусе залегал плотный слой глины, местами с углем.

На южном участке от квадрата К-18 до помещений 6 и 7 был вскрыт проход, ведущий с севера к югу вокруг западной полукруглой башни (помещение 15), севернее находились описанные ритуальные очаги. В проходе на границе XII—XIII ярусов обнаружен плотно утрамбованный глиняный пол, засыпанный чистым слоем мелкого гравия мощностью около 1 м. Выше залегал культурный слой из чередовавшихся прослоек золы, а также желтого и коричневатого перегноя с землей. Мощность всего культурного слоя 10—20 см. В нем обнаружены остатки пяти крупных раздавленных хумов и мелкие фрагменты керамики. Хумы найдены в квадратах К-21, Л-21, К-22. В квадрате К-20 на поверхности культурного слоя обнаружен кинжал с остатками истлевших деревянных ножен и рукоятки. Кинжал обоюдоострый, длиной около 40 см, шириной до 5 см, с небольшим черенком. Кинжалы подобного типа известны из курганных погребений Бухарского оазиса II—IV вв. (40). Выше культурного слоя это помещение до сохранившегося верхнего уровня IX яруса заложено плотной кирпичной кладкой на глиняном растворе — кладкой замуровки здания. Размеры кирпича составляли 39—41×39—41×11—12 см.

Из помещения 15 узкий проход вдоль стен западной полукруглой башни вел в узкое темное коридорообразное помещение 6 Г-образной планировки. Оно перекрыто коробовым сводом из прямоугольного сырцового кирпича. Над сводчатым помещением 6 также обнаружены остатки уровня пола другого верхнего этажа, функционально связанного с площадкой южного фасада. Свод сверху перекрыт утрамбованным грунтом с мелкими угольками, над которым сохранились остатки пола с золистой прослойкой.

В засыпке над сводом встречены обломки керамики, множество костей животных. Ширина свода на всем сохранившемся протяжении чуть более 1 м, высота — около 2 м. Западная часть целиком забита рыхлой землей, содержавшей обломки керамики и кости, местами имелись золистые пятна и угли. Свод на протя-

жении 7 м хорошей сохранности, далее к востоку от поворота до конца он в разрушенном состоянии, видимо, еще с древних времен. Вся нижняя толща отложений на глубину 1,5—2 м в основном состояла из кирпичного завала, в котором на уровне IX яруса обнаружен большой разбитый хум, видимо, попавший сюда при обрушении свода с верхнего уровня.

Верхняя часть отложений, перекрывавшая обломки кирпича, состояла из смеси рыхлой земли с песком, угольками и обломками кирпича. Это остатки стен и культурных отложений помещений, находившихся над сводчатым помещением нижнего этажа. Пол сводчатого помещения в виде утрамбованной земли с зольными пятнами находился в конце XII яруса, как и в помещении 15. Конец помещения 6 упирался в западный фас южной полукруглой башни центрального сооружения. В торцовой стене, замыкавшей коридор, вырезаны две небольшие круглые ниши для светильников, внутри сильно закопченные. Этим темным замкнутым помещением завершалась северная половина комплекса II строительного периода, начинавшаяся с восточного коридора от предвратного помещения 16.

Таким образом, уровень полов в северном и западном проходах вокруг центрального сооружения начинался с XII яруса. На нем залегали все золисто-органические остатки. В помещении 3, 4 и 12 полы и вышележавшие отложения залегали на этом же уровне. Основания внешних стен и стен центрального сооружения находились глубже — на уровне XIV—XIII ярусов. Лишь только в помещении 5 пол не поднят засыпками до XII яруса, а остался на уровне грани XIV—XIII ярусов от репера, и все золисто-органические культурные отложения залегали здесь на 1 м ниже, чем по всему северному и западному фасадам. В середине восточного коридора пол сильно поднят до X яруса, т. е. на 1 м выше, чем в северной части, так как стены II периода возведены на мощных отложениях, скопившихся во время функционирования строения I периода. Однако в процессе функционирования уровни полов благодаря скоплению золисто-органических прослоек быстро нивелировались.

Как указывалось, южный фасад здания Сеталак-I II строительного периода функционально был изолирован от северной половины и мощными засыпками, и забутовками, уровень полов поднят до VII яруса. Он имел более сложное строение и хуже сохранился, чем северный. Здесь не было проведено сплошного вскрытия архитектурных остатков и культурных отложений в силу слишком большого объема земляных работ и в интересах сохранения верхних горизонтов. Южный фасад представлял собой обширную площадку, от верха которой, к сожалению, сохранилась лишь восточная половина. К его середине примыкали остатки обширной монолитной глинобитной кладки шириной 11 м. Вероятно, это были остатки пандуса, ведшего к верхней площадке южного фасада комплекса. Поверхность его ровная, с пологим

наклоном к югу, близ стены фасада сооружения его сверху перекрывали завалы. Он сложен на протяжении 5,5 м к югу от стены из плотной однородной желтой пахсы, в виде «П»-образной стены толщиной 3 м и в середине заполнен утрамбованной глиной с песком. Далее у подошвы на уровне XI—XII ярусов от репера также шла уплотненная смесь глины с песком.

Каков был характер оформления западной половины южной площадки, мы не знаем. Верхний уровень ее полностью оплыл и лишь небольшие обрывки уровней полов с культурными слоями сверху в виде золисто-органических прослоек сохранились, как отмечалось при характеристике помещения 6 близ юго-западного угла центрального сооружения над помещением 6 в квадратах Н-24, М-24, М-23 и др.

Вскрытия на юго-западном склоне, сплошь состоявшем из плотной глинобитной кладки, показали, что под забутовкой находились стены Г-образного в плане помещения, аналогичного помещению 5 в северо-западном углу комплекса. Стена, отделявшая помещение 6, как и стена помещения 5, шла от западной башни центрального сооружения к южной, упираясь в ее стену (см. рис. 22). Она четко видна на обнаженном юго-западном склоне памятника. Вход в это забутованное помещение находился в южном конце помещения 5, западнее входа в помещение 6 он заложен кирпичом. У входа в помещение, в юго-западном и юго-восточном углу была вскрыта забутовка, под которой в западной части помещения обнаружен глинобитный пол на грани XII—XIII ярусов от реперной линии. Однако далее к востоку пол обрывался, как и прерывалась восточная стена этого помещения, которая должна была быть по аналогии с помещением 5. Видимо, в связи с необходимостью создания в южном фазе высокой площадки это помещение, обозначенное условно как помещение 7, забутовали плотной желтой глиной с песком. Вход из помещения 15 в помещение 7 заложен рядами вертикально уложенного кирпича и заштукатурен.

В забутовке обнаружено некоторое количество фрагментов хумов, горшков, чаш. Следов обживания или культурного слоя между полом и забутовкой в этой части не отмечено, если не считать кое-где тонкой прослойки чистого песка. В забутовке местами встречались ряды редко уложенного кирпича размером 35—36×35—36×10—11 см. В юго-западном углу эта закладка очень прочная, а к востоку она более рыхлая. Далее к востоку, близ стен южной полукруглой башни центрального сооружения, глинобитного пола в XII ярусе вообще не обнаружено.

В квадратах II-28, II-29 в конце стены, разделявшей помещения 6 и 7, был заложен стратиграфический шурф 8. Установлено, что здесь слои от дневной поверхности на уровне VII яруса до начала XIV яруса состояли из глины с песком. Эта утрамбованная засыпка земли с песком в шурфе с восточной стороны ограничивалась грубой неоштукатуренной кладкой сырцового кирпи-

ча. Стена, возведенная в теле платформы южного фаса комплекса, одним концом упиралась в стену южной башни центрального сооружения, а другим — во внешнюю стену южного фасада. На уровне X—XI ярусов в забутовке встречена примесь золы с песком, залегавшая с сильным уклоном от южной стены к центру помещения, т. е. зола попала сюда вместе с землей и песком при заполнении данной части помещения 7 для создания высокой площадки южного фасада. Судя по восточной половине южного фасада комплекса II периода Сеталак-I, над забутовками, где-то на уровне VII яруса, должен был быть пол. Он мог быть чуть выше, чем в восточной части площадки, так как на уровне середины VII яруса еще залежала глина забутовки, выше все это срезано оплывшей поверхностью склона. На восточной же половине полы с глиняной обмазкой залегали в середине и нижней части VII яруса. Шурфовка всех помещений под полами показала, что площадка южного фаса между центральным сооружением и южной стеной специально поднята в виде платформы до уровня VII яруса мощными засыпками песка и земли. После возведения центрального сооружения и внешней стены это пространство разбивалось толстыми, грубо сложенными поперечными стенами на отдельные секции аналогично секциям, выстроенным при забутовке квадратного здания I строительного периода, затем они заполнялись рыхлым грунтом и песком.

В центре южной площадки и далее к востоку сохранились нижние части стен и культурных слоев, находившихся на поверхности площадки южного фаса комплекса II строительного периода (см. рис. 22, 33, 34). Одна небольшая стенка высотой до 1 м упиралась в южную башню центрального сооружения. Вторая аналогичная стена, параллельная первой, отделяла юго-восточный угол верхней площадки комплекса. Толщина обеих стенок около 0,5 м, высота до 1 м, проходы — в южной части, они возведены из пахсы и оштукатурены глиной. Навряд ли они являлись стенами перекрытых помещений, скорее всего, судя по их пролету и следам сильных кострищ, они просто делили южную площадку на отдельные участки, и условно обозначены как помещения 8, 9 и 17. Лишь между юго-восточным углом центрального сооружения и восточным коридором было вскрыто два смежных помещения 10 и 11, которые могли быть перекрыты (см. рис. 22, 33), но следы больших кострищ в них указывали на то, что в перекрытиях и здесь не было особой необходимости.

Вышеописанные остатки двух стенок, делящих сохранившуюся часть южного фасада на помещения 17, 8, 9, возведены как раз над кладками перегородок секций платформы, которые служили фундаментами для стен, возвышающихся над полом.

Культурные слои помещения 17 состояли из двух золистых прослоек по 5—8 см, перекрытых двумя глиняными прослойками общей мощностью 0,5 м в углу между стеной южной башни и упиравшейся в нее стенкой. К западу этот слой выклинивался. Поме-

щение не имело западной стены над полом, хотя под ним вскрыта перегородка секции стилобата, открытая на южном склоне. Не исключено, что справа от стенки, упирающейся в южную башню, находился подъем на вершину центрального сооружения, так как к востоку от этой стенки размещался замкнутый комплекс двори-ков либо помещений (8—11). В зольниках найдены фрагменты керамики и костей, несколько костяных шпилек и крупная брон-зовая игла. Под полом помещения 17 шла засыпка метровой тол-щины. Под этим слоем на уровне VIII яруса от репера залегал 15-сантиметровый горизонт слоистой глины с зольной прослойкой, а под ним до материка на уровне XV яруса от репера засыпка рыхлой земли с песком.

Из-за большого объема культурных отложений помещение 8 вскрыли частично траншеями шириной 2 м вдоль западной, вос-точной и северной стен. Оно представляло собой открытую пло-щадку, близкую в плане к квадрату размером 8×8 м. Вдоль северной стены отложения вскрыты до уровня X яруса, вдоль восточной — до уровня пола в VII ярусе и чуть ниже, вдоль за-падной — до материка. Над полом залегали чередовавшиеся золистые и глинистые горизонты толщиной в среднем по 20 см. Они шли с уклоном к югу. Весь слой в южной части разреза достигал 1 м, а в северной утолщался до 1,5 м. Самый верхний зольник — многослойный с примесью органических остатков ко-ричневого цвета и песком. Его толщина достигала 0,5 м. Углубив до материка и расширив как траншею вдоль всей западной стены помещения шурф 10, мы обнаружили, что стены южной полукруг-лой башни и внешняя стена южного фасада находились на чистом материковом песке на уровне между XV—XVI ярусами. Здесь же шло основание стилобата южного фаса сооружения в виде уплот-ненной глины с песком толщиной 1 м.

На стилобате возведена кладка секции забутовки, служившая фундаментом стены, разделившей помещения 8 и 17. Кладка гру-бая, местами без скреплявшего раствора между кирпичами раз-мером 35—37×35—37×10—12 см. Более подробно характер стратиграфии помещения 8 выявлен в его северной и восточной частях. Пол вскрыт на уровне VII яруса (рис. 29). На нем тонкая прослойка золы с песком, перекрытая 15-сантиметровым пластом глины, над которой залегал зольник толщиной 5—10 см. Близ юго-восточного угла центрального сооружения его перекрывал завал из кусков битой пахсы, фрагментов кирпича, земли толщи-ной до 0,5 м. К югу и западу он выклинивался. Над завалом обнаружены мощные пласты золы с органическими остатками, угольками и песком. Наклон поверхности завала обусловил на-клон всех вышележащих горизонтов в том же направлении. Над слоем завала — всего три золистых горизонта толщиной от 10 до 40 см, разделенных глинисто-песчанистыми прослойками такой же толщины. Они залегали неровно, выклиниваясь в южной час-ти помещения 8, не достигая его южной стены (см. рис. 29). На

самом верху — слой обожженной глины с песком, примесью золы и органических остатков. Все это на уровне IV яруса перекрыто кирпичной забутовкой следующего строительного периода, сохранившейся ближе к стенам центрального сооружения. В золистых горизонтах обнаружено множество костей животных и обломков разбитых чаш, лепных горшков, украшенных волнистыми валиками, а также квадратные очажные подставки.

Фундамент стены между помещениями 8 и 9 располагался также под полом, проходившим в нижней части VII яруса, толщиной

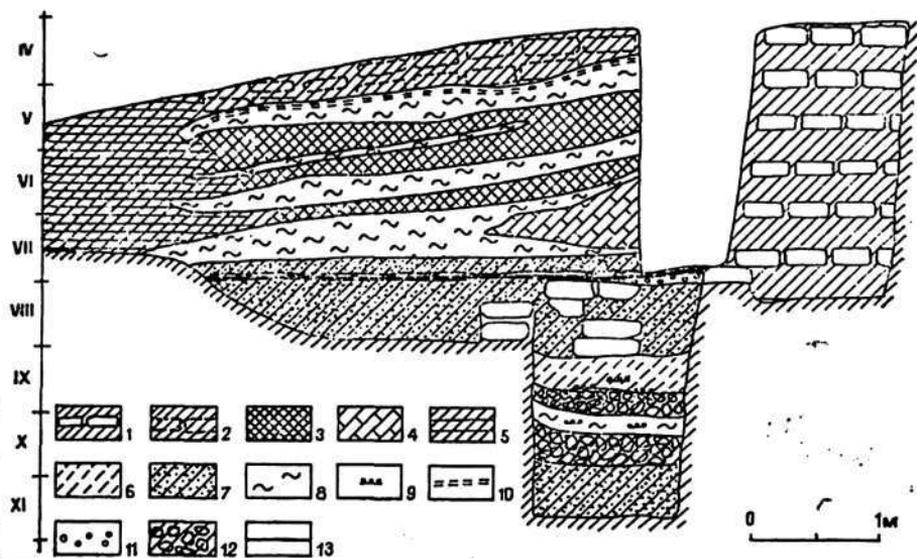

Рис. 29. Восточная траншея помещения 8:

1—2—кирпичная кладка; 3—засыпка; 4—завал; 5—плотная слоистая глина; 6—рыхлая засыпка мелкой земли; 7—плотно утрамбованная глина с песком; 8—зола; 9—уголь; 10—обожженная глина; 11—гравий; 12—плотно утрамбованная глина с отдельными комьями; 13—пол

более 2 м. Стена, разделявшая помещения, сдвинута к восточному краю кладки фундамента. Фундамент сложен неаккуратно, не оштукатурен. Основание его вскрыто в шурфе в южной части восточной траншеи (квадраты Ф-29, 30) в середине XIV яруса, ниже шел почти метровой толщины пласт плотной глины, под которой залегала 5-сантиметровая золистая прослойка, покрывавшая плотный глиняный горизонт 10-сантиметровой толщины, ниже залегал материковый грунт. Самая нижняя прослойка золы относится ко времени функционирования здания первого строительного периода.

К западу от этой стены в квадрате X-28 на уровне VII яруса обнаружена узкая глубокая яма в виде либо колодца, либо трубы диаметром 70 см, заполненная рыхлой землей с керамикой и костями. Ее стенки выложены из сырцового кирпича. Яма расчищена на глубину 1,5 м, ниже вскрытий не производилось. Край фунда-

мента и колодец засыпаны глиной, сверху на уровне VII яруса намазан пол. Таким образом, эта яма возведена одновременно с кладкой фундамента.

В нижней части северной траншеи помещения 8 под полом и засыпкой обнаружены остатки более ранних строительных конструкций в виде широкого прохода. Он огибал юго-восточный угол центрального сооружения I строительного периода. С внеш-

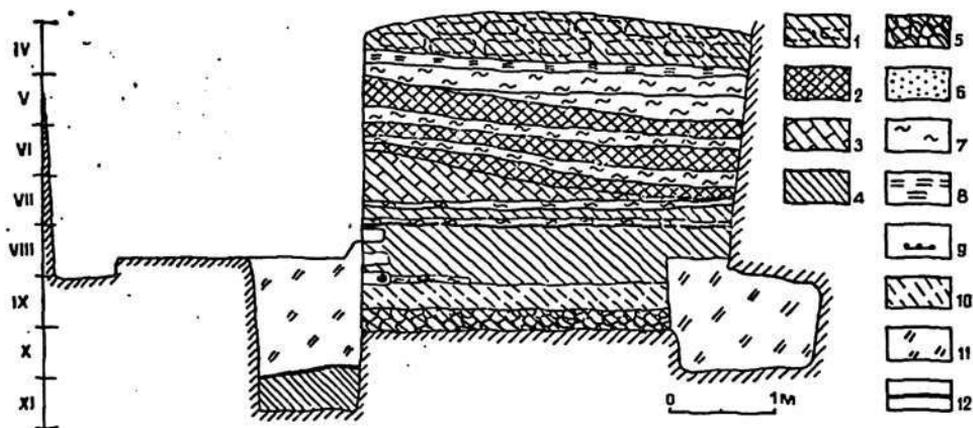

Рис. 30. Помещение 8. Стратиграфия отложений помещения в северной части:

1—забутовка с кирпичами; 2—рыхлая земля; 3—завал; 4—плотно утрамбованная глина; 5—утрамбованная глина с комьями; 6—песок; 7—зола; 8—обожженная глина; 9—уголь; 10—рыхлая засыпка; 11—штукатурка; 12—пол

ней стороны он окаймлен невысокой стенкой и глинобитным полом на уровне X яруса (см. рис. 29, 30). Размер кирпича в кладке этой стенки $37-39 \times 33-35 \times 13-14$ см.

Вход в помещение 9 располагался в юго-восточном углу помещения 8. Помещение 9 было заполнено тонкими прослойками золы, чередующимися с горизонтами земли на уровне конца VII—начала VIII ярусов. Здесь прослежены два уровня полов, покрытых глиняной обмазкой (рис. 31) до верхней половины VII яруса, после шла плотная глиняная забутовка.

Пробив полы и подстилающую их плотную 20-сантиметровую глиняную прослойку с кирпичами в отдельных местах, внизу под помещением мы обнаружили сводчатое коридорообразное помещение 9а, вытянутое в плане параллельно верхнему. Оба помещения совпадали в плане. Помещение 9а перекрывал коробовый свод. От входа в комплекс II периода оно шло в меридиональном направлении. Пол приходился на конец XIII яруса, а вершина свода — на конец IX яруса. Высота помещения 9а составляла 2,15 м, а ширина у пола — 1,9 м. В начале XII яруса (примерно в 1 м выше пола) ширина помещения на 20—25 см больше. В этом промежутке кладка стен состояла из блоков пахсы. Выше свод,

выложенный прямоугольным кирпичом-сырцом, резко сужался. Кирпич в кладке поставлен на ребро с небольшим наклоном к северу, т. е. кладка возводилась с севера на юг. В кладке свода

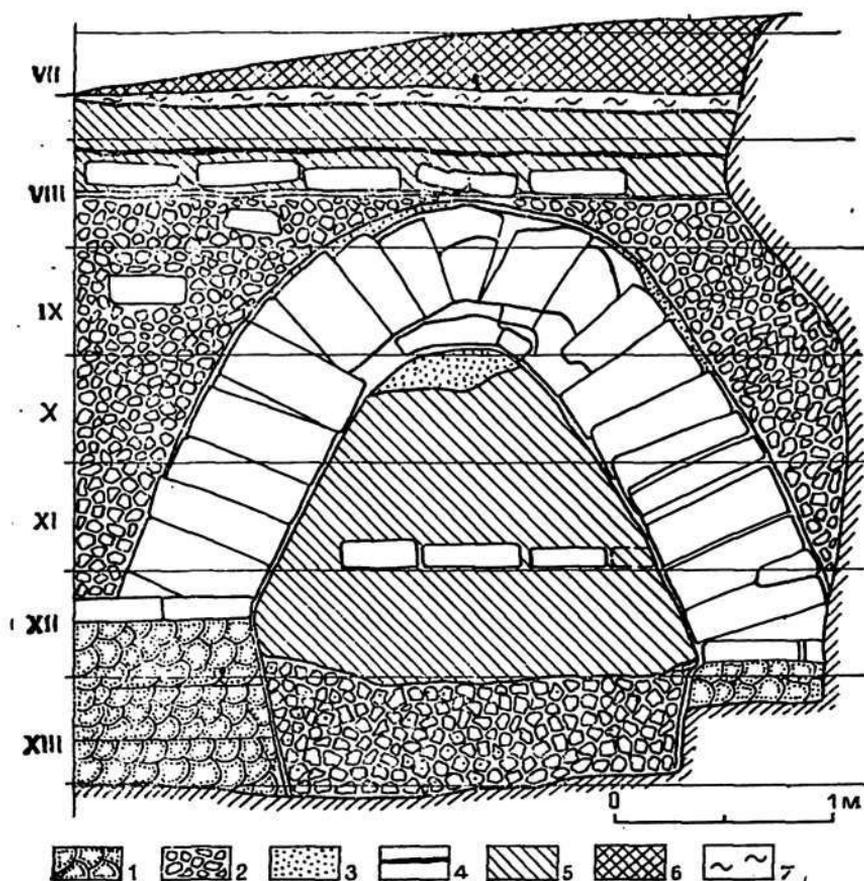

Рис. 31. Разрез свода помещения 9:

1—пакса; 2—рыхлая комковатая засыпка; 3—песок; 4—пол; 5—утрамбованная глина; 6—забутовка
7—зола

весь кирпич прямоугольный, размером $60-62 \times 25-27 \times 9-11$ см (см. рис. 31).

На вершине свода в южной части кладки встречен кирпич меньших размеров — $38 \times 33 \times 10$ см. Кладка помещения прослежена от северной до южной стены. Вершина свода в южной части на протяжении 2 м обрушена. Вход в помещение 9 а обращен на восток к помещению 16. В процессе строительства после возведения кладки свода поверх нее насыпан темно-серый песок толщиной 8—12 см, видимо, для амортизации. Между кладкой фундамента

стены, отделявшей помещения 8 и 9 с западной стороны, и кладкой свода находилась рыхлая засыпка с отдельными комками глины и обломками кирпича. Между сводом и восточной стеной забутовка с сырцовыми кирпичами более прочная. Над сводом также засыпка с обломками кирпича и кусками глины. В начале VIII яруса — кирпичная кладка, над ней — пол верхнего помещения 9. Размеры кирпича в забутовке восточнее свода и над ним $40 \times 40 \times 13-15$ см. Выше шли слои золы с обмазкой глины. Заполнение внутри сводчатого помещения следующее: над полом 50-сантиметровая засыпка из рыхлой смеси, песка и комков глины. Верхний слой (конец XII — начало X яруса) — тоже засыпка из плотной глины кое-где с рядами кирпича-сырца. Над забутовкой шел почти 20-сантиметровый слой рыхлого песка, нанесенный позднее. Вход в свод в III строительный период заложен кирпичом размером $35-38 \times 35-38 \times 12-14$ см.

В завале близ входа в заполнении свода часто встречались кости, реже — керамика, попадались золистые прослойки и отдельные угольки.

Юго-восточная часть южной главной половины комплекса сооружения II строительного периода замыкалась помещениями 10, 11, разделенными узкой стеной с проемом в западной части. В заполнении помещений, обнаженных по восточному склону холма, интенсивные следы горения в виде золы, угля и красного обожженного песка. На поверхности этих отложений и ниже обнаружена битая керамика и кости, небольшие зернотерки, пряслица, выточенные из фрагментов сосудов. При вскрытии культурных наслоений этих двух помещений выяснилось, что их восточная стена уходила глубоко вниз. В помещении 11 на уровне VIII яруса выявлена еще одна стена — более ранняя — толщиной более 1 м, верхняя часть ее срублена на границе VIII и VII ярусов.

Стратиграфия помещений 10 и 11 следующая: позднейший пол, обмазанный глиной, в обоих помещениях находился на уровне середины VI яруса. Пол шел наклонно с запада на восток, ниже залегал слой комковатой уплотненной глины толщиной до 20 см середины VII яруса, под ним — плотно утрамбованный, сильно обожженный пол с прослойками песка наверху. Этот пол перекрывал срубленную верхнюю часть поперечной стены первого этапа. Здесь в этот период было крупное помещение длиной в 7 м и шириной (более 4 м. В центре его следы кострища длиной 3 м, достигавшего в поперечнике более 1,5 м. Пол местами прожжен до 10 см. На нем возведена стена, делившая помещения 10 и 11 с проходом в западном конце. Под обожженным полом идет 20—30-сантиметровый слой песка; под ним — сильно обожженный пол на уровне конца VII — начала VIII яруса.

Таким образом, помещения здесь перестраивались трижды: сначала была небольшая квадратная комната, окаймленная проходами с востока, севера и запада. Затем проходы заложили, а

северную стену первоначального помещения снесли, расширив помещение к северу и подняв пол до уровня VII яруса. Последняя перестройка завершилась разделением помещения на 10 и 11.

В помещении 10 вдоль южной стены заложили стратиграфическую траншею (рис. 32). Южная стена была заштукатурена до конца IX — начала X яруса. В конце VIII — начале IX ярусов вскрыто основание входа в юго-западном углу помещения, кото-

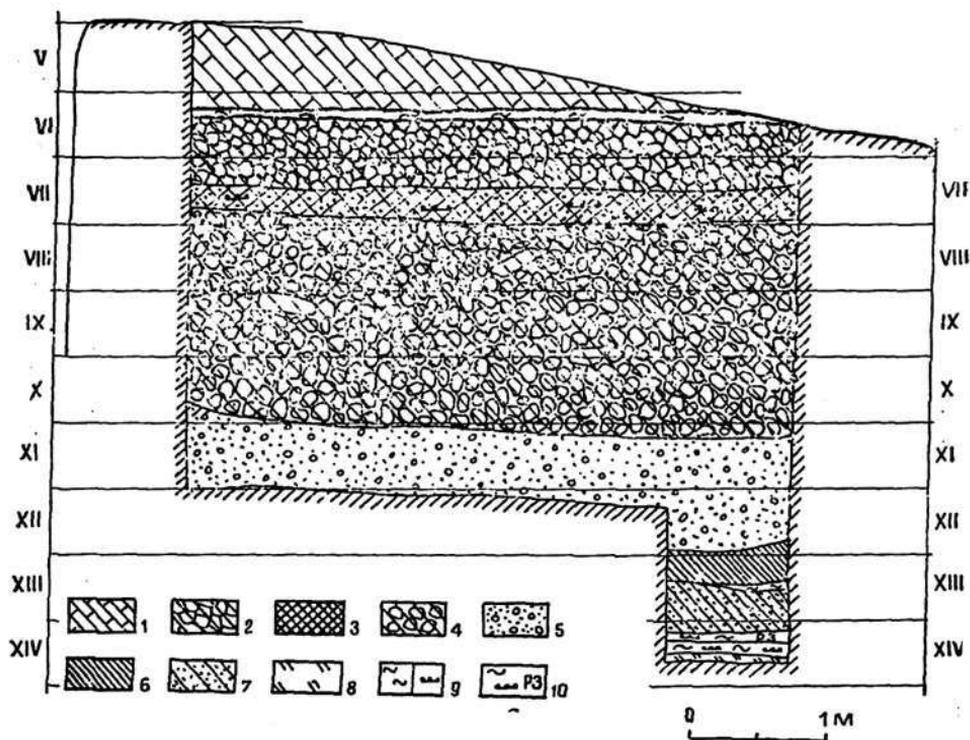

Рис. 32. Помещение 10. Стратиграфический разрез под южной стеной:

1—завал; 2—утрамбованная комковатая глина; 3—засыпка из песка и земли с отдельными обожженными кусками; 4—комковатая рыхлая земля с отдельными кирпичами и строительным мусором; 5—гравийно-песчаная засыпка; 6—пласт чистой плотно утрамбованной глины; 7—плотная глина с песком, землей, углем, золой и кирпичами; 8—чистая очень плотная глина без примесей; 9—зола, уголь; 10—чистая розовая зола с углем

рый в верхней части заложен кирпичом-сырцом размером $39-38 \times 39-38 \times 13$ см до уровня пола в VII ярусе. Сами стены уходили ниже.

Шурф 11, заложенный в юго-восточном углу помещения и доведенный до конца XIV яруса, выявил характер нижних горизонтов (см. рис. 32). На самом дне шурфа чистая, очень плотная глина с песком, золой и углем толщиной 10—12 см. В начале XIV яруса обнаружен 10-сантиметровый слой глины с углем, над

ним — 2—5-сантиметровая прослойка чистой золы, на которой возведены южная и восточная стены помещения 10 (на уровне 10 см XIII яруса). Это культурные отложения, накопившиеся вокруг квадратного здания I периода до сооружения здания II периода. Над золой — 25—30-сантиметровый слой плотной утрамбованной глины. Затем до середины VII яруса шел мощный слой засыпки, в нижней части (до конца X яруса) — рыхлый песок с гравием, в средней (до конца VII яруса) — комковатая рыхлая земля с обломками кирпича и строительным мусором. Верхняя часть засыпки состояла из перемешанной глины и песка. Здесь встречались отдельные обожженные куски глины и найдена большая костяная игла.

Как отмечалось при характеристике вскрытых помещений 8, 10, 11, под их полами обнаружены остатки предшествующих строительных конструкций, не имевших отношения к квадратному зданию I строительного периода. Они существовали в начале возведения здания II строительного периода, но не вписывались планиграфически в описанный нами комплекс II периода и залегали под основными полами (см. рис. 29, 30).

Как показали результаты раскопов, на месте помещений 10, 11 существовало квадратное в плане помещение 10, вокруг него из восточного коридора шел коленчатый в плане проход между помещением 10 и центральным сооружением по направлению к помещению 8 (см. рис. 22). Углубив северную траншею в помещении 8 под уровень основного пола в VII ярусе, мы обнаружили на полу коленчатого прохода, окаймленного с юга невысокой стенкой шириной в 1 кирпич и высотой около 1 м, на уровне X яруса зольный слой толщиной до 10 см, который уходил под кладку юго-восточного угла центрального сооружения (см. рис. 29). Проход упирался в стену южной башни и, видимо, здесь обрывался. Однако, чтобы окончательно решить этот вопрос, необходимо снять верхние строительные конструкции южного фаса центрального сооружения, перекрывавшие пол вместе с зольником прохода.

Кроме того, следует указать, что как в 8-м, так и в 10-м помещениях на уровне пола коридора X яруса не обнаружено ни полов, ни зольников. Пока остается предположить, что при возведении сооружения II строительного периода юго-восточный участок, примыкавший к центральному сооружению, был начат несколько иным образом, и проход в южную половину комплекса вел от восточного коридора через коленчатый проход. Но затем, видимо, в силу каких-то причин этот коридор заложили и за счет этого расширили помещения 8 и 10, причем пол в них настилали как и по всему южному фасаду не на уровне X яруса, а на 1,5 м выше в VII ярусе. Стены и полы коленчатого прохода, а также стена помещения 10, скрытые под забутовкой, были хорошей сохранности и имели свежую штукатурку из глины с саманом, что указывает на очень быструю их закладку. Однако еще предстоит

уточнить, откуда шел подъем на уровень пола в VII ярусе, так как, видимо, пандус не сразу был построен к южному фасаду, судя по уровню культурных слоев помещений 8 и 17. Он подводил к краю стены южного фаса на уровне V яруса в сохранившейся части, к уровню поверхности южной площадки в верхних ее горизонтах, т. е. к концу функционирования комплекса II периода.

Таким образом, комплекс сооружения II строительного периода Сеталак-I представлял собой монументальное квадратное в плане сооружение. В центре его возвышалась четырехлепестковая

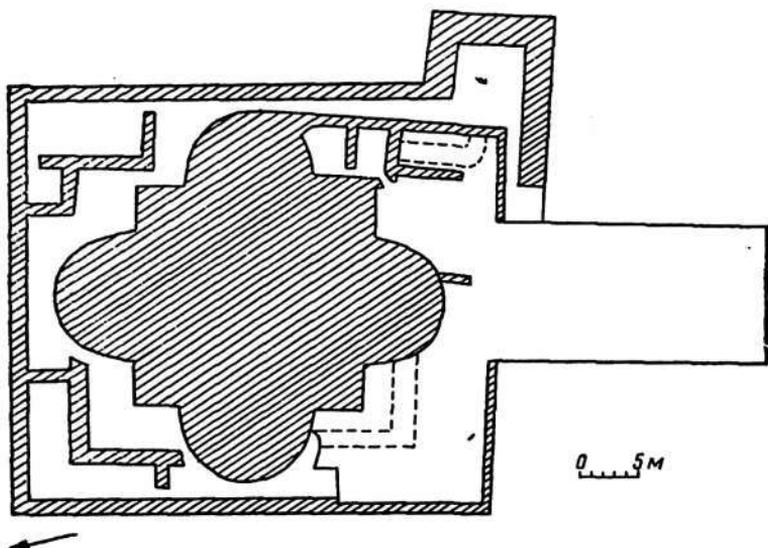

Рис. 33. План Сеталака-I в конце II строительного периода

в плане высокая площадка более 30 м в поперечнике (рис. 33, 34). Главный южный фасад комплекса был на 2 м выше северного. Функционально весь комплекс делился также на две половины, не связанные между собой. С южной парадной половины, к сожалению, плохо сохранившейся из-за относительной высоты, видимо, осуществлялся подъем на верхнюю площадку центрального сооружения. Вход в северную половину комплекса вел через угловое предвратное помещение. У проема, ведущего в него в нишке, на высоте человеческого роста находилась закопченная очажная подставка, явно имевшая роль магического оберега. Что же касается подъема на южную часть комплекса и вершину центрального сооружения, то этот вопрос требует дополнительного уточнения. Кроме того, верхние уровни сооружения, особенно в юго-западном углу, сильно оплыли. Вероятнее всего, в конце существования сооружения II периода к нему с юга пристроили пандус, который вел вверх южной площадки.

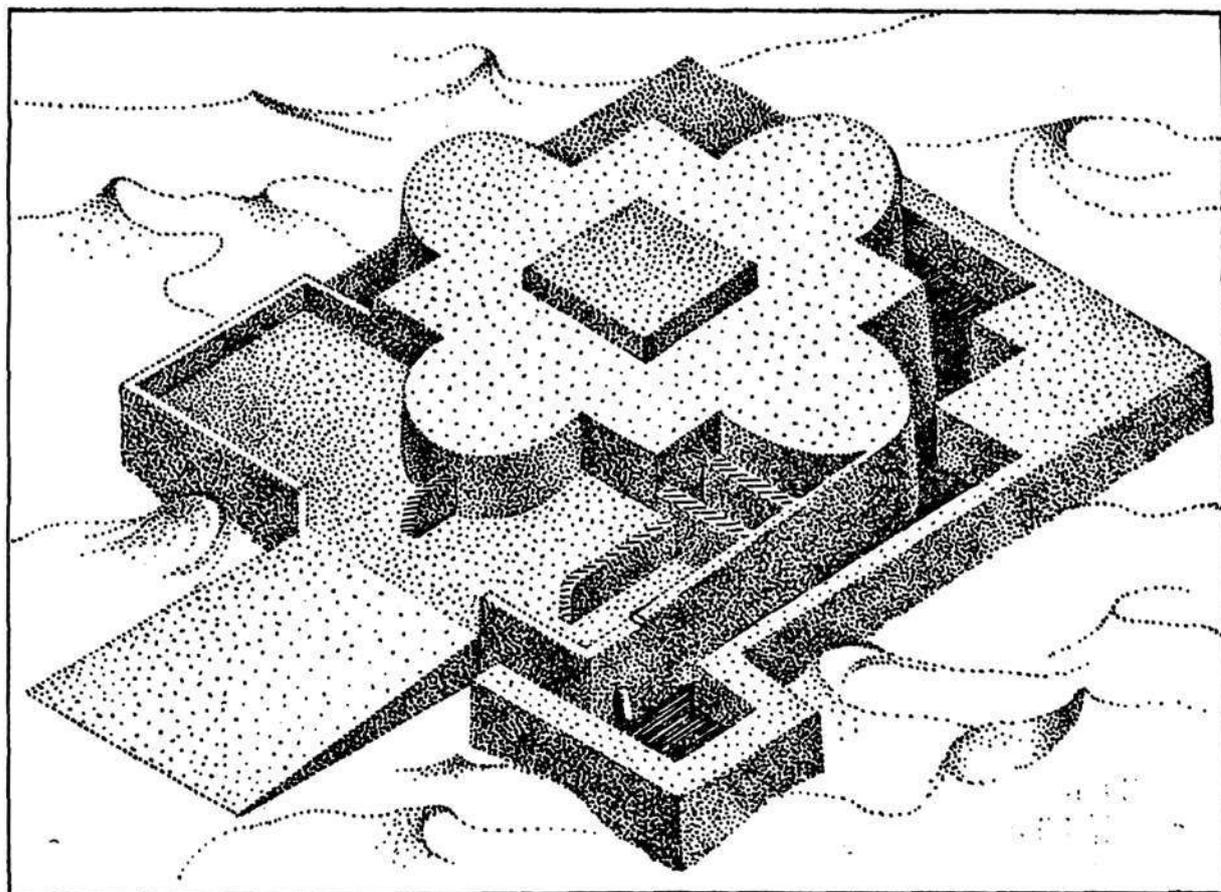

Рис. 34. Реконструкция Сетадака-I в конце II строительного периода

После завершения строительства комплекс II периода функционировал довольно долго. На нем возжигались большие кострища, в которые бросались фрагменты битой посуды и кости мелкого рогатого скота. Эти кострища замуровывались слоями глины, либо засыпались землей и песком. Часть из них горела на месте залегания, а другая, видимо, была сметена в проходы с площадки центрального сооружения, так как некоторые зольники не имели прокаленных или обожженных полов под собой, не обожжены также и горизонты земляных насыпок над ними.

Следы особенно сильного огня отмечались в северо-восточном углу комплекса. Стены помещений 3 и 4, прилегавшие участки стен проходов обожжены докрасна, в пепле множество кусков обожженной глины, кирпича и угля. Со временем зольники по восточному, северному и западному фасадам достигали уровня верха VIII яруса, в результате чего края верхних прослоек золы налезли на уступ обкладки центрального сооружения. В северной части, особенно северо-восточном углу, зольники налезли на оплывшие гребни стен помещений 3—5, местами на внешнюю стену. Мощные скопления золистых отложений скапливались и на южной, более высокой половине в помещениях 8, 9, 10, 17. После этого был произведен крупный ремонт всего комплекса и восстановление стен поверх золистых горизонтов. При этом стена обкладки центрального сооружения наращивалась в высоту. Местами новая кладка вокруг центрального сооружения возводилась поверх горизонтов золы, перекрывших более раннюю нижнюю кладку, в частности, в помещении 13 она на 0,5 м шире прежней. Там, где эта стена не была еще погребена под культурным слоем, новую верхнюю кладку производили на такую же толщину из рядов сырцового кирпича, чередующегося с глиняными 10-сантиметровыми прослойками. Она отделена от нижней швом (см. рис. 28). За счет этого верхняя часть центрального сооружения, выступавшая над окружающими стенами и помещениями с зольниками, утолщалась в поперечнике на 2—3 м. В северной части отчетливо прослеживается возведение стен помещений 3—5 поверх золистых прослоек по старому плану. Причем новые кладки, возведенные над старыми, там, где их перекрывали культурные отложения, несколько отклонялись от первоначальных. Шов между прежней и новой кладками прослеживался на поверхности южной, западной и северной полукруглых башен. В помещении 17, как и в 13, верхняя кладка отделена от нижней краями зольников, заполнявших помещение, а край верхней кладки несколько выступал относительно нижней.

В северо-восточном углу новые стены в помещении 3 выкладывались по-иному. Ряды крупного прямоугольного сырца в них уложены на ребро с наклоном. После завершения ремонта продолжалось интенсивное накопление золистых горизонтов, которые сохранились до современной дневной поверхности, преимущественно вокруг центрального сооружения.

Сооружение III строительного периода. Третья коренная перестройка всего комплекса началась со сплошной кирпичной закладки в пределах квадрата внешних стен сооружения II периода, которая сохранилась толщиной в 3, 4, 5 рядов кирпича только вокруг стен центрального сооружения, выклиниваясь ниже по склону холма. К югу-востоку от основного сооружения вплотную к стенам предвратного помещения 16 был возведен новый комплекс коридоров и помещений, охвативший в виде прямоугольни-

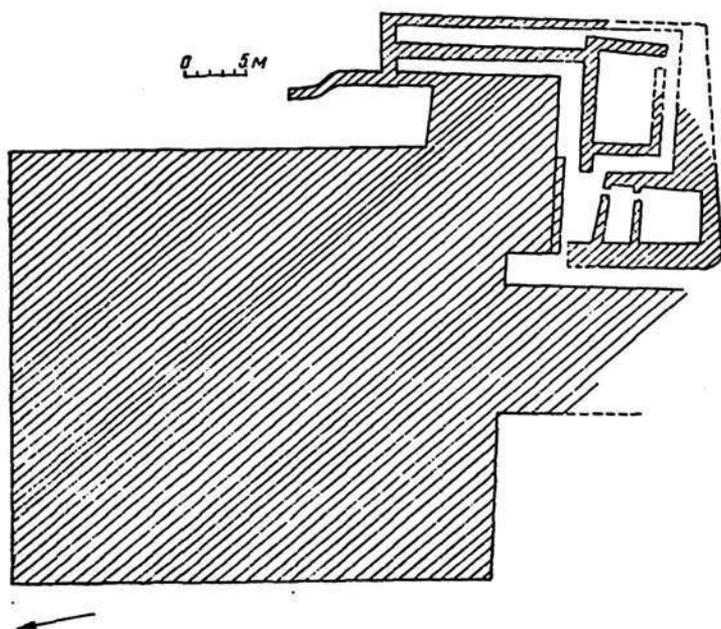

Рис. 35. План Сеталака-I III строительного периода

ка помещение 16 и входной коридор. Сооружение II периода сплошь забутовано сверху. Видимо, на месте его возвышалась громадная квадратная платформа. Предположить, что находилось на верхней площадке платформы, трудно, поскольку на верхней части холма от нее сохранились лишь кирпичи нижней кладки. Возможно, это было нечто в виде грандиозной платформы — подиума, на котором продолжали возжигать большие кострища (рис. 35, 36). Возможно, и другое: в центре площадки продолжало возвышаться центральное сооружение в виде монументального четырехбашенного донжона. Но, вероятно, тут существовало иное новое сооружение. Вход на верхнюю площадку, видимо, оставался на южном фасе по пандусу.

На комплексе сооружения II строительного периода III строительный период представлен только кладками замуровки поверх культурных отложений вокруг центрального сооружения. Помимо

этого, кирпичом заложили входы в сводчатое помещение 9 а и в восточный коридор из предвратного помещения, в предвратное помещение и южный коридор. Коридор и помещение были засыпаны песком и землей, и все это перекрыто кирпичной кладкой. Остатки ее сохранились над стенами и засыпками коридора. Культурные наслоения помещения 16 и входного коридора, состоявшие из золистых горизонтов, замурованы под этими мощными

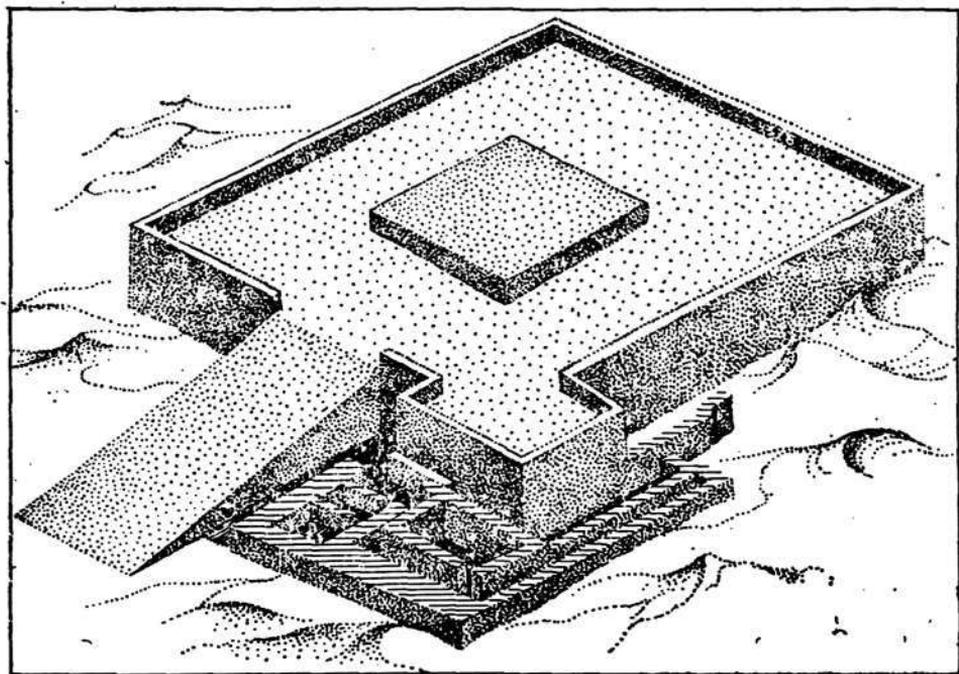

Рис. 36. Реконструкция Сеталака-I III строительного периода

кладками. В забутовке преобладал квадратный сырцовый кирпич размером $39-41 \times 39-41 \times 10$ см. В кладке же стен I периода использовался только квадратный кирпич, а во II—III периоды преобладал квадратный, хотя и встречался прямоугольный.

Комплекс помещений III строительного периода характеризовался довольно простой планировкой. Его стены сохранились на высоту 0,5 м. Вход смежен прежнему входу сооружения II периода. Западная часть состояла из трех смежных комнат — помещений 21, 22 и 23 (см. рис. 22). В основной части в центре располагался большой зал (помещение 20), окруженный обводным коридором. Участок к востоку от забутованного помещения 16 состоял из двух длинных параллельных коридоров длиной около 15 м. Этим завершалась система помещений всего юго-восточного комплекса (см. рис. 35). С севера небольшой вспомога-

тельной стенкой была отгорожена площадь к востоку от сооружения II периода (помещение 26). Крайний юго-восточный угол комплекса был разрушен и смыт в последующее время.

Первое помещение III периода, вход в которое находился в его северо-западном углу, в плане асимметрично — помещение 23, размером 6×4 м, к востоку расширяется. В помещении сверху залегал уплотненный оплыв, местами с зольными пятнами, песком, мелкой галькой, черепками крупных сосудов. Под северной стеной помещения у входа на полу, который был на уровне середины X яруса, обнаружено большое кострище протяженностью вдоль стены примерно 3 м и около 2 м в поперечнике. Кострище состояло из рыхлой золы, угольков, смешанных с песком, пол под ним обожжен. В самом кострище рассеяно много фрагментов керамики и костей домашних животных. Тут же обнаружены разрозненные кости человека, вмятые в кострище, но не носившие следов воздействия огня. Они принадлежали одному человеку, расположение их весьма приблизительно соответствовало анатомическому порядку. Костяк ориентирован на запад, восточнее находились позвонки, ребра и фрагменты тазовых костей, но нижняя челюсть, многие ребра и обнаруженные кости конечностей были в разрозненном состоянии вокруг черепа и позвонков, многих костей не хватало, отдельные находились за пределами кострища. Никакого сопровождавшего инвентаря при костях не было, кроме фрагментов битой посуды и мелких костей домашних животных, часто покрытых копотью и обожженных.

Судя по всему, перед нами погребение очищенных по зороастрийскому обряду костей человека на остывшем кострище. Данное захоронение, произведенное у входа в самый поздний комплекс, с ярким проявлением культа огня относится к последнему моменту функционирования всего сооружения, когда, видимо, помещения III строительного периода пришли в упадок. Кости и кострище перекрывались уплотненным пластом глины толщиной в центре до 50 см.

Заложенный в южной части помещения 23 стратиграфический шурф 12 показал, что глиняный пол в середине X яруса, где находилось кострище, имел толщину в 5 см. Под ним 15-сантиметровая прослойка неса, ниже, до середины XII яруса, пласт плотной глины, под ним глина с золой, затем до середины XIII яруса плотный песок с примесью глины. Ниже до конца XIV яруса плотный песок с небольшим количеством глины, под ними 10—15-сантиметровый слой глины. Затем половину XV яруса составляла зола, а под ней 10—15-сантиметровый слой глины. С конца XV яруса залегал материковый гравий и песок.

Южная стена помещения 23 являлась и северной стеной помещения 21. Вход шириной 0,6 м располагался в ее восточной части. Далее на юг через проход в восточной части южной стены помещения 21 шириной 0,7 м находилось помещение 22. Толщина стены, отделявшей помещения 21 и 23, составляла 0,65 м, а поме-

щения 21 и 22—0,5 м. Размер помещения 21 достигал 5,0—5,3×2,1—2,3 м, а помещения 22—5,5—5,0×5,1—5,3 м.

Заполнение помещения 21 состояло из плотной глины сверху (от середины X до середины XI ярусов) и рыхлого слоя песка с глиной (нижняя половина XI яруса). В помещении 22 почти то же самое, но в XI ярусе шли слои золы, угля с уплотненной глиной и местами песком. XII ярус состоял из рыхлого песка. В юго-западном углу помещения найден грушевидный в плане очаг диаметром 50 см. Он слегка углублен в пол и обращен на северо-восток, вокруг него пятна золы с углем, обломки чаш и кувшина. Полы этих помещений понижались с уклоном к югу.

Через юго-восточный угол помещения 23 вел проход в коридор шириной 1,2—1,5 м (помещение 24). Коридор тянулся на 6 м на юг вдоль помещений 21 и 22, затем под прямым углом поворачивал на восток. Возможно, он служил для сообщения с помещениями 18 и 20. В нем весь X ярус на севере и начало XI яруса на юге заполнено глиной с небольшими примесями песка. Под песком до глинобитного пола в середине XI яруса 20—30-сантиметровый слой золы и угля, отдельные куски обгоревших бревен, около восточной стены завал обожженной глины. Все пласты едва наклонены с севера на юг. В юго-западной части коридора вскрыты отложения под полом. Выяснилось, что под ним стены коридора продолжались вглубь до начала XII яруса, т. е. еще на 20—25 см.

Под полом в XI ярусе обнаружена небольшая прослойка золы, под ней до начала XIII яруса — глина, в некоторых местах с костями, весьма похожая на забутовку или небольшую платформу. Ниже до дна шурфа (начало XIV яруса) — песок.

От помещения 23 вдоль южной и восточной стены забутованного помещения 16 тянулся коридор шириной 1,2—2 м — помещение 19. Заполнение восточного отрезка коридора довольно однообразно, на полу небольшой культурный слой, занесенный песком. Южный отрезок этого коридора сверху (X ярус) забит золой с углем и небольшим количеством песка. В этом слое встречены кости и керамика, в XI ярусе — песок, местами — плотная глина.

Второй коридор находился к востоку от помещения 19 — это помещение 18. Их отделяла стена толщиной менее 1 м. Северная стена у помещений общая, длиной 6 м. Толщина восточной стены помещения 18 всего 0,5 м, ширина коридора 1,6 м. Коридор шел параллельно помещению 19 с севера на юг и огибал помещение 20, соединяясь с помещением 24. Общая длина его около 23 м; заполнен в XII ярусе песком, в XI ярусе (самый верх) — чередовавшимися слоями золы, угля и глины.

Между помещениями-коридорами 19, 18 и 24 находилось помещение 20 размером 8×5 м. Юго-восточный угол его не сохранился. С этой стороны, видимо, и был вход в помещение. Оно вытянуто в широтном направлении. Верхние слои помещения состояли из

зола с углем. Под золой в XI ярусе — плотный слой глины. В юго-западной части на этом уровне — рыхлый слой песка. Посередине помещения на уровне глинобитного пола в XII ярусе следы очага.

К северу от описанных помещений вскрыт небольшой дворик размером 4,5×11 м (помещение 26), обращенный к северу. С запада его ограничивала восточная стена основного сооружения, с юга — стена забутованного помещения 16. Внутри дворик заполнен песком и обломками кладок рухнувших стен. Его перекрывал слой золы и пепла с угольками (X—XI ярус). Выше опять завал, в слое которого угля и пепла не обнаружено. Здесь найдены остатки обгоревшей, поперек лежавшей деревянной балки. Видимо, дворик был частично перекрыт в южной части. Глинобитный пол открыт внизу XIII яруса. Выше пола 20-сантиметровый слой гравия, ниже — материк в виде гравия с песком.

К востоку от дворика мы заложили несколько контрольных траншей. Как выяснилось, архитектурных остатков здесь не было — в основном прорезаны слои песка с гравием. Однако в некоторых местах, ближе к стенам памятника, на расстоянии 3—4 м от стен вскрыты прослойки культурных отложений в виде линз глины с золой.

В помещении 26 в квадрате Я-28 обнаружен крупный хум без дна, врытый в накопленные плотные глинисто-песчанистые отложения помещения 26 и на 20 см утопленный в плотный глиняный пол. Сосуд доверху заполнен тонкими прослойками глины и песка с массой мелких угольков. На уровне венчика хума отмечены следы большого кострища, горевшего вокруг отверстия сосуда: зола, угли, горелая земля с небольшим количеством керамики и костей. Хронологически данный хум отнесен к концу функционирования Сеталак-I.

Довольно узкий проход между краем пандуса и комплексом помещений III строительного периода, отмеченный на плане как помещение 25, более чем на 1 м от уровня пола забит золой, углями и кусками обожженной докрасна земли, все это сверху перекрывали глинистые оплывы и песок.

Таким образом, на протяжении длительного времени существования комплекс Сеталак-I при всех коренных перестройках сохранил свои существенные особенности: разделение всех возводимых комплексов на две отдельные функциональные части (парадную и замкнутую), функционирование помещений 1 и 2 первого строительного периода, южной и северной половины комплекса второго периода и сохранение большой площадки, перекрывшей все прежние строения и комплекс подсобных помещений в юго-восточном углу ее третьего периода. Постоянен также характер культурных отложений на памятнике на протяжении всех перестроек и переделок его, состоявший из множества зольников, перекрытых горизонтами глины либо земляных и песчаных насыпок. Все это свидетельствует о неизменном характере отправлявшегося здесь культа и связанных с ним ритуалов.

Археологические находки комплекса Сеталак-I

При раскопках комплекса Сеталак-I, преимущественно из многочисленных золистых прослоек, получен набор археологических находок, прежде всего большое количество костей домашних животных и фрагменты керамики. Археологически определяемые, отобранные для классификации фрагменты сосудов, включая и керамические изделия, такие, как очажные подставки, пряслица и др., составляли около 1000 экземпляров. В целом весь материал, происходивший из культурных отложений всех трех периодов комплекса Сеталак, представлял собой единый по облику археологический комплекс.

Хронологически комплекс находок Сеталака соответственно строительным периодам можно разделить на три большие группы. В первую вошли находки, обнаруженные в первоначальном квадратном здании I строительного периода, во вторую — из сооружения II строительного периода и в третью — из комплекса III строительного периода.

Первая группа представлена небольшим количеством фрагментов керамики, полученных из заполнения здания I строительного периода, т. е. насыпок и забутовок. Однако, поскольку засыпка производилась до возведения сооружения II строительного периода из грунта, который накопился в течение функционирования здания I периода, этот комплекс находок, происходивший из забутовок интерьера здания I периода, хронологически связывается с ним.

Среди находок встречено шесть фрагментов венчиков хумов, изготовленных из плотного красного теста, иногда в изломе сероватого цвета, сверху покрытого красным либо светло-серым ангобом. Сосуды лепные, с весьма характерным профилем. Шейка отсутствует. Уплощенный валикообразный венчик отделен от довольно крутых плечиков, переходящих в тулово рельефной ложбинкой шириной в палец (рис. 37, 25, 26): Венчик, слегка вогнутый с внешней стороны в поперечном сечении, покрыт ритмично повторяющимися вдавлениями от пальца. Диаметр по вершине валика 30—35 см. На всех фрагментах черные или темно-коричневые потеки.

В числе находок шесть фрагментов крупных фляг с уплощенной стороной, крупными короткими горловинами и резко отогнутым наружу валикообразным венчиком диаметром 8—20 см. (см. рис. 37, 21, 24).

Более мелкие сосуды представлены фрагментами кувшинов (см. рис. 37, 13, 14) и нескольких типов корчаг (см. рис. 37, 16, 18). Встречено 14 фрагментов венчиков кувшинов. Большинство из них представляли собой вариации отогнутого наружу округлого валика (см. рис. 37, 14), слегка уплощенные сбоку либо оттянутые наружу. Диаметр их достигал 8—10 см. Горловина невысокая, слегка вогнутая. Ангоб преобладал красный, реже светло-желтый.

В комплексе отмечено три экземпляра совершенно иного типа кувшинов. Это крупные, видимо, сферические сосуды, светлоангоби-

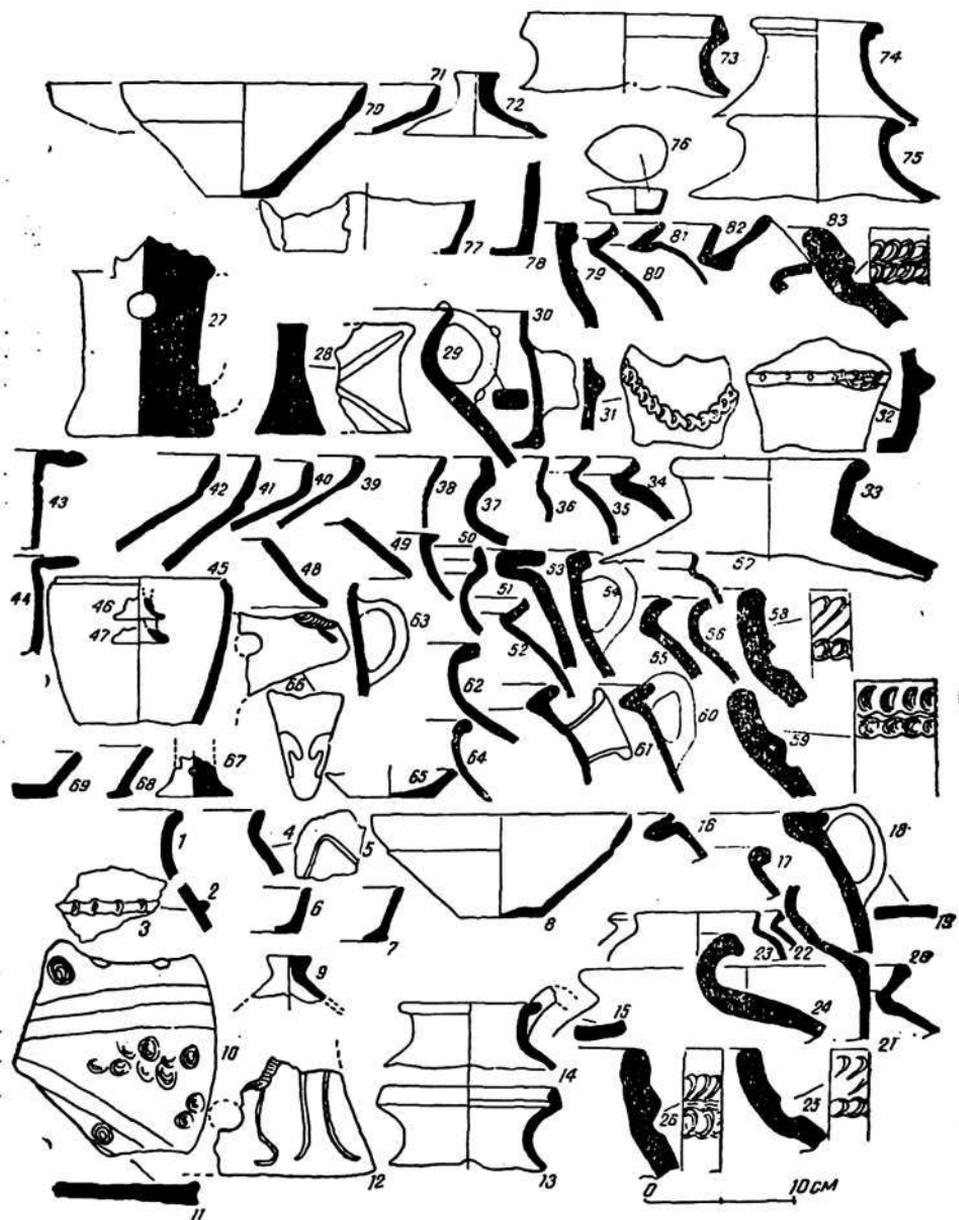

Рис. 37. Сеталак-I. Керамика

рованные, с короткой широкой горловиной, плоским вертикальным, слегка расширяющимся книзу валиком, в изломе переходящим к

вогнутой шейке, которая плавно идет к широким плечикам. Сосуд в верхней части имел s-образный профиль (см. рис. 37, 13). Самые многочисленные сосуды сферической формы с широкими, плоскими венчиками диаметром около 15 см, с краями, резко отогнутыми наружу и приплюснутыми к верхней части венчика. К венчику крепилась плоская петлевидная ручка. Всего отмечено 9 экз. фрагментов подобных сосудов. Венчики другой разновидности корчаг (5 экз.) также широкие и отогнутые наружу, но не приплюснутые к плечикам. Сосуды — с почти прямым углом излома между верхней частью тулова и венчиком, диаметр которого составлял 15 см, а иногда и меньше (см. рис. 37, 16—20).

Одним экземпляром представлен фрагмент венчика корчаги, покрытый светловато-желтым ангобом, со сферическим туловом, венчиком диаметром около 18 см в виде отогнутого наружу валика (см. рис. 37, 17).

Для фрагментов тонкостенных широких конических чаш (32 экз.) характерны небольшое плоское донце, широкое коническое тулово и слегка загнутый с небольшим изломом ланцетовидный в разрезе край, окрашенный с внешней стороны в темный цвет. Диаметр чаш по краю 20—25 см (см. рис. 37, 8).

Помимо прочего, встречена большая плоская лепная крышка диаметром 32 см, украшенная проведенными пальцами радикальными рельефными полосами сямкой между ними (см. рис. 37, 10, 11). Кроме того, два фрагмента круглых ручек от широких конических крышек сосудов, изготовленных на гончарном круге (см. рис. 37, 9), четыре пряслица (два алебастровых и два из фрагментов керамики), невыразительные обломки лепных котлов и жаровень, фрагмент крупной прямоугольной очажной подставки, ornamentированной вертикально прочерченными полосками (см. рис. 37, 12).

Около 80% керамического материала получено из культурных остатков внутри II строительного периода. Причем, большинство их найдено в мощных зольниках верхней части памятника.

Особое место в типологии керамики II периода Сеталака занимали хумы, отличавшиеся своеобразной формой и устойчивым, характерным для всего комплекса обликом. Это были крупные сосуды яйцевидной формы со слегка выпуклым дном на песчаной подсыпке. Диаметр тулова 0,6—0,8 м, высота более 1 м. Горловины имели характерный в разрезе профиль в виде плоского валика, отделенного от плечиков. Поверхность красноватого, коричневого и желтоватого цвета. Верхнюю часть покрывали большие темно-коричневые или черные пятна со следами потека тулова до дна. Встречено небольшое количество и неокрашенных сосудов. Высота венчиков хумов 3—5 см, толщина несколько превышала толщину стенок сосудов (см. рис. 37, 58, 59). Поверхность венчика и ложбинок волнистая от параллельных вдавливаний пальцами. По характеру профиля и углу наклона относительно профиля венчика большинства хумов можно разделить на две разновидности.

К первой относились венчики, в разрезе продолжавшие линию круглых плечиков, причем у сосудов с таким венчиком верхний край горловины сильно сужен. Венчики второй разновидности отогнуты наружу, в разрезе приближаясь к вертикальному. Кроме того, в комплексе отмечено 15 фрагментов венчиков хумов с несколько иным профилем, не отделенным от плечиков ложбинкой, они несколько укорочены, утолщены, с резко выделенным нижним гребнем. Такие венчики характерны для более поздних комплексов.

Среди находок встречено несколько фрагментов хумов гончарной обработки. У трех из них венчики в виде плоских валиков, от плечиков они отделены слабо выраженной ложбинкой. На поверхности одного венчика слабо выраженные параллельные следы вмятин пальцев. Видимо, эти фрагменты следует считать результатом влияния или обмена исконного населения древнебухарского оазиса с носителями культуры Сеталака, которые изготавливали только лишь лепные хумы.

Кроме хумов, встречается другая крупная форма сосудов — керамические фляги. Они использовались для транспортировки воды. Фляги были двух разновидностей: крупные и мелкие формы — полусферические или уплощенные, с одной стороны шаровидные (см. рис. 37, 33). Короткая оттянутая наружу горловина с круглым в сечении венчиком прикреплялась к тулову с боковой стороны. Диаметр мелких фляг составлял около 30 см, крупных — более 50 см, диаметр горловины 10—30 см. Поверхность фляг была украшена потеками черной краски. Объемистые крупные фляги характерны для позднеантичной культуры Бухарского оазиса. В комплексе II строительного периода — их подавляющее большинство, в то время как фрагментов мелких фляг встречено всего несколько.

Один из ведущих типов комплекса керамики Сеталака — корчага. Это сосуд сферической формы диаметром 25—35 см с плоским дном, широкой горловиной и отогнутым наружу венчиком черного цвета, под которым с одной стороны короткий расширявшийся слив, а с другой — короткая плоская вогнутая в поперечном сечении ручка (см. рис. 37, 34, 52, 56, 60, 61). Всего в комплексе встречено 55 экз. фрагментов венчиков корчаг этого типа. Широкий плоский венчик корчаг, хотя и резко отогнут наружу, но к плечикам не приплюснут. Фрагментов венчиков таких корчаг — 24 экз. Отмечена небольшая группа корчаг также с широким отогнутым наружу венчиком, с наличием с внутренней стороны уступа для крышки. Часть из них напоминала горшочки с вертикальным краем и очень короткой, резко суженной шейкой (см. рис. 37, 36, 57). В комплексе фрагментов таких венчиков — 23 экз. Следует отметить, что они не имели ручек и носиков, однако под венчиком вырезалось отверстие для подвешивания сосудов. Среди находок встречено несколько разновидностей сосудов, которые можно отнести к группе корчаг, в частности, это фрагменты тонкостенных

сферических горшочков диаметром 10—12 см с плавно отогнутым наружу тонким плоским венчиком, некоторые из них более миниатюрные высотой 5—7 см с венчиком диаметром 7—9 см, причем без ручек и носиков.

Кроме того, встречено несколько фрагментов больших и малых корчаг, которые по облику, признаку и свойствам в корне отличались от традиционных керамических изделий группы памятников Сеталак и Кызылкыр. Это касается двух фрагментов округлых валикообразных венчиков с едва выделенным уступом для крышки по верху диаметром около 20 см, трех фрагментов крупных корчаг с короткой вертикальной шейкой и уплощенным сверху прямоугольным венчиком и фрагмент более объемистой корчаги с прямоугольным в разрезе оттянутым наружу и уплощенным сверху венчиком, плоской петлевидной ручкой (см. рис. 37, 54). Эти сосуды аналогичны традиционным формам позднеантичной керамики Бухарского оазиса.

Кувшинов в комплексе гораздо меньше, чем корчаг. Археологически целых форм не встречено. Судя по обломкам стенок, эти кувшины представляли собой широкие приземистые сосуды с короткой горловиной (см. рис. 37, 38, 51, 62, 64), в основном с венчиком, слегка отогнутым наружу, округлым, иногда слегка уплощенным или оттянутым наружу валиком.

Многие фрагменты крупных сосудов имели прикрепленную с краю плоскую дуговидную ручку. Десять венчиков приземистых широких сосудов диаметром 10—12 см отличались s-образным профилем, почти незаметным сужением в верхней части с плавным переходом в нижней части к вогнутой шейке (см. рис. 37, 51). Ручки отсутствовали, ангоб светлых тонов. Пять экземпляров кувшинов имели небольшие треугольные в сечении венчики. Три экземпляра представляли собой фрагменты небольших сосудов со сферическим туловом. Венчик не выделен. Тонкий высокий край горловины этих сосудов расширен. Диаметр — около 10 см. Эта форма является типологически промежуточной между корчагами, горшками и кувшинами. Два экземпляра представляли фрагменты венчиков кувшинов с плоским оттянутым наружу краем (см. рис. 37, 50).

Единственным типом посуды, которая могла служить на Сеталаке для приема пищи, была тонкостенная керамическая чаша с небольшим донцем диаметром 4—6 см. Диаметр венчика 20—25 см. Край чаши слегка закруглен, сверху отделен слабым коленчатым изломом, подчеркнутым с внешней стороны небольшой ложбинкой (см. рис. 37, 41, 42). Чаша с внешней стороны по краю или сплошь до дна окрашена черной, иногда темно-коричневой краской. Профили и внешний вид фрагментов больших и малых краев чаш (их 250 экз.) удивительно стандартны. Исключение лишь составили фрагменты двух широких чаш с диаметром венчика около 30 см. Среди фрагментов встречены и почти целые

экземпляры. Кроме того, найдено около 50 фрагментов нижних частей донец этих сосудов.

Уникальной формой, возможно привнесенной, являются фрагменты небольших банкообразных сосудов (см. рис. 37, 43, 44) и кубка с тонкими, почти вертикальными стенками и едва загнутым вовнутрь краем диаметром 12 см (см. рис. 37, 45).

Обнаружено несколько десятков фрагментов широких конических крышек диаметром 10—30 см, изготовленных на гончарном круге, с небольшой цилиндрической ручкой, в которой палочкой проделано отверстие (рис. 37, 48, 49). Они предназначались для сосудов типа корчаг и горшков.

К керамической продукции II строительного периода можно отнести 12 целых и фрагментированных пряслиц диаметром 3—6 см, полученных из черепков различной толщины. Два из них изготовлены из небольших кольцевидных внутри полых поддонов кубков (см. рис. 37, 46, 47). Помимо этого, в слоях золы и пепла комплекса II строительного периода обнаружено некоторое число изделий, характерных для лепной керамики. В основном они представлены посудой трех типов. К первому относились плоские тонкие жаровни с невысоким вертикальным бортиком диаметром около 30 см, высотой примерно 3 см (см. рис. 37, 68, 69). Второй тип составляли небольшие приземистые горшочки с округлым туловом и широким плоским дном, с плоскими вертикально-прилепленными или петлевидными ручками с обеих сторон. Нередко эти сосуды украшались идущими вокруг тулова волнистыми налепными валиками с насечкой либо прочерченными палочкой зигзагообразными линиями (см. рис. 37, 30—32). Встречено два фрагмента лепных кувшинов, приземистых, с плоской или округлой петлевидной ручкой, в нижней части украшенной круглым небольшим налепом (см. рис. 37, 29). Единичными фрагментами представлены обломки миниатюрных горшочков, в поперечнике достигающих более 10 см, и фрагмент небольшого светильника (см. рис. 37, 67). Всего отдельных фрагментов лепной керамики обнаружено около 50 экз.

Третий тип представлен фрагментами прямоугольных очажных подставок — их 15. Они подразделялись на крупные и мелкие. Первые украшены по периметру зигзагообразно прочерченными полосами. Вторые с двух сторон украшены рельефными перекрещивающимися полосами, проведенными пальцами (см. рис. 37, 28). И мелкие, и крупные подставки имели в центре сквозные отверстия. Одним экземпляром представлен обломок фигурной подставки, увенчанной на конце изображением головы барана (см. рис. 37, 66). Среди находок две цилиндрические ножки. Одна небольшая, с расширяющимся плоским поддоном. Сужавшийся кверху стержень ножки обломан. Вторая ножка, видимо, принадлежала крупной жаровне размером в поперечнике около 9 см, высотой 15 см. В ножке — круглое отверстие (см. рис. 37, 27).

Все сосуды из лепной керамики изготовлены из теста с примесью шамота, невелики, хрупки и непрочны. Возможно, они выполняли функцию ритуальной утвари. Это подтверждается находкой раздавленной жаровни при расчистке крупного зольника в помещении 8, сверху перекрытого позднейшей закладкой. Под ней обнаружены две раздавленные очажные подставки. Мы полагаем, что эта жаровня, установленная на подставках, находилась на кострище.

Находки из помещений II строительного периода представлены костями животных и керамикой. Встречены фрагменты венчиков хумов (11 экз.). Они лепные, покрыты черной, наполовину осыпавшейся краской и сохраняют характерный для всего комплекса облик. В юго-восточной части обнаружены хумы, отличавшиеся тем, что их венчик не всегда являлся продолжением нижних плечиков сосуда. Часть их была слегка отогнута наружу. В отдельных случаях они прикреплены вертикально. Резче выделялся гребень, отделявший нижнюю часть плоского венчика от ложбинок, идущих под ним (см. рис. 37, 83).

Помимо этого, встречен венчик с невысоким валиком. Как правило, венчики хумов Сеталака-I имели высоту 3—5 см. Толщина же венчика около 2 см. Мелкие косые вдавления пальцем по его краю заглажены и почти незаметны. Указанная разновидность венчика, как и плоские венчики с отогнутой наружу частью, являются признаком более поздних форм хумов для данного района и отмечены в подъемном материале многочисленных поселений, расположенных к северо-востоку от Сеталака и относящихся к последующему за ним времени.

Среди находок встречено семь фрагментов фляг. Они довольно выразительны, и, видимо, принадлежат сравнительно небольшим сосудам.

Кроме того, обнаружено 6 экземпляров венчиков корчаг, 4 из них представляют типичные для Сеталака формы с широким пластинчатым, отогнутым наружу венчиком (см. рис. 37, 80, 82). Одним экземпляром представлен фрагмент корчаги с валикообразным округлым венчиком, имевшим с внутренней стороны уступ для крышки. Один фрагмент представлял обломок верхней части более крупной толстостенной корчаги. Венчик у нее подквадратный в разрезе, в виде двойного валика с внешней стороны, сверху уплощенный. Невысокая слабо вогнутая шейка отделена от плечиков тоненьким рельефным валиком (рис. 37, 79). Сосуд покрыт светло-коричневым ангобом. Подобные формы встречены на раскопках городищ современного Бухарского оазиса. Этот сосуд был не сеталакского производства. В комплексе множество фрагментов кувшинов (17 обломков венчиков, 3 — донец). В большинстве они красноангобированы и покрыты черными потеками. Шейка укорочена (2—3 см), горловина широкая (6—7 см). Профили венчиков сильно варьируют, некоторые приближаются к венчикам с s-образным профилем (см. рис. 37, 73). В основном преобладали

венчики с округлым валикообразным профилем (см. рис. 37, 75). У многих сосудов — слегка вытянутая к низу закраина.

Встречено 14 фрагментов чаш и одна почти целая (см. рис. 37, 70). Она изготовлена из красного теста с примесью песка и мелких белых крупинок. Ангоб красного цвета. Поддон небольшой диаметром 4 см, тулово коническое.

Кроме того, обнаружены фрагмент широкой конической крышки (см. рис. 37, 72), три пряслица, миниатюрный лепной светиль-

Рис. 38. Знаки, прочерченные на сосудах

ник диаметром 3 см с оттянутым носиком и несколько невыразительных обломков лепных котлов и очажных подставок.

Следует особо остановиться на знаках, прочерченных тоненькой палочкой поверх еще необсохшей гончарной продукции Сеталака (рис. 38) — характерной особенности группы памятников Сеталака и Кызылкыра. В комплексах керамики, полученной при раскопках античных городищ, в частности Рамиша, они отсутствовали. Эта особенность, присущая керамике группы комплекса Сеталак—Кызылкыр, имела аналогии в более северных районах и прежде всего по среднему течению Сырдарьи.

В комплексе Сеталака имелось 48 обломков с нанесенными на них знаками. В основном, это были фрагменты хумов, фляг, корчаг и кувшинов. Небольшие знаки целиком сохранились лишь на некоторых фрагментах, на большинстве видны лишь беспорядочные обрывки отдельных пересекающихся линий. Мы выявили изображение нескольких разновидностей. Так, на фрагменте крупной фляги мы видим изображение крупноочерченного прямоугольного поля, разделенного редкими вертикальными полосами. Два фрагмента кувшинов и один обломок плечика хума украшены прочерченными линиями в виде квадратной решетки. На трех фрагмен-

тах стенок кувшинов имелись четкие солярные знаки в виде круга. Встречена и другая разновидность знаков — в виде трилистника или наконечника стрелы, острого угла с прочерченной посередине линией. В трех случаях этот знак на стенках кувшинов, в одном — на крутом плечике фляги. На четырех фрагментах знаки в виде одной или двух параллельных прямых линий, поверх которых или рядом прочерчены одна или две волнистые линии.

Возможно, эти знаки имели значение мистического оберега, предохранявшего сосуд и его содержимое от всего дурного. Характерно, что на чашах прочерченных знаков не было.

В небольшом количестве на Сеталаке-I встречены изделия из кости и металла. Среди них выделялись десять костяных изде-

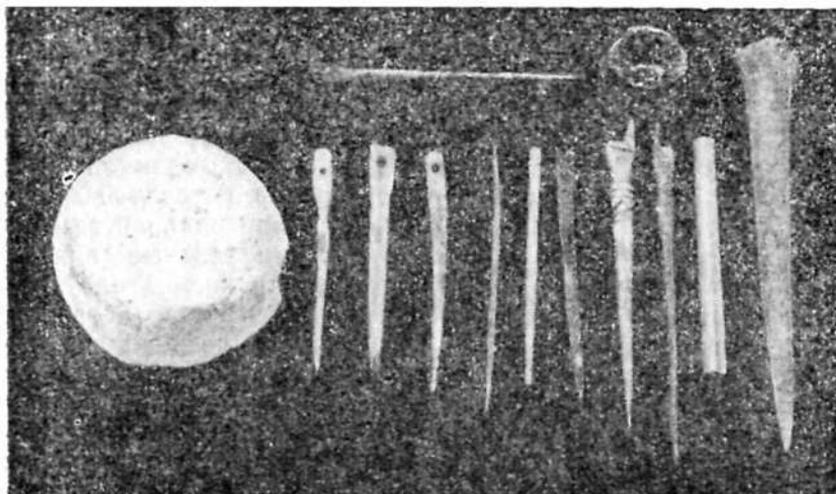

Рис. 39. Сеталак-I. Мелкие годелки

лий — в основном это шпильки и иглы, стандартные по облику и длине (8—9 см). Тонкий конец тщательно заострен. На двух шпильках резные навершия в виде кулачка с вытянутым указательным пальцем, у третьей навершие обломано (рис. 39). В Средней Азии эти предметы встречались на памятниках древности и раннего средневековья. В Самарканде до недавнего времени употреблялись совершенно аналогичные нашим шпилькам палочки из дерева для туалета. Не исключено, что сеталакские шпильки служили этой же цели, хотя они могли быть просто заколками (см. рис. 39).

Среди находок обнаружены четыре крупные костяные иглы, тщательно выточенные из фрагментов трубчатых костей. Обратный конец довольно грубый и широкий, размер ушка в поперечнике 1—1,5 мм. Иглы на 1—2 см короче шпилек и гораздо грубее их. Обнаружено острое шило, изготовленное из вдоль расколотой

трубчатой кости джейрана, а также небольшая полированная костяная трубочка длиной чуть более 6 см, видимо, изготовленная из трубчатой кости бекаса.

Из металлических предметов следует упомянуть медную иглу и небольшой медный перстень с широким овальным щитком (см. рис. 39). В западной части среди прочих находок найден железный обоюдоострый кинжал со следами истлевшего дерева на массивном черенке.

Кроме того, обнаружены бусины из стеклянной пасты: одна цилиндрическая, зеленого цвета, другая — из желтой пасты в виде цилиндра, суженного на двух концах. Помимо этого, в кладке

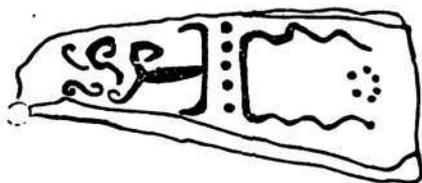

Рис. 40. Сеталак-I. Изображение стилизованной тамги на черепке

стены первоначального здания в углу дверного проема найден небольшой предмет из алебаstra неправильной полусферической формы, диаметр которого составлял 7 см (см. рис. 39).

Уникален небольшой фрагмент керамики с прорисованной на тыльной стороне его красной краской сложной стилизованной тамги. Подобные тамгообразные знаки широко распространялись в первых веках нашей эры не только в кангюйско-сарматской среде, но и южнее — у кушан и сасанидов.

Изображение тамги Сеталака-I четко делилось на верхнюю и нижнюю части (рис. 40). В верхней части вместо обычной кангюйской s- или u-образной дуги различных вариантов мы видим пышный султанчик из s-образных завитков на стройном стержне с направленными вверх короткими отростками, нарисованном с двух сторон горизонтальной черты. Нижняя часть отделена горизонтальным рядом отдельных точек — перлами. Она состоит из горизонтальной линии с длинными волнистыми отростками, направленными к низу, в самой нижней части — точечный кружок из шести перлов. В своей основе тамга, несомненно, восходит к знакам, известным по монетам Бухарского чекана III—IV вв. н. э., т. е. синхронных времени функционирования Сеталак-I.

Близкий по стилю знак в виде двойной приземистой вилки с коротким стержнем, прочерченный на фрагменте стенки крупного кувшина, обнаружен на объекте-5 в северо-восточной части от Сеталака-I. Только у знака на черепке из Сеталака верхняя вилка дополнена стройным стержнем с завитком, вместо стержня — точечный ряд, а нижняя вилка имела удлиненные извилистые концы с точечным кружком между ними.

Основная особенность данного знака — верхний стержень с пышными s-образными завитками сверху, которые могут быть истолкованы как крайне стилизованное изображение пламени. В таком случае знак, восходящий в своих истоках к родовому символу далеких предков кангюйцев и следующих за ними эфталитов, до-

полняется идеей светильника или курильницы, связанной с культом огня.

Важной для определения даты функционирования комплекса Сеталак-I является находка монеты типа чекана Гиркода. Она обнаружена в культурных отложениях II строительного периода Сеталак-I (квадрат Ц-26, VI ярус). На аверсе — бюст правителя, на реверсе — стоящая анфас фигура с копьем в правой руке.

Почти все основные типы сосудов, характерные для памятников изучаемого района, в том числе и Сеталак-I, имели близкие аналогии в каунчинской керамике поселений по среднему течению Сырдарьи: горшки и котлы с округлым туловом и плоским дном, с ручками в виде сплошных ушек, орнаментированные на плечиках, s-образными или волнистыми налепами и насечками хумы с венчиками, орнаментированными вмятинами пальцев (19, рис. 59), аналогичные в профиле открытые чаши с изломом стенки в верхней части и небольшим плоским донцем, кувшины с яйцевидным туловом и петлеобразной ручкой в верхней части. Аналогии отмечены и в более специфических формах: лепных очажных подставках, оформленных с двух сторон в виде протом баранов, либо небольших прямоугольников с отверстием посередине, курильницах на ножке с небольшим вазообразным резервуаром наверху, лепных сосудах с орнаментом в виде волнистых валикообразных налепов с вмятинами или насечками, плоских лепных крышках, украшенных вмятинами пальцев (19, рис. 16, 59).

Однако керамика комплекса Сеталак-I отличалась от каунчинской, в частности отсутствием кружек с зооморфными ручками, наличием приземистых округлых корчаг, изготовленных на гончарном круге с коротким цилиндрическим сливом и резко отогнутым наружу плоским венчиком, и т. д.

Что касается Бухарского оазиса, близкий Сеталаку комплекс был открыт в верхней части городища Рамиш и датирован III—V вв. н. э. Ранее при раскопках Куюмазарского и Лявандакского курганных могильников, расположенных на периферии Бухарского оазиса, в погребениях обнаружены корчаги, чаши и кувшины, аналогичные сеталакским. Эти погребения датированы II—V вв. и V—VI вв. н. э. (35, 36).

Близкий комплекс керамики был встречен в свое время на городище Варахша. Отмечено, что эта керамика относится ко времени, предшествующему раннему средневековью (59).

В Самаркандском Согде комплексы с каунчинским влиянием известны с городища Афрасиаб. Они датированы III—IV вв. и более поздним временем (17, рис. 15—16). Самаркандская керамика этого времени отличалась от бухарской существенными чертами, в частности, наличием крупных широких ваз на ножках. Аналогичная керамика III—IV вв. н. э. отмечена также для курганных могильников, расположенных вокруг Самаркандского оазиса (39). В долине Кашкадарьи в III—V вв. отмечалось появление каунчинского влияния в формах керамики. Особенно четко это выяв-

лялось на городище Еркурган, где в слоях III—V вв. обнаружен ряд аналогий комплексу Сеталак (15, стр. 216—229). Это горшки, орнаментированные по плечикам процарапанными волнистыми линиями, с отогнутым наружу венчиком, имевшим уступ для крышки, кувшины, фляги, уплощенные с одной стороны, и т. п. Такая же картина наблюдалась и на сельских поселениях Каршинского оазиса, относившихся к III—V вв., хотя в целом керамика типологически отличалась от комплекса Сеталак. Совпадали по форме очажные подставки, курильницы, лепные горшки (16). Аналогичная картина влияния каунчинской культуры на типологию керамики III—V вв. отмечена и в Хорезме (4, с. 161).

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ БУХАРСКОГО ОАЗИСА НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Материалы, полученные при раскопках памятников группы Кызылкыр и Сеталак, относятся к одному из важнейших и во многом пока не изученных периодов истории Согда — эпохе поздней античности и перехода к раннему средневековью.

Для керамического комплекса этих памятников характерен небольшой, но типологически устойчивый набор форм: хумы с рельефными венчиками, корчаги с широким коротким сливом, приземистые кувшины с дуговидной ручкой и широкие керамические чаши, покрывавшиеся потеками черной краски. Гончарную посуду дополняли лепные горшки и жаровни, курильницы на ножках и очажные подставки либо шашлычницы. По составу и характеру индивидуальных черт, присущих отдельным формам, эта керамика находила тесные аналогии с каунчинской. Однако по облику она заметно отличалась от нее, что свидетельствует о дальнейшем развитии исходных форм каунчинской культуры на почве зародившихся контактов с местной культурой Бухарского оазиса. На влияние каунчинской культуры указывали многие исследователи, причем некоторые, идентифицировав ее носителей с упоминаемыми в районах распространения этой культуры (Согде, Хорезме и Фергане) кангюйцами, связывали это влияние и с культурой окружающих областей, с политической гегемонией Кангюя в Средней Азии, исходя из источников начала нашей эры.

Как показали стратиграфические раскопы, заложенные нами на двух крупнейших древних городищах — Рамитан и Рамиш, расположенных в центре древнебухарского оазиса, местное традиционное керамическое производство испытывало сильное влияние каунчинской керамики. Этим объяснялось появление лепных хумов с венчиками, рифленными пальцем, корчаг с широким цилиндрическим сливом, очажных подставок, изменение профиля чаш, окраска сосудов черными потеками и т. д. Однако при этом продолжали бытовать и прежние, свои, формы: хумы с валикообразным венчиком, изготовленные на гончарном круге, тонкостенные чаши с кольцевым поддоном и пр. (46). В находках вышележащих раннесредневековых слоев Рамиша заметно слияние этих

двух традиций, впоследствии приведшее к единому, характерному для раннего средневековья, облику керамики Бухарского оазиса.

Как отмечалось, памятники группы Кызылкыр—Сеталак, хотя и относились к одному большому отрезку времени в пределах III—VI вв., однако функционировали и обживались неодновременно. Наиболее ранние поселения их тяготели к юго-западной периферии этой группы. К самым древним, судя по характеру находок, особенностям строительной техники (в частности, размеры кирпича) и признакам керамического материала, отнесены поселения Кызылкыр-I и II и примыкавшие к ним топографически отдельные дома (10, с. 158—161; 33, с. 60—78).

Первый строительный период памятников Сеталака-I следует считать самым ранним. Хронологически к последующему периоду отнесены второй строительный период Кызылкры, второй и третий строительные периоды Сеталака-I, затем Сеталака-II, Нортепа и др. Позднее, когда Кызылкыр и Сеталак-I перестали функционировать, появляются новые укрепленные поселения этого древнего населения, медленно продвигающегося на северо-восток вверх по течению оросительных систем до границы современного оазиса.

Здесь на наиболее поздних обследованных нами объектах облик культуры значительно трансформировался, перейдя в типичную раннесредневековую, появились возвышавшиеся на глинобитных стилобатах башни. В дальнейшем в эпоху средневековья при повторном обводнении района Сеталак на отдельные бугры III—V вв. наслаивались слои X—XI вв., а местами встречались и материалы XVI в. и даже более позднего периода.

Таким образом, судя по комплексу материала, полученного на поселениях северо-западного района древнебухарского оазиса, в основном керамики, обнаруживавшей большую близость к каунчинским материалам, появление этих поселений и освоение данного района, видимо, следует отнести примерно к концу III в. н. э. Прочие материалы, в частности, статуэтки женского божества, железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы, бусы, грубые подвески из стеклянной пасты в виде кулачка и виноградной грозди из Кызылкры, также не противоречат этой дате.

Нумизматический материал представлен одним экземпляром позднего, довольно схематизированного варианта варварского подражания чекану Евтидема, обнаруженном на Кызылкры, и монетами типа Гиркода, найденными на Сеталаке-I и II и Кызылкры-III, дом-2. Низкопробный металл монет и стилистические особенности их штампов позволяют отнести их к поздним чеканам тех серий монет, которые выпускались с первых веков вплоть до III—IV вв. н. э. (14, с. 72). Следовательно, начало ирригационного освоения под земледелие данного района в низовьях Хитфара приходилось на конец III в. н. э. под влиянием носителей традиций каунчинской культуры, широко распространившихся в этот

период в Согде, а затем позднее со временем происходит слияние их с местной согдийской культурой. Причем, как прослеживалось по материалам более поздних объектов, расположенных к северо-востоку от Сеталака, а также на памятниках Кызылкыра и Сеталака, и на них заметно проявлялось влияние согдийской материальной культуры внутренних районов Бухарского оазиса.

С дальнейшим развитием различия в традиционной местной согдийской культуре и пришлой каунчинской типологии совершенно нивелируются и вырабатывается единый облик культуры раннесредневековой Бухары. Данный процесс протекает в основном в эфталитское время. В этом отношении характерно и направление древней оборонительной стены оазиса на данном участке: она проходила с северо-востока на юго-запад через центр группы памятников Кызылкыра и Сеталака, при этом Кызылкыр-I и II, Сеталак-I и II, Норттепа остались за пределами стены, а более поздние — Ертепа, Нуртепа, Талисанг и др. — оказались в пределах стены. Следовательно, оставшиеся за стеной памятники потеряли свое значение и ко времени возведения стены, видимо, были заброшены. Исходя из того, что В. А. Шишкин датировал эту стену не ранее III—IV вв. и не позднее VII в., можно полагать, что где-то в этих пределах первые поселения данного района были уже заброшены, а более поздние, расположенные ближе к современному оазису, обживались и укреплялись оборонительной стеной, возведение которой следует отнести, вероятно, к эфталитскому времени, когда на расположенном южнее городище Варахша стали возводиться дворец и новая мощная система защитных сооружений.

Наличие поселений или горизонтов с керамикой каунчинской традиции на многослойных городищах отмечалось по всему Бухарскому оазису, в том числе и для варахшинской округи. При осмотре баштепинской группы памятников, находившихся далеко за пределами стены Канпирак, на крайней западной границе древнеобводненных земель, на самом восточном из них холме, известном под названием Чуккитепа, отмечено наличие большого количества керамики, аналогичной материалам Кызылкыра и Сеталака, а на других буграх группы — лишь более ранняя керамика.

Большинство исследователей склонны отождествлять каунчинскую культуру, локализирующуюся на правобережье Сырдарьи, с Кангюем, который, согласно источникам, помещался на среднем течении Сырдарьи к северо-западу от Давани.

По мнению многих исследователей, появление каунчинских признаков в керамике Согда, Хорезма и даже Ферганы можно сопоставить с упоминанием о том, что Кангюю подчинялись пять малых владений, в число которых входил и Согд с Хорезмом.

Л. М. Левина выделяет три этапа в развитии каунчинской и оттаро-каратаусской культур: первый — с грани нашей эры по конец III — начало IV в. н. э., второй — IV—V вв. н. э., третий — VI — начало VIII в. н. э. Джетысарская культура в своем разви-

тии делится на два этапа: первый — I—III вв. н. э. и второй — с IV по VIII в. н. э. При этом она отмечала, что на первом этапе джетыасарская культура испытывала сильное влияние среднесырдарьинских культур, на втором, наоборот, среднесырдарьинская культура испытывала влияние джетыасарской. Отдельные элементы отделки сосудов были характерны для Южной Тувы и Монголии, что объяснялось Л. М. Левиной гуннским влиянием. И в то же время в конце III — начале IV в. происходит распространение комплексов керамики каунчинского облика на востоке, юге и юго-западе, возможно, как полагает Л. М. Левина, под давлением джетыасарцев, продвигавшихся вверх по Сырдарье (19, с. 229).

О передвижении в Согд носителей каунчинской культуры в начале II этапа развития этой культуры свидетельствует наличие в коллекции керамики Кызылкыра кувшинов с горизонтально рифленой горловиной, а также светильника на ножке с зубцами по краю, столь характерных для культуры Джетыасара (19, с. 236). Однако следует отметить, что керамика Кызылкыра и Сеталака, помимо большого сходства, имела и явное отличие от синхронных каунчинских комплексов, в частности отсутствие кружек с зооморфной ручкой, характерных для Каунчи.

III—IV века нашей эры — это начало переселения народов, охватившее и всю Среднюю Азию. Однако этот период в истории Согда не нашел отражения в источниках, имеются лишь косвенные отрывочные упоминания, которые мы можем сопоставить с отмеченным изменением в материальной культуре Согда этой поры. В частности, в хронике династии Цзинь (265—419) сообщается, что Кангюй перенес свою ставку с берегов Сырдарьи на юг в Согд (24, с. 19). А к середине IV в. относится сообщение Аммиана Марцеллина о появлении на арене Средней Азии хионитов, упоминающихся в дальнейшем вместе с кушанами-кидаритами. Как указывалось, распространение каунчинских традиций в материальной культуре Согда происходило в пределах этого отрезка времени. Видимо, эти сообщения являлись слабыми отголосками грандиозных по масштабам и длительных по времени этнических передвижений, захвативших обширные пространства Средней Азии. И то, что сообщения источников о передвижениях кангюйцев, поселившихся на Средней Сырдарье, и появлении на арене вслед за этим хионитов и эфталитов совпадало по времени с влиянием культур среднего течения Сырдарьи на Согд и другие оазисы Средней Азии, делает вполне вероятным этническое родство, а, возможно, и преемственность основного этнического состава кангюйцев, хионитов и эфталитов.

Таким образом, с начала IV в. в Бухарском оазисе наблюдается проникновение носителей каунчинской культуры в оседлые районы исконно согдийской культуры, чем и объясняется появление в верхних слоях Рамиша и других многослойных памятников каунчинских признаков. Комплекс керамики Кызылкыра и Сеталака, во многом сходный с материалами верхних слоев указанных

пунктов, отличался отсутствием традиционных форм древней согдийской керамики, продолжающих сохраняться в последних. Это валикообразные венчики хумов, мелкие тонкостенные чаши, широкие блюда и т. п. Отличие этих комплексов от Сеталака носило локальный характер, это отличия синхронных культур соседних районов. В самой Бухаре слои с керамикой, аналогичной кызыл-кырской, подстилала раннесредневековые горизонты. С дальнейшим развитием местная и каунчинская традиции, четко выявленные в керамике, сливаются, совершенно нивелируются, в результате чего вырабатывается единый облик раннесредневековой культуры Бухарского оазиса.

Что касается интерпретации культовой принадлежности Сеталака-I — культового сооружения группы поселений III—V вв. н. э., то наиболее существенным для нас является своеобразие архитектуры его центрального сооружения и стратиграфия слоев в виде чередующихся золистых и глинистых прослоек. Характерно значительное присутствие золы в восточной части сооружения, особенно в юго-восточных и северо-восточных углах, в то время как в западной она очень редка и в основном представлена тонкими прослойками.

В золистых прослойках обнаружено громадное количество костей мелкого рогатого скота, а в перекрывающих их глинистых или песчаных прослойках и насыпках — случайные редкие фрагменты костей и керамики.

Судя по характеру отложений, обряд, проводимый на поселении, заключался в возжигании большого костра и устройстве жертвенной трапезы, остатки которой вместе с посудой бросались в кострище, затем все это замуровывалось глиной или слоем земли. Через некоторое время это повторялось, причем характер культа не менялся на всем протяжении функционирования комплекса.

Совершенно очевидно, что перед нами святыня с ярким проявлением культа огня. Очень характерен момент фетишизации пепла от костра. Он, как правило, погребался и замуровывался глиной, либо засыпался землей с песком.

Следует отметить, что мощное кострище в помещении 13 II строительного периода имело под насыпкой ряд сырцовых кирпичей, выложенных в виде дорожки, по которой, видимо, проходили при служении и дальнейшей насыпке пепла.

Фетишизация золы и пепла, полученных при жертвенных возжиганиях, отмечена также при раскопках на греческих и скифских храмах Причерноморья. Характерно, что крупные зольники при храмах, в частности Неаполя скифского, находились к юго-востоку от святилищ (6). Зольники эти достигали более 10 м в поперечнике и до двух метров в толщину. В них обнаружены кости жертвенных животных и обломки битой посуды. Священные жертвенные зольники вскрыты и в жилых комплексах причерноморских скифов.

Почтительное отношение к золе сохранилось вплоть до недавнего прошлого в быту населения Средней Азии. Зола из очага обычно предавалась земле. Считалось предосудительным выбрасывать ее в мусор. В Хорезме бытовало поверье, что огонь нельзя заливать водой, в противном случае считалось, что заведутся джины (46, с. 27). Этнографически зафиксированное отношение к огню и золе перекликалось с засыпкой кострищ Сеталака землей и глиной. В источниках средневекового периода сообщалось, что около Бухары, где убит Сиявуш, каждый год совершали жертвоприношение огню (59, с. 233). Наршахи также писал о том, что на могиле Сиявуша у восточных ворот Бухары в канун нового года бухарцы при восходе солнца приносили в жертву петуха (29, с. 33). Исключительную ценность в этих скудных сообщениях имел тот факт, что поклонение Сиявушу было связано с жертвоприношением огню, что могила его помещалась у восточных ворот и обряд жертвоприношения во втором случае связывался с восходом солнца, и сам жертвенный петух в представлениях древних бухарцев неразрывно связан с культом солнца. На связь с солярными представлениями, несомненно, указывает и планировка Сеталака-I II строительного периода: сочетание квадрата с окружающими его четырьмя полукруглыми башнями. Следует упомянуть, что и крупное долговременное кострище на Сеталаке-II, имевшее сакраментальное значение, также располагалось в юго-восточной части комплекса и, видимо, было ограждено небольшим двориком.

Сеталак-I отнюдь не одинок в позднеантичной культуре Средней Азии. Аналогичные сооружения в виде четырехлепестковой розетки в плане в свое время открыты в Ферганской долине Н. Г. Горбуновой и раскопаны Т. Г. Оболдуевой, а также М. С. Мерцлиевым в Семиречье (8, с. 18; 25).

В 1964—1965 гг. в Ферганской долине при строительстве Каркидонского водохранилища открыто и раскопано сооружение (тепа 5), по плану аналогичное центральному сооружению II строительного периода Сеталак-I. Оно в плане в виде четырехлепестковой розетки, достигало в поперечнике около 20 м, в высоту сохранилось максимум на 2 м. Сооружение монолитное и целиком выложено из глины. Его прямоугольные углы между полукруглыми (они тут полуовальные) башнями в плане имитируют отсутствующее в центре квадратное сооружение первоначального здания Сеталак-I. Это точная копия центрального сооружения II строительного периода Сеталак-I в несколько уменьшенном виде. Даже ориентация сооружения по сторонам света дана с небольшим отклонением по меридиану к северозападу.

Наверху сооружения находилась небольшая квадратная камера, размером приблизительно 2×2 м, заполненная рыхлой землей. Поскольку все сооружение В. Л. Ворониной предположительно принято за буддийскую ступу, то углубление в центре, естественно, истолковано как реликварий.

Таков облик этого сооружения на первом этапе. Впоследствии, как отмечает Т. Оболдуева, его реконструировали, с четырех сторон вплотную между существующими башнями были пристроены еще четыре полукруглых башни, в результате чего сооружение приобрело причудливую форму в виде восьмилепестковой розетки. Никаких иных остатков архитектуры вокруг тепа 5 исследователи не обнаружили. Здесь отсутствовали культурные отложения, если не считать отдельных черепков керамики. Однако неподалеку обнаружены остатки небольшого, окруженного прямоугольной стеной поселения IV—VI вв. с остатками винодавильни.

В Ферганской долине Н. Г. Горбуновой обнаружено аналогичное сооружение. На нем не проводили раскопки по причине плохой сохранности. По предположению Н. Г. Горбуновой, это сооружение могло быть буддийской ступой, однако исследователь при этом отмечает и особенности, противоречащие данному заключению.

М. С. Мершиев вскрыл два аналогичных культовых сооружения в Юго-Восточном Казахстане. Первое — Чоль-тобе, расположенное в 45 км от Джамбула, раскопано полностью, второе — Кызыл-кайнар-тобе, найденное в 20 км от Джамбула, обследовано предварительно (25, с. 79—92). Чоль-тобе представляло собой крупный прямоугольный двор с помещениями по всему периметру, в восточной части которого находилось монолитное сооружение. Оно выложено из глины в виде четырехлепестковой розетки, однако без прямоугольных углов между полукругами.

Центральное сооружение Чоль-тобе достигало в поперечнике 18 м. Оно имело два строительных периода, но несмотря на это его внешний облик продолжал сохраняться без изменений. Через некоторое время после сооружения оно сверху было обложено пахсовой стеной толщиной 60 см, отделявшейся от основной кладки четким слоем штукатурки, как на Сеталаке-I. При раскопках второго аналогичного сооружения Кызыл-Кайнар-тобе в середине центрального сооружения его обнаружен комплекс находок ярко выраженного культово-мемориального характера. В середине его, отмечает М. С. Мершиев, находились два сводчатых помещения, в одном из них вскрыто захоронение воина, с которым найден типичный инвентарь: меч, наконечники стрел, пряжка от ремня и т. п. В стене камеры, имевшей сводчатое перекрытие, влево от погребения обнаружена ниша с заметно обожженными стенами. Под ней лежали обломки плоских жаровень. В ногах костяка, в полу камеры вскрыты две крупные ямы диаметром около 1 м и глубиной до 3 м, заполненные чистой золой. Весь комплекс Кызыл-Кайнар-тобе М. С. Мершиев относил к I—IV вв., а захоронение — к IV—V вв. Важно, что на этих двух памятниках крестовидные сооружения располагались в юго-восточной части двора. При вскрытиях культурных отложений вокруг культового сооружения обнаружены зольники. Таким образом, культовое сооружение на Кызыл-Кайнар-тобе в конце его функционирования имело, помимо всего, и мемориальное значение.

Совершенно особое освещение приобретает связь идеологий древней Средней Азии и языческих культов славян при сравнении данных сооружений Средней Азии с известным капищем Перуна, близ Новгорода, раскопанного В. В. Седовым (44, с. 92—103). Капище уничтожено в X в. В плане оно представляло собой довольно глубокий ров в виде восьмилепестковой розетки около 30 м в диаметре. В плане аналогично каркидонскому сооружению тепа 5 в Фергане. Ров окружал круглое возвышение, в центре которого находился деревянный идол и рядом жертвенник, в виде прямоугольной каменной выкладки, в каждой из восьми полукруглых секций рва находились зольники от горевших здесь костров.

Основное конструктивное отличие этого капища Перуна — божества грома и молнии в славянском пантеоне от культового сооружения, открытого в Фергане, в том, что в первом случае ров в виде восьмилепестковой розетки окружал центральную круглую платформу, а во втором вся платформа имела в плане вид четырехлепестковой или восьмилепестковой розетки. Объединяло же капище Перуна с перечисленными памятниками Средней Азии, помимо общего плана и размеров, характер культа огня, сопровождавшийся жертвенной трапезой.

Поиск более ранних общих истоков этих загадочных сооружений уводит нас в мир проявлений культа огня кочевников-сарматов, подчинявшихся, как сообщают источники, в начале нашей эры Кангюю. В Бузулукском районе Оренбургской области при изучении сарматских могильников открыты оригинальные святилища огня. Они имели вид круглой, квадратной или восьмиугольной площадки, окруженной валом с остатками мощных кострищ в середине (45). На одном из них в виде круглого вала диаметром 30 м произведены раскопки. В центре обнаружена большая округлая яма, полностью засыпанная золой и углем. Выше всю площадку, окруженную валом, покрывал почти полуметровый пласт золы, угля и красной горелой земли, в которых обнаружены остатки костей баранов, лошадей и коров. По мнению исследователей, здесь периодически разжигались большие кострища, причем золу, угли и горелую землю использовали как очистительный элемент. Это подтверждается выявлением в ряде позднесарматских курганов золы с углями, хотя земля не была обожжена.

Таким образом, это уникальное сооружение выполняло функции сарматского храма огня, где при очередном погребении разжигалось большое кострище, зола которого использовалась при захоронении в кургане, расположенном где-то в стороне. Аналогична конструкция круглого кострища в углублении на юго-восточном участке Сеталака-II, только оно вчетверо меньше по масштабу и расположено в укрепленном поселении. Кроме того, на нем вскрыты остатки невысокой стены, окружавшей его с юга, в разрезе его видны следы неоднократного углубления этой ямы и выемки накопившейся золы с последующим возжиганием новых кострищ. Это указывает на вероятность аналогичного назначения данного

святилища огня на Сеталаке-II, принадлежавшего жившей здесь семье, а также специального культового сооружения на Сеталаке-I. В связи с этим проясняется смысл захоронения у входа в комплекс Сеталак-I на кострище и погребения в центральном сооружении на Чоль-тобе, сопровождавшегося обрядом поклонения огню.

При раскопках городища Кызылкыр, находившегося в 2 км к югу от Сеталака-I, выявлено относившееся к первому строительному периоду монументальное сооружение в виде крупного квадратного здания. Оно состояло из большого центрального зала, окруженного узким коридором и предвратной комнатой на углу. Как полагает В. А. Нильсен, это было жилое сооружение, однако судя по планировке и культурным наслоениям, возможно, оно носило культовый характер.

С внешней стороны входа в сооружение, открытое на Кызылкыре, у подножья пандуса, ведущего в него, обнаружено захоронение женщины в богатом украшенном золотыми нашивками одеянии. Около ее изголовья находилась баранья голова, а в ногах — бронзовое зеркало с черешком. Характерно, что местоположение этого погребения идентично погребению на Сеталаке-I. Не исключено, что перед нами жреческие погребения, хотя погребение на Сеталаке-I носило иной характер и отличалось полным отсутствием сопровождающего инвентаря.

Много общего с Сеталак-I обнаруживает раннесредневековое культовое сооружение Актепа, раскопанное М. И. Филанович в Ташкенте (57, с. 109—140). Первоначально это был миниатюрный донжон с четырьмя крупными полуовальными башнями по углам, внутренние помещения его, образующие крест в плане, были забиты золистыми слоями. Здание неоднократно перестраивалось, как Сеталак-I, в корне меняя свой облик, но характерные культурные отложения, состоявшие из золисто-органических остатков, чередовавшихся с глиняной кладкой, свидетельствовали о близости, если не о идентичности обрядов, проводившихся на обоих памятниках.

Актепа функционировало с V—VIII вв. На памятнике встречено два погребения. Первое — погребение мужчины в яме — относилось ко времени функционирования объекта. Второе — коллективное погребение костей во внешней стене — происходило уже после его функционирования. Исследователь справедливо сопоставляет этот объект с упомянутым в источнике храмом культа предков, причем, как следует из сообщения, церемонии проводились вокруг золотой урны с сожженным прахом предков правителя.

По семантике и особенностям конструкции к перечисленным сооружениям близко здание близ Кафиркалы под Самаркандом, относившееся к V—VII вв. (34, с. 116—123; 60, с. 192). Характерно, что сохранившиеся помещения нижнего этажа имели четко выраженную крестообразную планировку, по диагонали вписанную в квадрат контура внешних стен, как и в Актепа Ташкента. Здание двухэтажное, стены помещений нижнего этажа имели щелевидные проемы, местами со следами копти. На верху сооружения

после его запустения помещения были использованы как хранилище оссуариев. Возможно, это здание было специальным культовым сооружением при городище Кафиркала.

Итак, перед нами группа синхронных памятников, объединенных такими особенностями, как солярная символика общей плани-

Т а б л и ц а

Объект	Солярная символика плана	Следы ритуальных кострищ	Свидетельства погребального культа
Сеталак-I, IV—V вв.	Крестовидное сооружение в квадрате внешней стены	Масса зольников вокруг центрального сооружения	Погребение костей на кострище
Актепа, V—VIII вв.	Крестообразный контур угловых башен и внутренних помещений по диагонали квадратного плана сооружения	Множество золистых и органических слоев	Отдельные погребения, сообщение источника о поклоне праху в специальном здании
Кызыл-кайнар-тобе, IV—V вв.	Крестовидное сооружение в прямоугольнике внешних стен	Пепел в специальных ямах и ниша с жаровней в камере	Костяк воина в камере
Здание у Кафиркалы, V—VII вв.	Внутренние помещения в квадрате внешнего контура по диагонали в виде креста	Щелевидные проемы стен нижнего этажа со следами копоти	Оссуарии с костями на верхнем этаже, возведенные после прекращения функционирования здания
Фергана IV—V вв. Кангакала, Куны-Уаз	Крестовидное в плане сооружение —	— Зольник на постаменте в центре помещения	Остатки глухой камеры (пустой) Кучки сложенных костей и обломки оссуариев

ровки, ритуальное возжжение огня и мемориальное сооружение.

В Хорезме на Кангакала и Куны-Уазе в жилых комплексах находились специальные помещения, в центре которых на постаменте разжигался огонь, а вокруг были уложены очищенные от плоти кости, рядом найдены фрагменты статуарных оссуариев (42, с. 76—81). Считается, что они оставлены хионитами-эфталитами (50, с. 299) (таблица).

Более раннее проявление культа солнца и огня в сооружениях мемориального характера мы видим в сакских мавзолеях Тегискена, где наряду с обрядом трупосожжения встречались захоронения в мавзолеях, что символизировало приобщение погребенных к вечному метафизическому бытию, понимаемому как возврат к первоначальной огненной субстанции. Причем, к первым векам в так называемых «крестовинах» наблюдалась тенденция замещения обряда трупосожжения обычным трупоположением.

Грандиозный культовый памятник раннеантичного Хорезма Кой-Крылганкала свидетельствует о слиянии идей сакских мавзолеев с культом земледельческих хитонических божеств: Сиявуша и Анахиты. Этот памятник сочетал в себе две функции: одновременно он был и мавзолеем и храмом. Позже обычай кремации в Хорезме и низовьях Сырдарьи исчезает и замещается в Хорезме зороастрийским погребением костей в оссуариях сначала статуарных, а затем обычных. В Согде, Шаше и Фергане захоронения в оссуариях получают распространение где-то с VI в. и господствуют в указанных районах вплоть до смены его повсеместно мусульманским обрядом погребения. А все рассмотренные нами памятники относятся к IV—V вв. К этому же времени относится своеобразное курганное погребение, недавно вскрытое А. Р. Мухамеджановым в северо-восточной части Бухарского оазиса, датированное сасанидской монетой. На дне обширной могильной ямы обнаружены следы громадного кострища, а вокруг него по кругу несколько десятков черепов со следами ткани, другие кости уложены поверх кострища, обожжены дочерна и присыпаны землей, выше уложено еще некоторое количество черепов с меньшими следами огня, а несколько выше засыпки ямы еще несколько необожженных черепов. Всего в кургане вскрыто 72 мужских и женских черепов, из них два — детские.

О том, что ритуальное возжжение огня в это время сопровождало уже зороастрийский обряд погребения костей, в отличие от архаического обряда трупосожжения, свидетельствует также и погребение очищенных костей на кострище у входа в комплекс помещений третьего строительного периода Сеталак-I. Однако эта некоторая реставрация архаических обрядов кремации и связанных с ними представлений уже резко отличается от, видимо, давно забытого обычая сжигания мавзолеев в Приаралье. На Сеталаке-I, Кангакала, Куня-Уаз возжжение огня сопровождало погребение очищенных костей, т. е. это зороастрийский обряд погребения.

Г. В. Шишкиной в свое время в Пайкенде отмечен наус предарабского времени, полы которого обожжены. Возжжение огня имело очистительное назначение. Но рассмотренные нами сооружения в то же время не были мавзолеями, погребения носили второстепенный характер и совершены в конце функционирования или после запустения памятников. Скорее всего, это были мемориальные храмы, в которых проводились ритуалы, связанные с поминальным культом. Возможно, при этом выставлялись урны с прахом (57, с. 136).

Насколько можно судить по культурным отложениям, обряд, проводимый на Сеталаке-I, заключался в разведении большого костра на комплексе либо под его стенами, где устраивалась жертвенная трапеца. Затем следы всего этого замуровывались глиной или слоем земли. Через некоторое время все это повторялось.

Как следует из вышеизложенного, комплекс Сеталак-I неразрывно связан, как и поселения вокруг него, с каунчинской тради-

цией изготовления посуды. В дальнейшем носители традиций каунчинской культуры быстро слились с исконно местным согдийским населением, внося в культуру Согда и свои индивидуальные черты. Аналогичные сооружения в Фергане и Семиречье, видимо, не что иное, как культурное влияние и распространение уже готовой формы святилища Сеталак-I в районы к северо-востоку от Согда. Причем время сооружения их также совпадает с отмеченным Л. М. Левиной влиянием каунчинской культуры в этих районах. Лишь время возведения Кызыл-Кайнар-тюбе, относимое М. С. Мерциевым к первым векам н. э., следует, видимо, считать удревненным. В целом же время появления и функционирования этих сооружений приходится на период, когда на исторической арене Средней Азии фигурируют хиониты и эфталиты, хотя Актепа в Ташкенте и здание у Кафиркалы близ Самарканда служили и позже. Источники упоминают о поклонении божеству неба и божеству огня у эфталитов.

Что же касается самой характерной особенности Сеталака-I и центрального сооружения его в виде четырехлепестковой розетки в плане, она, несомненно, восходит к фундаментальнейшим космогоническим представлениям большинства древних народов, в том числе и Средней Азии, о двухмерности плоского пространства, которое лежит в основе семантики буддийской мандалы и отражены, в частности; в планировке буддийских ступ.

Появление памятников, представляющих собой сооружения поминального культа, неразрывно связанного с культом огня и солнца, сочетающегося в Согде, как и Хорезме, с зороастрийским обрядом, относится к концу III—IV вв. В это же самое время повсеместно в керамике Согда наблюдалось распространение ряда особенностей керамики каунчинской культуры.

Таким образом, вышеописанные поминальные храмы с возжиганием огня и каунчинские признаки в керамическом производстве являются, видимо, существенными особенностями хионитско-эфталитского этнокультурного комплекса в Согде. В серии усадеб на периферии оазиса он представлен в более или менее оригинальном виде, а в культурных отложениях более ранних горючщ Бухарского оазиса проявляется в виде следов сильного влияния. Слияние двух традиций в оформлении керамики прослеживается, в частности, в керамических материалах более поздних поселений изученной группы, переходящей выше по Хитфару в укрепленные раннесредневековые усадьбы, а также в типологии керамики V—VII вв. Рамиша и Рамитана. Результатом этого окончательного слияния явилась самобытная раннесредневековая культура Согда.

Симптоматичен в этом отношении тот факт, что древний проток Зарафшана, в нижней части которого возникают указанные поселения, в средние века назывался Хитфар, т. е. носил имя эфталитского царя Гатифара, который в районе Бухары возглавил сражение с тюрками, приведшее к гибели его государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов А. А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
2. Аскарлов А. А. Сапаллитепа, Ташкент, 1973.
3. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов. — В сб.: Живопись Древнего Пенджикента. М., 1954.
4. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959.
5. Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории УзССР на территории Ферганы. — В кн.: Труды музея истории УзССР. Вып. 2. Ташкент, 1954.
6. Высотская Н. Т. Общественные здания Неаполя Скифского. — СА, № 2, 1975.
7. Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972.
8. Горбунова Н. Г. В Древней Фергане. Ташкент, 1972.
9. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, № 36, М., 1954, с. 63, 170.
10. Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. — ТИИА АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
11. Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
12. Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
13. Дуке Х. И. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. — СА, 1957, № 4.
14. Зеймаль Е. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса. — В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXVII. Л., 1973.
15. Исамиддинов М. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978, № 3.
16. Кабанов С. К. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. — БДИ, 1956, № 2.
17. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афраснаб. — В сб.: Афраснаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.
18. Касымов М. Р. Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
19. Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. — ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.
20. Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене. — СЭ, 1972, № 1.
21. Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. — В сб.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

22. Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Лепнабадской области в 1957 г. — В сб.: Труды АН ТаджССР. Т. 103. Душанбе, 1957.
23. Максимова А. П., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
24. Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарья с древнейших времен. Ташкент, 1973.
25. Мершиев М. С. Поселения Кзыл-Кайнар-тюбе I—IV вв. и захоронения на нем воина IV—V вв. — В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
26. Мухамеджанов А. Р. Қўйи Зарафшон водийсининг суғориш тарихи. Тошкент, 1972.
27. Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.) Ташкент, 1978.
28. Мухамедов Х. Ўзбекистоннинг қадимги мудофаа иншоотлари тарихидан. Тошкент, 1961.
29. Наршахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.
30. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. — ТХЭ. Т. IV. М., 1959.
31. Неразик Е. Е. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. — МХЭ. Вып. 1. М., 1959.
32. Неразик Е. Е., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки Барак-тама I в. МХЭ. Вып. 1. М., 1959.
33. Нильсен В. А. Кызылқыр. — ИМКУ. Вып. I. Ташкент, 1959.
34. Нильсен В. А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафир-калы под Самаркандом. — ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
35. Обельченко О. В. Курганные погребения I в. н. э. и кенатафы Куюмазарского могильника в Бухарской области. — В сб.: Труды САГУ. Археология Средней Азии. Вып. 4. Ташкент, 1957.
36. Обельченко О. В. Захоронения костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса. — ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
37. Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
38. Обельченко О. В. Курганы около селения Хазара. — ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
39. Обельченко О. В. Сазаганские курганы. — ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
40. Обельченко О. В. Миранкульские курганы. — ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1967.
41. Располова В. И. Византийские поясные пряжки в Союзе — КСИА. Вып. 114, 1968.
42. Рапопорт Ю. А. Из истории религии Древнего Хорезма. М., 1971.
43. Рутковская Л. М. Об одной группе среднеазиатских культовых сосудов. — В сб.: Труды САГУ. Т. IV. Ташкент, 1957.
44. Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — КСИА. Вып. 50, 1953.
45. Смирнов К. Ф., Толов С. А. Сарматское святилище огня. — МИА. 1969, № 169.
46. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
47. Спришевский В. И. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. Хроника. — СА, 1957, № 4.
48. Ставиский Б. Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. — СА, 1967, № 2.
49. Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш. — ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
50. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
51. Трудновский С. А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов. — В сб.: Труды ХАЭЭ. Вып. 5. М., 1967.

52. Ураков Б. Предварительное изучение керамических комплексов из античных памятников Кызылкыра и Сеталак.— В сб.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
53. Ураков Б. Керамический комплекс позднеантичных памятников Кызылкыр-I и Сеталак-I.— ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
54. Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа.— ОНУ, 1978, № 2.
55. Ураков Б. Периодизация керамики городища Рамиш античного времени.— В сб.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1974 года в СССР. Киев, 1975.
56. Ураков Б. Позднеантичная керамика древнебухарского оазиса.— В сб.: Тезисы докладов сессии, античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1979.
57. Филанович М. И. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
58. Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.
59. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
60. Шишкин Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом.— ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
61. Явич М. М. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите.— ТОВЭ. Т. IV. Л., 1947.
62. Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину. 1934 г.— ТОВЭ. Т. II. Л., 1940.
63. Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г.— ТОВЭ. Т. II. Л., 1940.
64. Мас'дуди, Танбих.— Kitab at tanbin wa'l-ischraf aukfore al-Masudi. (ed. M. I. de Goeje). Lugdui — Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Археологические памятники Кызылкура и Сеталака	5
Древнебухарская стена Канпирак и кызылкурская оросительная система.	21
Раскопки Кызылкура-I	26
Раскопки Кызылкура-II. Дом-2	41
Стратиграфический раскоп на Кызылкуре-III	53
Раскопки на Сеталаке-II	53
Раскопки Нортена	60
Раскопки Сеталака-I	66
Археологические находки комплекса Сеталак-I	99
Из истории культуры Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья	111
Литература	123

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕБУХАРСКОГО ОАЗИСА III—VI вв. н. э.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии АН УзССР, Отделением истории,
языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *А. Михерева*
Художник *Г. Просвилов*
Технический редактор *В. Тарахович*
Корректор *М. Саттарова*

ИБ № 2233

Сдано в набор 28.01.83. Подписано к печати 15.03.83. Р11355. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 1000. Заказ 34. Цена 1 р. 20 к.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ВЫПУСКАЕТ В СВЕТ В 1983 ГОДУ МОНОГРАФИЮ

А. А. Аскар ов, Б. Н. Абдуллаев. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на Юге Узбекистана).

На русском языке. 12 изд. л.
Цена 2 р. 80 к.

Монография посвящена уникальному памятнику эпохи поздней бронзы на Юге Узбекистана. На основе изучения большого археологического материала жилых, культовых и погребальных комплексов авторы пытаются проследить основные этапы развития протогородской цивилизации на Юге Узбекистана, выявить культурные связи автохтонного населения с племенами сопредельных областей. В работе освещаются также вопросы хозяйственного развития, социальный строй и религиозные представления древних земледельцев Юга Узбекистана.

Для археологов, этнографов, историков, студентов исторических факультетов вузов и всех интересующихся древней историей Узбекистана.

Цена 1 р 20 к

